

БУЛЕТИНУЛ

АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИНЦЕ А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

СЕРИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

1977

БУЛЕТИНУЛ

АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

ВЫПУСК 1

Содержание

1. Исследования по истории культуры молдавского народа (С. 1-10)

2. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 11-20)

3. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 21-30)

4. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 31-40)

5. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 41-50)

6. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 51-60)

7. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 61-70)

8. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 71-80)

9. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 81-90)

10. О некоторых аспектах культуры молдавского народа (С. 91-100)

Журнал основан в 1951 году. Выходит 3 раза в год

СЕРИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

1

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИИНЦА» * КИШИНЕВ * 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академики АН МССР **Я. С. Гросул** (главный редактор), **А. М. Лазарев** (зам. главного редактора), **Н. П. Фролов** (зам. главного редактора), члены-корреспонденты АН МССР **Д. Т. Урсул**, **Н. А. Мохов**, доктор философских наук **А. И. Бабий** (ответственный секретарь), доктор исторических наук **Б. К. Визер**, кандидат исторических наук **В. С. Зеленчук**, кандидат искусствоведческих наук **М. Я. Лившиц**, кандидат экономических наук **Г. Н. Сингур**, кандидат юридических наук **П. С. Никитюк**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

- В. Ф. Паскал.** Основные тенденции и некоторые факторы выравнивания экономических условий воспроизводства в колхозах Молдавской ССР 5
Н. М. Цветкова. Сокращение сроков освоения проектных мощностей — крупный резерв повышения эффективности капитальных вложений 14

История

- И. А. Цуркан.** Строительство и содержание сельских учреждений культуры колхозами Молдавии (1951—1970 гг.) 23
И. Г. Киртоагэ. Численность и этнический состав населения городов Бендеры, Килия и Аккерман в XVIII — начале XIX в. 34

Философия и право

- И. Н. Серебренникова.** Соотношение нравственных и эстетических потребностей личности 43
Ю. Н. Тодыка. Организационно-правовые вопросы совершенствования деятельности аппарата управления территориальных аграрно-промышленных объединений 51
Е. Г. Мартынчик. Эффективность деятельности суда по обеспечению прав подсудимого 59

Этнография и искусствоведение

- Э. П. Флоря.** О принципах классификации молдавского танцевального фольклора 67
А. И. Галбен. К истории преимущественного права приобретения в Молдавии 77

Краткие сообщения

- Л. Д. Лоскутова.** О развитии свадебной обрядности в Советской Молдавии 84
Н. Н. Рожковская. О развитии любительского театра в Бессарабии (1890—1900 гг.) 85
С. С. Курогло. Гагаузские обычаи, обряды и верования, связанные со смертью и похоронами 88
М. В. Петров. Некоторые вопросы авторского права на сценарии 90

Рецензии

- Е. Н. Истрати.** Хотинское восстание 92
К. А. Поглубко. Труд о болгарском поэте-революционере 95

ЭКОНОМИКА

В. Ф. ПАСКАЛ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ВЫРАВНИВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА В КОЛХОЗАХ МОЛДАВСКОЙ ССР

В свете задач, выдвинутых XXV съездом КПСС по ускорению развития сельскохозяйственного производства и перевода его на современную индустриальную основу, и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством»¹ исключительно важное значение приобретает проблема выравнивания экономических условий хозяйствования колхозов, находящихся на различных уровнях развития, «...с тем, чтобы последовательнее осуществлять принцип равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы»².

В сельском хозяйстве, в силу неодинакового плодородия земель, равный труд при одинаковой вооруженности его средствами производства и одинаковой квалификации рабочих дает различные результаты. Эта особенность главного средства производства — земли — имеет решающее значение для образования дополнительного продукта — дифференциального дохода, который является материальной субстанцией создания дифференциальной ренты.

Известно, что уровень доходности колхозов обусловлен прежде всего объективными природно-климатическими условиями. При этом как естественные, так и экономические процессы воспроизводства взаимосвязаны и оказывают разностороннее воздействие на экономическую эффективность производства.

Естественный процесс воспроизводства сельскохозяйственной продукции связан с почвенно-климатическими условиями и проявляется «...в зависимости от различия в производительности труда»³. Как справедливо указывал К. Маркс, «одно и то же количество труда может здесь в зависимости от не поддающихся контролю природных условий, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д. выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей»⁴. Если учесть, «...что одно и то же количество труда выражается то в меньшей, то в большей совокупной массе товаров... т. е. имеет, в соответствии с этим, то большую, то меньшую стоимость»⁵, то при равных затратах предприятия с различными по плодородию почвами получают разные доходы и оказываются в неравных экономических условиях воспроизводства, что приводит к дифференциации их доходов, оплаты труда, объемов и темпов производства.

Изучение почвенных условий Молдавии свидетельствует о том, что здесь имеются все почвенные зоны, за исключением тундры. Причем разнообразие почвенного покрова и других условий производства наблюдается не только в пределах районов, но и внутри хозяйств, где качество пахотных угодий колеблется от 44 до 95 баллов.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

Серия общественных наук, № 1, 1977 г.

Редактор П. М. Андриеш
Художественный редактор Г. Н. Остапенко
Технический редактор Н. В. Попеску
Корректоры А. Б. Тарасова, Л. Г. Руссу, А. Л. Меламед

Сдано в набор 22.XII 1976 г. Подписано к печати 10.III 1977 г. АБ04146. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 8,40. Уч.-изд. л. 8,14. Тираж 481 экз. Цена 45 коп. Зак. № 765.

Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 10

Группировки колхозов⁶, с учетом балльной системы, показали, что там, где качество пашни оценено до 70 баллов (51% хозяйств), на каждый гектар получено валовой продукции на сумму 424 руб. и чистого дохода 195 руб., а в тех, где свыше 80 баллов (17% хозяйств), — по 465 и 213 руб. соответственно. Не случайно относительно устойчивые различия в затратах труда на производство зерна, подсолнечника, сахарной свеклы и винограда составляют 1:3, овощей — 1:2 и фруктов 1:1,5.

Таким образом, в хозяйствах с более плодородными землями достигаются наиболее высокий уровень производительности труда, эффективности затрат и более устойчивые темпы воспроизводства.

Выравнивание экономических условий воспроизводства хозяйств — сложный и многогранный процесс. Он затрагивает различные стороны развития материально-технической базы сельского хозяйства, всей системы экономических отношений на селе и является частью такой крупной задачи, как перевод сельского хозяйства на промышленную основу. Выравнивание экономических условий воспроизводства сопровождается повышением эффективности производства и основывается на интенсивных методах ведения хозяйства, которые связаны с добавочными вложениями и более рациональным использованием земли, средств производства и живого труда.

Проблема обеспечения равных условий воспроизводства в колхозах и ликвидации значительной их дифференциации по уровню производства валовой и товарной продукции, фондообеспеченности, денежной выручки и прибыли имеет свои социально-экономические особенности, обусловленные характером кооперативно-колхозной собственности. В частности, для колхозов еще в большей степени, чем для государственных предприятий, решающим условием хозяйствования является определенный уровень доходности.

При равенстве прочих условий размер накоплений в колхозах определяется достигнутым уровнем доходности, во многом зависящим от естественных условий производства. Доходность является формой выражения экономического интереса, а ее выравнивание — средством его реализации, фактором сближения уровней технического оснащения производства и условий воспроизводства рабочей силы в колхозах⁷.

Проблема выравнивания условий хозяйствования колхозов своей актуальностью привлекает все большее внимание, однако в настоящее время наиболее полно разработаны вопросы выравнивания условий развития экономики между союзными республиками и в меньшей мере — внутри их.

В экономической литературе в ходе научных дискуссий по данной проблеме определились две концепции⁸. Первая — выравнивание путем нивелирования уровней развития хозяйств — превалировала в экономических отношениях между государством и колхозами до февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС. Вторая — выравнивание для обеспечения равной оплаты за равный труд — получила широкое развитие после решений упомянутого Пленума.

Если суть первой концепции сводилась к передаче государству всего избытка прибыли над средним уровнем рентабельности, то вторая концепция предполагала выдвижение проблемы накоплений, так как равную оплату за равный труд хозяйства с минимальным уровнем рентабельности производства обеспечивали за счет ограничения размеров накоплений. В результате усиливаются различия этих хозяйств в возможностях расширенного воспроизводства, снижаются темпы роста и экономическая эффективность производства.

В колхозах Молдавии, где уровень рентабельности в 1974 г. достиг 20%, на одного среднегодового работника приходился 851 руб. валового и 170 руб. чистого доходов, фонд накопления составил 123 руб., оплата человеко-дня — 3,7 руб. В колхозах с рентабельностью производства от 40 до 60% размер валового дохода в расчете на среднегодового работника составил 1778 руб., чистого дохода — 781 руб., фонд накопления — 1078 руб., а оплата труда — 4,2 руб.

Пути создания более равных экономических условий воспроизводства в хозяйствах с различными естественными условиями определяются социалистическими производственными отношениями, специфическими особенностями колхозного производства, которые предполагают, с одной стороны, экономическое стимулирование производства, с другой — изъятие, перераспределение и централизацию той части чистого дохода, которая носит преимущественно рентный характер. Это осуществляется путем совершенствования экономических отношений между государством и колхозами по линии ценовой и финансово-кредитной систем планового регулирования доходов и накоплений, а также материально-технического снабжения.

При этом выравнивание не должно сводиться к изъятию всех рентных доходов. Это привело бы к искусственному торможению темпов накопления в хозяйствах, расположенных на лучших землях. Такой процесс должен способствовать росту экономической эффективности сельскохозяйственного производства, устранению социально и экономически необоснованных различий в доходности хозяйств и оплате труда колхозников.

За последние годы осуществлен ряд мероприятий, оказавших положительное воздействие не только на подъем экономики колхозов, но и на выравнивание их доходов, повышение материальной заинтересованности колхозников. Улучшены условия заготовок сельскохозяйственных продуктов, усовершенствована система взимания подоходного налога и государственного страхования, повышены закупочные цены на большинство сельскохозяйственных продуктов. Последнее способствовало увеличению размера дифференциального дохода, передаваемого в распоряжение колхозов, и возрастанию размеров той его части, которая поступает в централизованный фонд на развитие и ускорение интенсификации производства.

За годы девятой пятилетки среднегодовой выход валовой продукции колхозов в расчете на человеко-день увеличился по сравнению с восьмой пятилеткой на 45%⁹, валового и чистого доходов — на 40, оплата труда — на 25,5%. На 100 га сельскохозяйственных угодий валовой доход возрос на 35 и чистый доход — на 41%. Значительно улучшились возможности колхозов в части отчислений на пополнение основных и оборотных средств. Если в 1970 г. только 1,8% хозяйств отчислили на пополнение основных средств четвертую часть своего чистого дохода, то в 1974 г. их насчитывалось уже 7%, а удельный вес колхозов, которые отчислили от 25 до 50% чистого дохода возрос с 14,2 до 43,9%. В 1970 г. около 55% колхозов не имели возможности пополнить собственные оборотные средства за счет отчислений от валового дохода. К 1974 г. удельный вес таких хозяйств сократился до 28% и увеличилось с 6,7 до 24,7% количество хозяйств, которые отчислили на пополнение собственных оборотных средств от 10 до 20% валового дохода.

Уменьшение неоправданных различий в уровне оплаты труда достигнуто в основном экономическим регулированием соотношений между фондом оплаты труда и чистым доходом хозяйств. Среднегодовой объем отчислений в фонды потребления в колхозах возрос с

80,8 млн. руб. в 1966—1970 гг. до 102,5 млн. руб. в 1971—1974 гг., в расчете на один колхозный двор — с 832 до 1002 руб., а на каждого трудоспособного колхозника — с 504 до 637 руб.

Постепенное приближение уровней оплаты труда к среднему по республике можно проследить на примере хозяйств Северной и Южной природно-экономических зон. В годы восьмой пятилетки в колхозах Бричанского и Дрокневского районов (Северная зона) уровень оплаты труда составил 97,5% к среднереспубликанскому, а в хозяйствах Вулканештского и Чимишлийского районов (Южная зона) — 115,4 и 97,8%. В годы девятой пятилетки соотношение изменилось: в колхозах Бричанского района — 105,8%, Дондюшанского — 100,8, Вулканештского — 109,3 и Чимишлийского — 100%.

Основное направление в выравнивании экономических условий повышения доходов определяет научно-технический прогресс и связанные с ним процессы. Уменьшению степени влияния природных факторов на результаты производства способствует всесторонняя интенсификация сельскохозяйственного производства. Она помогает повысить общее плодородие земли, уровень производительности труда и доходность хозяйств и тем самым имеет решающее значение в создании условий для осуществления расширенного воспроизводства.

Повышение уровня интенсивности земледелия сопровождается ростом производственных затрат, расходов на удобрения, приобретение машин и оборудования (табл. 1).

Таблица 1

Уровень интенсивности и экономическая эффективность интенсификации земледелия в колхозах* Молдавской ССР (в руб. на 1 га сельхозугодий)

Показатели	1966—1970 гг.	1971—1975 гг.	1971—1975 гг.
			в % к 1966—1970 гг.
Стоимость основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения	203,6	423,6	208,1
В том числе:			
машин и оборудования	41,8	135,9	325,2
минеральных удобрений	5,5	13,6	247,0
Производственные затраты	231,1	336,5	145,6
Выполнено тракторных работ (в условных эталонных га)	12,1	15,2	125,6
Произведено валовой продукции	347,9	496,8	142,8
Получено прибыли	125,2	148,4	118,5
Рентабельность, %	36,0	44,1	-8,1**

* Включая межхозяйственные объединения по механизации, мелиорации, Колхозтранс, межколхозсад «Память Ильичу».

** Разница в % (+, -).

Перевод сельского хозяйства на промышленную основу настоятельно требует нового методического подхода к системе стоимостных и натуральных показателей оценки уровня интенсификации производства. Вместе с тем, применяя показатель производственных затрат на единицу земельной площади, было бы неверным считать полезным всякий рост затрат. Каждое добавочное вложение должно, как правило, знаменовать технический прогресс в сельском хозяйстве и способствовать в конкретных условиях росту производства, снижению себестоимости продукции и повышению рентабельности.

В результате возросших затрат увеличивается и производство валовой продукции, хотя темпы ее прироста значительно отстают от тем-

пов прироста производственных фондов. Тенденция падения эффективности использования производственных фондов объясняется тем, что для повышения уровня интенсификации и продуктивности земли недостаточно только наличия необходимых средств. Нужны и новые методы вложений, так как «...самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала» предполагает изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо изобрести новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продукта и пр. и пр.»¹⁰.

Углубление процесса перевода сельского хозяйства на промышленную основу в сочетании с новой организационной структурой и более совершенными экономическими связями создают благоприятные условия для широкого применения достижений научно-технического прогресса и организации производства в едином потоке, основанном на машинной технологии.

В предстоящем периоде повышение культуры ведения земледелия и животноводства на промышленной основе предполагает улучшение технической оснащенности хозяйств. Ведь только для завершения комплексной механизации земледелия и обеспечения выполнения всех работ в оптимальные агротехнические сроки техническую оснащенность хозяйств необходимо увеличить в 1,3—1,5 раза¹¹.

Массовое внедрение систем машин приведет к существенному росту энергооборуженности труда, к определенной относительной нивелировке структуры и уровня затрат живого и овеществленного труда на единицу продукции, что, несомненно, скажется на выравнивании условий хозяйствования. Это имеет весьма важное значение для колхозов. Производственная кооперация создала им возможность специализироваться по отраслям, размеры которых являются достаточными для применения индустриальной технологии. В 1971—1975 гг. доля растениеводства в валовом доходе равнялась 77,5%, а животноводства — 18,8%. В структуре доходов от растениеводства наиболее прибыльными являются табаководство, свекловодство, овощеводство и другие недостаточно механизированные отрасли.

В процессе создания более равных условий для повышения доходности хозяйств существенное значение принадлежит такому важному производственному фактору, как химизация производства. Она значительно пополняет баланс тех питательных веществ и элементов, недостаток которых в почве делает ее естественное плодородие сравнительно низким и неустойчивым в целом ряде хозяйств.

Повышение обеспеченности сельскохозяйственных угодий питательными веществами служит материальной основой развития тенденции к сближению экономического плодородия почв, что, в свою очередь, влечет за собой нивелировку экономической дифференциации хозяйств в различных природно-экономических зонах республики. По данным ЦСУ при Совете Министров МССР, поставка минеральных удобрений сельскому хозяйству возросла с 118 тыс. т в 1970 г. до 188 тыс. т в 1974 г., а в расчете на 1 га пашни — с 55,4 до 88,3 кг.

Количество поступивших азотных удобрений увеличилось в 1,6 раза, фосфорных — в 1,4, калийных — в 1,8 раза. Более полно удовлетворяются потребности в минеральных удобрениях при возделывании зерновых колосовых, кукурузы, сахарной свеклы. Так, в расчете на 1 га посева всех сельскохозяйственных культур внесено в 1974 г. по 80 кг питательных веществ, или в 1,7 раза больше, чем в 1970 г.; зерновых колосовых — в 1,9, кукурузы — 2,2 и сахарной свеклы — в 1,2 раза.

По данным научных учреждений только за счет удобрений можно увеличить производство озимой пшеницы и кукурузы в республике на 15—20% и сахарной свеклы — на 30—40%. Причем каждый рубль, затраченный на применение удобрений, дает прибыли от производства: сахарной свеклы — 7—11 руб., подсолнечника — 6—8, кукурузы — 2—3 руб.

Вместе с тем следует отметить, что в весьма незначительном количестве используются минеральные удобрения под табак, производство которого обеспечило колхозам в 1973—1975 гг. 25% денежной выручки и 18% всей прибыли от растениеводческих отраслей. На его долю приходилось 24% материально-денежных затрат, 31% затрат труда и более 32% всего фонда оплаты труда растениеводства. Невосполнимый недостаток питательных веществ в почве в период роста и развития табака значительно сказался на уровне производительности труда, увеличении абсолютных величин разрывов в уровнях урожайности и себестоимости продукции. И если учесть весьма важную роль табаководства в экономике колхозов, то нетрудно убедиться в том, что наметившаяся тенденция дифференциации основных экономических показателей развития табаководства сказалась на углублении дифференциации хозяйств по уровню их доходов.

Вот почему в предстоящем пятилетии необходимо обеспечить целенаправленное выделение и использование минеральных удобрений в ряде основных отраслей растениеводства, в том числе табаководстве. Увеличение содержания питательных веществ в почве, высокий агротехнический фон обеспечат решение белковой проблемы в кормопроизводстве, а также реализацию больших потенциальных возможностей новых высокоурожайных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, площади которых постоянно расширяются.

В процессе относительного выравнивания уровней экономики колхозов существенная роль принадлежит дальнейшему развитию отраслевого и территориального разделения труда в сельском хозяйстве.

Специализация, придав определенную направленность всем факторам интенсификации, привела к повышению уровня концентрации и созданию крупного производства, особенно продуктов животноводства. Это позволило хозяйствам объединения Колхозживпром обеспечить массовое производство с относительно меньшими затратами труда и средств в расчете на единицу продукции, чем в колхозах. В 1975 г. колхозы затратили на производство центнера говядины в среднем по 67,7 чел.-часа. Себестоимость единицы продукции составляла 189,8 руб. при оплате чел.-дня 3,98 руб. В хозяйствах объединения затраты на один центнер той же продукции оказались ниже в 7 раз, себестоимость снизилась в 1,9 раза, а оплата труда возросла в 1,5 раза.

Успешное решение проблемы выравнивания обеспечит дальнейший подъем производительных сил, повышение степени обобществления процессов производства в колхозном секторе. Вместе с тем было бы неверным полагать, что она будет решена сама по себе, путем дальнейшей интенсификации производства.

Практически интенсификация сельского хозяйства бывает неравномерной. Это объясняется в первую очередь различным уровнем технического прогресса на каждый данный период, что не позволяет в одинаковой степени технически вооружить все отрасли сельскохозяйственного производства. Всесторонняя интенсификация не ликвидирует различий в плодородии почв, в уровне производительности труда и при равенстве прочих условий — в доходности хозяйств, так как «повышенные абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не

уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает»¹².

Внедрение научно-технического прогресса, ускорение темпов интенсификации, неравномерное углубление специализации производства не замедлили, а наоборот, ускорили процесс дифференциации колхозов Молдавии по уровню доходов и оплате труда. В результате наряду с общим повышением доходов колхозов наметились и действуют две противоречивые тенденции выравнивания доходов и возрастания различий в доходности хозяйств. Если в 1971 г. удельный вес колхозов с минимальным уровнем рентабельности (до 20%) составил 4,7%, а с максимальным (45%) — 41,6%, то в 1974 г. это соотношение значительно изменилось. Более чем в 16% хозяйств рентабельность не достигла даже облагаемого уровня. В целом число колхозов с минимальной рентабельностью возросло в 3,4 раза и во столько же раз сократилось число тех хозяйств, где уровень рентабельности превышал 45%. Только у 2,1% колхозов совокупная рентабельность была выше 60%. Следовательно, увеличилось число колхозов, где из года в год сужаются инвестиционные возможности и проявляются несоответствия в осуществлении хозрасчетного стимулирования и формирования накоплений.

С ростом оплаты труда колхозников четко наметилась тенденция увеличения числа хозяйств с более высоким ее уровнем. Если в 1965 г. в 52% колхозов оплата труда не превышала 3 руб., то уже в 1970 г. около 70% хозяйств обеспечивали на каждый отработанный чел.-день от 3 до 4 руб. Характерно, что удельный вес колхозов с относительно высокой оплатой труда — более 4 руб. — составлял в 1965 г. — 8%, в 1970 г. — 10, а в 1974 г. — 47% (табл. 2).

Таблица 2

Группировка колхозов Молдавской ССР по оплате труда

Группы колхозов	Оплата чел.-дня, руб.	1965 г.		1970 г.		1974 г.	
		число колхозов	в % к итогу	число колхозов	в % к итогу	число колхозов	в % к итогу
I	2,01—3	244	52	115	21	4	1
II	3,01—4	185	40	378	69	247	52
III	4,01—5	37	8	52	9	196	42
IV	свыше 5	—	—	5	1	25	5
Итого		466	100	550	100	472	100

Вместе с тем большие различия наблюдаются в уровне оплаты труда по отдельным колхозам. В 1974 г. в республике насчитывалось 53% хозяйств, где оплата одного чел.-дня была ниже среднереспубликанского уровня — 4,05 руб. Для девятой пятилетки характерен не только рост оплаты труда колхозников в 1,2 раза, но и увеличение разрыва между минимальным и максимальным ее уровнем в 1,5 раза. В 1971—1974 гг. минимальная оплата одного чел.-дня достигла 3,16 руб., а максимальная — 4,77 руб. По сравнению с показателями восьмой пятилетки они возросли соответственно на 18,3 и 27,2%. Разница в минимальном уровне оплаты труда увеличилась и составила 0,61 руб. против 0,58 руб. в 1966—1970 гг., а максимальная возросла до 1 руб. против 50 коп. По данным годовых отчетов колхозов за 1974 г., в республике насчитывалось 52% колхозов с уровнем оплаты чел.-дня от 3 до 4 руб. и 47% — свыше 4 руб.

Имеющиеся различия в уровне оплаты труда объясняются рядом причин и в первую очередь объемом валового дохода хозяйств и его распределением, величиной реализуемого дохода, в том числе дифференциального рентного дохода, а также частичным его использованием на оплату по труду. На величину же реализуемого колхозами дохода непосредственное влияние оказывает уровень себестоимости производимой продукции и степень эквивалентности обмена. В целом за 1966—1974 гг. общие затраты, включенные в себестоимость, под воздействием структурных сдвигов валовой и товарной продукции увеличились с 662,1 до 943,7 млн. руб., или на 42,5%. Среднегодовые темпы роста валовой продукции составили 103, а затрат — 105,6%.

Значительное влияние на уровень накоплений и выравнивание доходности хозяйств оказывает порядок налогообложения. Повышение процента выплаты подоходного налога¹³ при высокой рентабельности колхозов вполне оправдано. Такого размера ставки подоходного налога с хозяйств, достигших высокой доходности, не подрывают стимула к дальнейшему росту экономической эффективности производства. Ведь и при повышенной рентабельности (свыше 75%) прирост чистого дохода остается в распоряжении колхоза.

О благотворном воздействии введенного порядка взимания подоходного налога на укрепление экономики колхозов можно судить по следующим данным. В 1965 г. колхозы республики уплатили 48,7 млн. руб. подоходного налога. В восьмой пятилетке в среднем за год такие отчисления составили 23,4 млн. руб., а в девятой — 19,2 млн. руб. Уменьшение выплат подоходного налога дало возможность колхозам повысить оплату труда и увеличить отчисления на расширение производства. Тем самым произошло некоторое выравнивание как в доходах хозяйств, так и в уровне оплаты труда колхозников.

Избыточный чистый доход и слишком высокая рентабельность производства отдельных колхозов объясняются не только их успешной хозяйственной деятельностью, но в значительной мере и благоприятными природно-экономическими условиями. Однако следует отметить, что, начиная с 1970 г., в основу дифференциации налоговых ставок положен уровень рентабельности независимо от природно-экономических условий, в которых находится то или иное хозяйство. Такое положение вещей объясняется в частности тем, что у нас нет объективного показателя, который можно положить в основу дифференциации налоговых ставок. По нашему мнению, им могла бы стать экономическая оценка земель.

Практическое решение проблемы выравнивания условий хозяйствования колхозов и осуществления равной оплаты за равный труд должно осуществляться, с одной стороны, за счет более быстрых темпов снижения себестоимости продукции и роста доходности колхозов. Это будет обеспечено путем дальнейшей индустриализации сельского хозяйства на основе ускорения научно-технического прогресса, планомерного осуществления специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации. Дальнейшая индустриализация позволит расширить объем производства, добиться постепенного сокращения затрат живого труда, увеличить рентабельность и размер чистого дохода и тем самым улучшить экономические условия для расширенного воспроизводства в колхозах.

С другой стороны, решение такой программной задачи невозможно без дальнейшего совершенствования распределительных отношений и в первую очередь рентного механизма. Речь идет о поисках экономически обоснованной меры изъятия дифференциальной ренты, так как

ныне действующий механизм перераспределения прибавочного продукта колхозов мало связан с качеством земли и образованием дифференциальной ренты. Отсутствие экономической оценки земли исключает возможность использования прямой формы рентных платежей, а использование закупочных цен для передачи государству дифференциальной ренты не создает достаточных экономических стимулов для развития производства в хозяйствах с более благоприятными естественными условиями производства.

Повышение закупочных цен сопровождалось возрастанием дифференциальной ренты в хозяйствах с лучшими природными и экономическими условиями производства. Накопление определенного размера дифференциального дохода выступало главным источником интенсификации, ускорения научно-технического прогресса и на этой основе повышения темпов расширенного воспроизводства. Оно привело к развитию процесса дифференциации уровней развития колхозов.

В условиях республики, на наш взгляд, не может найти своего применения такой метод регулирования доходности, как дифференциация закупочных цен. Дробная, похозяйственная их дифференциация на основную продукцию затруднила бы принятие оптимальных решений, развитие межхозяйственной специализации и концентрации производства на базе межхозяйственного кооперирования. Дифференциацией закупочных цен нельзя добиться устранения различий в объективных условиях хозяйствования, преодолеть существующую распыленность ресурсов, снижающую общую эффективность фондовых вложений.

В условиях перехода к промышленному производству и создания новых органов управления кооперативно-колхозным сектором система внутрizonального рентного перераспределения должна способствовать не только выравниванию экономических возможностей хозяйствования на основе закономерных процессов специализации и концентрации производства путем межхозяйственной кооперации, но и более планомерному управлению этими процессами в районном и республиканском масштабах.

Нам представляется, что для колхозов республики, отличающихся многоотраслевой структурой производства, одним из путей перехода к более совершенным распределительным отношениям и радикальной мерой выравнивания условий воспроизводства становится межхозяйственное кооперирование. Оно позволяет решать проблему выравнивания не только посредством создания единого производства, но и широкого использования механизма экономического регулирования доходности хозяйств. Колхозы вне зависимости от их экономического уровня получают одинаковый экономический эффект от вложенных средств в межхозяйственные предприятия, функционирующие на основе новейших технических средств и обеспечивающие высокую производительность труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Правда», 1976, 10 сентября.
- ² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972, с. 82.
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф.: Соч., т. 26, ч. II, с. 284.
- ⁴ Там же, Соч., т. 25, ч. I, с. 131.
- ⁵ Там же, Соч., т. 26, ч. II, с. 284.
- ⁶ Экономическая оценка земель в Молдавской ССР. Кишинев, 1973.
- ⁷ Вестник Московского университета, Серия «Экономика», 1973, № 2, с. 68.
- ⁸ Хяля Э. П. Совершенствование механизма выравнивания в условиях перехода к индустриальной стадии сельскохозяйственного производства. Тарту, 1975, с. 6.
- ⁹ Здесь и далее — данные годовых отчетов колхозов республики.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 101.

¹¹ Лупашку М., Лала Е. Система ведения сельского хозяйства Молдавской ССР. — «Экономика сельского хозяйства», 1976, № 8, с. 84.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 211.

¹³ После введения нового порядка налогообложения.

Н. М. ЦВЕТКОВА

СОКРАЩЕНИЕ СРОКОВ ОСВОЕНИЯ ПРОЕКТНЫХ МОЩНОСТЕЙ — КРУПНЫЙ РЕЗЕРВ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ

На XXV съезде КПСС отмечалось, что десятая пятилетка — новый важный этап в создании материально-технической базы коммунизма. Ее построение связано с огромными масштабами капитального строительства, все возрастающим объемом вводимых в действие основных фондов и новых мощностей. В воспроизводство основных фондов отраслей народного хозяйства Советское государство вкладывает огромные средства.

Как указывалось на XIV съезде Коммунистической партии Молдавии, в народное хозяйство республики за 1971—1975 гг. было вложено 6 млрд. руб. капитальных вложений — в 1,5 раза больше, чем в восьмой пятилетке; основные фонды увеличились в 1,7 раза. В пищевую и мясо-молочную промышленность было вложено 788 млн. руб. капитальных вложений, а основные фонды этой отрасли возросли в 1,5 раза. За указанный период построено и введено в эксплуатацию 30 новых промышленных предприятий, в том числе 17 — в пищевой промышленности. За счет строительства новых, расширения и реконструкции действующих предприятий за годы восьмой и девятой пятилеток были введены мощности по переработке 59,5 тыс. ц сахарной свеклы в сутки, 48,5 т мяса в смену, 727,3 муб овощных и фруктовых консервов в год и др.

Исходя из потребностей страны, объем продукции пищевой промышленности республики возрастет в десятой пятилетке в 1,5 раза. Производство плодоовощных консервов и сахара-песка увеличится в 1,7 раза, виноматериалов — в 1,9 раза, мяса — на 19%, цельномолочной продукции — на 33%. Для этого будут построены и введены в эксплуатацию сахарные заводы в Глодянах и Бричанах, консервный — в Оргееве, 14 заводов первичного виноделия и другие предприятия. Общий объем капитальных вложений в народное хозяйство Молдавии составит 6,4 млрд. руб., из них 420 млн. ассигнуется на развитие производственно-технической базы пищевой индустрии¹.

Рост эффективности производства требует полного и рационального использования вводимых в действие и функционирующих основных фондов и мощностей. Важную роль в этом играет сокращение сроков освоения проектных мощностей. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» поставлена задача «значительно ускорить освоение вновь вводимых в действие мощностей и достижение проектных технико-экономических показателей»². Народнохозяйственной закономерностью является достижение максимальных результатов не только при минимальных затратах, но и в кратчайшие сроки.

Сокращение сроков освоения проектных мощностей приводит к росту общественного продукта, национального дохода, ускорению темпов расширенного воспроизводства, сокращению лага — продолжительности разрыва во времени между освоением капитальных вложений и получением эффекта, уменьшению сроков окупаемости.

Несвоевременное же освоение проектных мощностей ведет к нарушению балансов распределения продукции, связей между отраслями и районами, вызывает нерациональное использование инфраструктуры, невыполнение производственных заданий предприятиями, вносит путаницу в планирование. В силу этих причин освоение проектных мощностей в пищевой промышленности — ведущей отрасли хозяйства Молдавии — требует глубокого, всестороннего исследования.

Завершение строительства объекта и ввод его в эксплуатацию — один из важнейших этапов воспроизводства основных фондов. К. Маркс писал, что «строительство является такой отраслью, где рабочую силу и средства производства отвлекают на длительный период, в течение которого общество не получает никакого продукта в качестве полезного эффекта»³.

Освоение проектных мощностей и технико-экономических показателей является заключительным этапом воспроизводства основных фондов, конечной целью капиталовложений и характеризует качество выполнения работ всего инвестиционного процесса. Отсюда ускорение экономического освоения новых предприятий и доведение его до нормативной величины — значительный резерв повышения эффективности общественного производства, являющегося важнейшей составной частью экономической стратегии КПСС в десятой пятилетке.

Процесс освоения проектной мощности (производственное освоение) характеризуется нормой продолжительности (сроком) освоения⁴. Под нормой продолжительности освоения проектной мощности предприятия или его части (очереди, пускового комплекса, цеха, агрегата, участка) следует понимать время со дня подписания акта приемки в эксплуатацию в соответствии со строительными нормами и правилами (СНиП, часть III) до устойчивого выпуска продукции предприятием, агрегатом, установкой, цехом в объеме, соответствующем мощности, предусмотренной проектом. Длительность устойчивого выпуска продукции определяется производственным циклом.

При установлении норм продолжительности освоения проектных мощностей учитывают следующие факторы: 1) размер и сложность предприятий; 2) уровень специализации, степень кооперирования и комбинирования производства; 3) характер производства (вновь осваиваемые виды продукции, степень сложности производственных процессов и выпускаемой продукции, сезонность, длительность производственного цикла).

Нормы освоения проектных мощностей, утвержденные Госпланом СССР в 1974 г. (впервые они были утверждены в 1969 г.), дифференцируются по отраслям промышленности, внутри них по группам предприятий, а также по очередям, отдельным цехам, агрегатам, установкам и технологическим линиям.

По вводимым в действие новым и реконструируемым предприятиям пищевой промышленности установлены нормы освоения по сахарной, винодельческой, консервной и другим отраслям. Нормы освоения проектных мощностей для предприятий с сезонным характером производства определены в виде дроби, числитель которой — продолжительность рабочего периода (сезона) в месяцах, знаменатель — кален-

дарное время (в месяцах) с момента ввода предприятия в эксплуатацию.

В норму продолжительности освоения проектной мощности не включается время: 1) на обеспечение подготовки производства к выпуску продукции на вводимом в действие объекте (укомплектование кадрами, обеспечение сырьем, материалами, энергоресурсами и др.); 2) на проведение комплексного опробования оборудования; 3) на пусконаладочные работы. Этот комплекс работ выполняется до приема вводимого объекта в эксплуатацию.

В общем виде время освоения проектной мощности вводимого объекта ($T_{ос}$) рассчитывается по формуле

$$T_{ос} = T_n + T_{пн} + T_{п},$$

где T_n — время на подготовку объекта к вводу в действие; $T_{пн}$ — продолжительность пусконаладочных работ; $T_{п}$ — время на непосредственное освоение проектной мощности.

Нормы освоения проектных мощностей играют важную роль в работе новых предприятий. На их основе планируются объемы производства продукции, устанавливаются льготы по плате за основные производственные фонды, определяются расходы для полного освоения проектных мощностей. Они учитываются также при планировании капитальных вложений, сроков окупаемости объектов.

Освоение проектной мощности характеризуется и такими показателями, как уровень, коэффициент (процент) освоения годовой проектной мощности и объем производства продукции в период освоения.

Уровень освоения — это достигнутый на определенную дату устойчивый процент освоения проектной мощности. Он рассчитывается отношением выпуска продукции в определенный период (час, сутки, месяц, год) к соответствующей (часовой, суточной, месячной, годовой) проектной мощности.

Коэффициент освоения проектной мощности (коэффициент использования вводимых в действие мощностей) показывает освоение за период и является, наряду с проектной мощностью, базой для определения объема производства.

Произведенный нами анализ вновь введенных мощностей в пищевой промышленности МССР в восьмой и девятой пятилетках показал, что только около 20% объектов освоили проектные мощности в нормативные сроки. Средний фактический срок освоения составил 3 года и 5 месяцев при нормативном — 1 год и 5 месяцев. Следовательно, фактические сроки превышали нормативные в 2,4 раза.

При изучении продолжительности освоения проектных мощностей нами были сгруппированы предприятия, имеющие одинаковый период освоения (табл. 1).

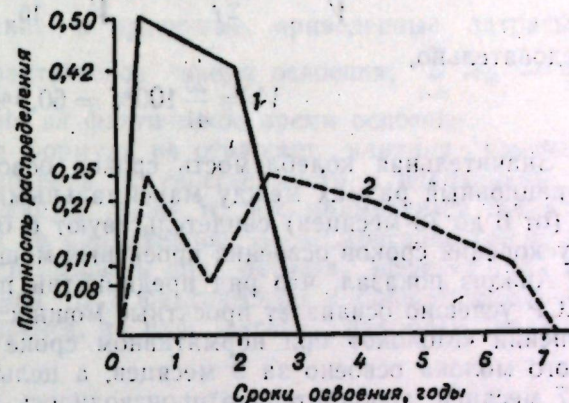
Таблица 1

Сроки освоения проектных мощностей новыми предприятиями пищевой промышленности Молдавской ССР

Период освоения, год	Количество предприятий	Частота	Абсолютная плотность распределения
0-1	3	0,18	0,25
1-2	1	0,06	0,08
2-3	3	0,18	0,25
3-5	5	0,33	0,21
5-8	4	0,25	0,11
Всего	16	1	—

По плотности распределения построен полигон распределения сроков освоения (см. рисунок).

Из табл. 1 и рисунка видно, что 18% объектов осваивались в течение года, 6% — от 1 до 2 лет, 18% — от 2 до 3 лет и более половины (58%) — свыше 3 лет. Нормативные же сроки освоения не пре-

1 — нормативное и 2 — фактическое распределение сроков освоения

вышают 3-х лет. Нетрудно заметить значительные резервы для ускорения освоения проектных мощностей, использование которых позволит повысить эффективность капиталовложений и всего общественного производства. Средний срок освоения определен нами по формуле средневзвешенной арифметической:

$$\bar{X} = \frac{\sum Xf}{\sum f},$$

где X — середина выбранных интервалов сроков освоения; f — частота распределения.

$$\bar{X} = \frac{648}{16} = 41 \text{ мес.}$$

Для оценки колеблемости сроков освоения сделан расчет среднеквадратического отклонения (табл. 2).

Таблица 2

Расчет среднего срока освоения и среднеквадратического отклонения

x	f	xf	$x - \bar{X}$	$(x - \bar{X})^2$	$(x - \bar{X})^2 f$
6	3	18	-34,5	1190,25	3570,75
18	1	18	-22,5	506,25	506,25
30	3	90	-10,5	110,25	330,75
42	5	210	+1,5	2,25	11,25
78	4	312	+37,5	1406,25	5625
Итого	16	648	—	—	10044

Колеблемость сроков освоения относительно средней величины отражает коэффициент вариации (V_σ), определяемый по формуле

$$V_\sigma = \frac{\sigma}{\bar{X}} \cdot 100\%,$$

где σ — средневзвешенное квадратическое отклонение от средней

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (X - \bar{X})^2 f}{\sum f}} = \sqrt{\frac{10044}{16}} \cong 25 \text{ мес.}$$

Следовательно,

$$V_\sigma = \frac{25}{41} 100\% = 60,9\%.$$

Значительная колеблемость сроков освоения (60,9%) и широкий вариационный размах между максимальными и минимальными сроками (от 6 до 78 месяцев) свидетельствуют о больших резервах в области ускорения сроков освоения проектных мощностей.

Анализ показал, что ряд предприятий пищевой промышленности МССР успешно осваивает проектные мощности. Так, на Бельцком объединении «Молоко» при нормативном сроке 12 месяцев производство сухого молока освоено за 9 месяцев, а цельномолочной продукции — за 7 месяцев, дополнительно производилось ее по 8 т в смену. На Бельцком мясокомбинате после проведения реконструкции колбасного корпуса проектные мощности были освоены раньше срока на 2 месяца (дополнительно выпущено 0,1 т продукции в смену), а мощности по убою кроликов — почти в 2 раза. На Бендерском пивобезалкогольном объединении № 2 проектные мощности по производству пива были освоены за 7 месяцев вместо 12 по нормативу, а в реконструированном цехе по производству пива — за 6 месяцев.

Дополнительный выпуск продукции за счет сокращения сроков освоения $A_{\text{доп}}$ может рассчитываться по следующей формуле⁵

$$A_{\text{доп}} = \sum_{i=1}^{i=T_n} B_{\phi_i} - \sum_{i=1}^{i=T_n} B_{f_i},$$

где T_n — нормативный период освоения;

$\sum_{i=1}^{i=T_n} B_{\phi_i} = B_{\phi_1} + B_{\phi_2} + \dots + B_{\phi_{T_n}}$ — сумма фактических объемов продукции по годам освоения (B — проектная производственная мощность);

$\sum_{i=1}^{i=T_n} B_{f_i} = B_{f_1} + B_{f_2} + \dots + B_{f_{T_n}}$ — сумма нормативных объемов продукции по годам освоения (f — планово-нормативный коэффициент освоения мощности).

Например, на Бельцком объединении «Молоко» при норме освоения 12 месяцев дополнительный выпуск цельномолочной продукции в смену составил:

$$A_{\text{доп}} = 78 - 70 = 8 \text{ т.}$$

Эффект от выпуска дополнительной продукции за период, равный разнице в сроках освоения, А. И. Завулунов⁶, например, определяет по формуле

$$\mathcal{E}_{\text{доп}} = E_n K T,$$

где E_n — нормативный коэффициент рентабельности; K — капитальные вложения; T — разница между фактическими и нормативными сроками освоения.

Некоторые экономисты предлагают производить расчеты экономического ущерба или эффекта, исходя из формулы приведенных затрат⁷:

$$(a_{m\phi} - a_{mk}) \sum_{i=1}^m A_{i\phi},$$

где $a_{m\phi}$ и a_{mk} — фактические и проектные приведенные затраты на единицу продукции за фактическое время освоения; $\sum_{i=1}^m A_{i\phi}$ — фактический выпуск продукции за фактическое время освоения.

Учитывая, что данная формула не отражает влияния изменения качества продукции, отклонения по себестоимости в недоданном или в сверхнормативном выпуске, а также то, что применяется проектное значение себестоимости, а не нормативное, А. А. Довгалецкий и другие ученые предлагают использовать для расчета эффекта за счет сокращения сроков освоения ($\mathcal{E}_n$) фактическую и нормативную прибыль⁸ по формуле, являющейся, на наш взгляд, наиболее целесообразной:

$$\mathcal{E}_n = \sum_{i=1}^{i=T_n} \Pi_{\phi_i} - \sum_{i=1}^{i=T_n} \Pi_n f_i,$$

где $\sum_{i=1}^{i=T_n} \Pi_{\phi_i}$ — фактическая прибыль за годы освоения; $\sum_{i=1}^{i=T_n} \Pi_n f_i$ — нормативный объем прибыли за период освоения; f_i — темпы освоения по годам.

Расчет ущерба от замедления экономического освоения производится по формуле

$$\mathcal{E}_y = \sum_{i=1}^{i=T_\phi} \Pi_{n_i} - \sum_{i=1}^{i=T_\phi} \Pi_{\phi_i},$$

где T_ϕ — фактическое время экономического освоения⁹ объекта.

При росте основных фондов сумма прибыли ($\mathcal{E}_\phi$) вычитается из величины эффекта или ущерба, а в случае их уменьшения — добавляется к величине эффекта или вычитается из ущерба. Эти расчеты производятся для отражения изменения деятельности предприятия по сравнению с нормативной величиной. Сумма прибыли ($\mathcal{E}_\phi$) определяется так:

$$\mathcal{E}_\phi = \Delta \Phi P,$$

где $\Delta \Phi$ — изменение объема фактических производственных фондов по сравнению с проектным ($\Phi_\phi - \Phi_n$); P — средnezаводская рентабельность (при расчете для предприятий) или нормативный коэффициент эффективности (при расчете народнохозяйственного эффекта).

Наряду с успешным освоением мощностей ряд предприятий затягивает их сроки. Например, Прутский консервный завод, вступивший в эксплуатацию в 1968 г., не мог достичь проектной мощности в нормативный срок из-за некачественно выполненных строительно-монтажных работ, дефектов в оборудовании, плохой организации и нарушения технологического режима производства, нехватки квалифицированных

кадров, недостачи сырья и т. д. В результате завод не выпустил в 1974 г. плодоовощных консервов на 14,8 муб (25,4%).

Глодянский консервный завод из-за отсутствия 300 т сырья (12,2%) в 1974 г. не достиг проектной мощности на 2040 туб (12,1%) плодоовощных консервов.

Кагульский консервный завод, введенный в эксплуатацию в 1970 г., не мог достичь проектной мощности в 1975 г. из-за наличия строительно-монтажных недоделок, ошибок в проекте, дефектов в машинах, необеспеченности кадрами, недостачи сырья и др. В результате предприятие не выпустило 70,4 муб (67,5%) плодоовощных консервов. Все это приводит к уменьшению выпуска продукции, к повышению ее себестоимости, низкому качеству. При полном же использовании проектных мощностей народное хозяйство получило бы дополнительно за годы восьмой и девятой пятилеток, по нашим подсчетам, только в консервной отрасли 771,6 млн. условных банок овощных и фруктовых консервов. Из-за ряда объективных причин (строительно-монтажные недоделки, ошибки в проектах и др.) производственные мощности и технико-экономические показатели на новых предприятиях планируются ниже проектных. Так, например, на Прутском консервном заводе (введен в действие в 1968 г.) проектная мощность в 1969 г. составляла 53,5 муб, а плановая — 31,1 муб (58,1%). Следовательно, предприятия не всегда стремятся быстрее освоить проектные мощности или достичь их досрочно.

Освоение проектной мощности характеризуется не только нормативной продолжительностью, о которой шла речь выше, но и уровнем ее освоения. Анализ этого показателя свидетельствует о том, что не все предприятия быстро наращивают темпы по приросту мощностей. Наиболее медленными они были на Кагульском и Прутском консервных, Гырбовском сахарном заводах (табл. 3).

Повысить эффективность производства можно не только путем полного освоения проектных мощностей. Очень важно достичь проектных экономических показателей по производительности труда, рентабельности, себестоимости и качеству продукции. Только при этом предприятие можно считать освоенным. Однако в 1975 г. на 66,6% изученных предприятий пищевой промышленности уровень освоения производительности труда был ниже проектного в среднем на 39,5%, а на 73,3% фактическая себестоимость продукции была выше проектной в среднем на 61,6%. Как правило, предприятия достигают проектной мощности значительно раньше, чем начинают выпускать продукцию по проектной себестоимости и производительности труда. Например, на Гырбовском сахарном заводе в 1974 г. выполнение проектной мощности составило 92,3%, производительности труда — 69,2%, себестоимость была выше проектного уровня на 70,9%.

Необходимо отметить, что за последние годы на новых и действующих предприятиях пищевой промышленности были внедрены прогрессивные способы организации производства и труда, что ускорило освоение производственных мощностей. Так, в 1973—1974 гг. в Тираспольском, Бендерском, Слободзейском аграрно-промышленных объединениях, а также на Кагульском и Каушанском консервных заводах был внедрен асептический способ консервирования соков, в результате чего повысилась производительность труда и снизились трудовые затраты; в Прутском, Тираспольском, Кагульском, Слободзейском объединениях освоен контейнерный способ перевозки сырья, осуществлена замена ручного труда механизированным при погрузке, разгрузке и мойке стеклянной тары, на Григориопольском консервном заводе

Таблица 3

Освоение проектных мощностей предприятиями пищевой промышленности
Молдавской ССР

Предприятия и объединения по производству	Год ввода в действие	Уровень освоения проектной мощности в % на конец года					
		первого		второго		третьего	
		Н*	Ф**	Н	Ф	Н	Ф
Тираспольское аграрно-промышленное объединение							
томата-пасты	1966	80	60	100	87,4	—	97,4
томатного сока	1966	100	58,4	—	63,5	—	89,9
виноградного сока	1966	100	33,3	—	88,9	—	—
зеленого горошка	1974	100	15,4	—	—	—	—
Каушанский консервный завод							
плодоовощных консервов	1966	80	74,8	100	91,2	—	49,4
Прутский консервный завод							
плодоовощных консервов	1968	80	57,3	100	69,0	—	29,1
Кагульский консервный завод							
плодоовощных консервов	1970	80	3	100	21,5	—	43,7
Рышканский сыродельный завод							
сыра	1970	75	61,9	100	47,2	—	63,2
Гырбовский сахарный завод							
сахара	1970	65	66,8	85	77,3	100	30,6
Олонештский консервный завод							
плодоовощных консервов	1971	80	112,1	100	156	—	81,1
зеленого горошка	1974	100	35,0	—	—	—	—
Бельцкий мясокомбинат							
убою кроликов	1972	100	72,0	—	—	—	—
колбас (реконструкция колбасного корпуса)	1972	100	102,4	—	—	—	—
Бендерское пивобезалкогольное объединение							
пива жигулевского	1969	50	79,6	80	89,5	100	100
пива жигулевского (реконструкция цеха № 2)	1972	50	67,6	80	59,7	100	—
пива жигулевского (реконструкция цеха № 1)	1974	50	54,6	80	—	100	—
Бельцкое объединение «Молоко»							
сухого молока	1973	100	100	—	116,0	—	—
цельномолочной продукции	1973	100	119,1	—	118,6	—	—
Тираспольское объединение «Молоко»							
цельномолочной продукции	1973	100	100	—	—	—	—
цельномолочной продукции	1975	100	86,3	—	—	—	—
Слободзейское объединение							
томатного сока	1974	100	56,8	—	—	—	—
Кишиневский пивзавод							
пива жигулевского	1974	85	36,7	100	—	—	—
Бельцкий хлебокомбинат							
бисквитов	1974	60	145,6	100	—	—	—
Унгенский консервный завод							
плодоовощных консервов	1974	80	21,2	100	—	—	—
фруктовых консервов	1975	100	—	—	—	—	—
Братушанский сахкомбинат							
сахара (реконструкция)	1975	100	59,4	—	—	—	—

* Н — уровень освоения проектной мощности на конец года по утвержденным нормам;

** Ф — фактический уровень освоения проектной мощности.

было внедрено автоматизированное управление технологическим процессом, на Калининском консервном заводе применена телевизионная установка по наблюдению за технологическим процессом, что позволило лучше использовать производственные мощности и повысить эффективность производства. Ускорению освоения проектных мощностей также способствовало включение отдельных предприятий в состав аграрно-промышленных объединений.

Анализируя работу новых предприятий и объединений и обобщая опыт действующих, мы пришли к выводу, что основными направлениями в сокращении сроков освоения проектных мощностей и технико-экономических показателей являются:

улучшение качества проектно-сметной документации, строительно-монтажных, пусконаладочных работ и устанавливаемого на новых предприятиях технологического, энергетического и другого оборудования, комплексный подход к созданию новых объектов;

улучшение материально-технического снабжения новых предприятий, смягчение сезонности путем разделения процесса производства на две стадии — изготовление полуфабрикатов в период массового поступления сырья и выпуск готовой продукции в межсезонный период, планирование ввода новых предприятий не в любом квартале года, а к началу сезона;

совершенствование системы подготовки кадров для новых предприятий. Особое внимание при этом следует обращать на предприятия, комплектуемые импортным оборудованием;

улучшение материального стимулирования проектировщиков и строителей за освоение проектных мощностей в срок и досрочно;

разработка норм продолжительности освоения проектных технико-экономических показателей;

улучшение работы по освоению мощностей на вновь вводимых предприятиях: применение систем сетевого планирования и управления, АСУ, внедрение научной организации производства и труда, использование передового опыта действующих предприятий, повышение уровня организации социалистического соревнования.

Реализация этих направлений позволит увеличить в десятой пятилетке выпуск продукции, улучшить ее качество, сократить сроки окупаемости новых предприятий и повысить эффективность капитальных вложений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ XIV съезд Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1976, с. 352, 366.
- ² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 168.
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 402.
- ⁴ Нормы продолжительности освоения проектных мощностей вводимых в действие предприятий. М., 1975.
- ⁵ Обновление основных фондов и освоение новой техники. Л., 1974, с. 108—111.
- ⁶ Завулунов А. И. Освоение новых промышленных предприятий Таджикистана. Душанбе, 1970.
- ⁷ Минаев А. Ф. и др. Освоение проектной мощности. Донецк, 1966, с. 90—92.
- ⁸ Под нормативным объемом прибыли в данном планируемом периоде подразумевается часть прибыли, установленная с учетом норм наращивания основных показателей в планах кварталов и месяцев.
- ⁹ Экономическое освоение — достижение проектных экономических показателей (производительности труда, себестоимости и др.).

ИСТОРИЯ

И. А. ЦУРКАН

СТРОИТЕЛЬСТВО И СОДЕРЖАНИЕ СЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КОЛХОЗАМИ МОЛДАВИИ (1951—1970 гг.)

Для успешного решения задач культурного строительства на селе необходимо создание широкой сети учреждений культуры, которые способствовали бы формированию сознательной, интеллектуально развитой, высококультурной личности социалистического общества.

В послевоенные годы Советское государство направило значительные средства на культурное строительство молдавской деревни. В 1951—1970 гг. в сельской местности Молдавии было построено свыше 220 школ почти на 100 тыс. ученических мест¹; большое количество детских садов и яслей, клубов, Домов культуры, библиотек, книжных магазинов и др.

Активное участие в сельском культурном строительстве принимали колхозы. Однако большинство их в начале 50-х годов были еще организационно и экономически неокрепшими и вклад их в создание материальной базы культуры был незначительным. Позже, с принятием Пленумом ЦК КПСС в сентябре 1953 г. и XX съездом Коммунистической партии Советского Союза решений об улучшении состояния сельского хозяйства страны и усилении внимания колхозов к культурному строительству, коллективные хозяйства, экономически окрепнув, стали играть весомую роль в решении задач расширения и содержания сети сельских учреждений культуры.

В настоящей статье в продолжение ранее опубликованной нами работы² рассматриваются вопросы участия колхозов Молдавии в строительстве учреждений культуры на селе и передачи сельских культурно-просветительных учреждений на их содержание. Изучены они главным образом на основе данных отдела капитального строительства ЦСУ Молдавской ССР за 1951—1970 гг., сводных годовых отчетов колхозов, годовых справок Межколхозстроя и Министерства сельского строительства МССР, республиканских и союзных статистических сборников, материалов Министерства культуры МССР (см. таблицу).

Сравнивая показатели таблицы с данными ежегодных статистических сборников³, можно заметить, что в начале 50-х годов государственные организации и колхозы строили на селе примерно одинаковое количество школ, но здания, построенные колхозами, не всегда отвечали современным требованиям. Они были меньше (в среднем 150 ученических мест) и недостаточно благоустроены.

За пятую пятилетку силами и за счет средств колхозов были построены 34 школы на 5,1 тыс. ученических мест, что составило в среднем за год примерно 7 школ. Другие источники показывают, что в 1953—1955 гг. колхозами построено соответственно 2, 4, 15 школьных зданий на 0,3; 0,8 и 3 тыс. мест⁴. Остальные 13 школ на 1,0 тыс. мест приходились на 1951—1952 гг. и, видимо, восстанавливались или строи-

лись методом народной стройки при незначительном привлечении колхозных средств, поскольку процесс создания колхозного строя в правобережных районах только что завершился и шло организационно-хозяйственное укрепление коллективных хозяйств.

Строительство учреждений культуры на селе колхозами Молдавской ССР*

Год	Количество			
	школ	ученических мест, тыс.	клубов и Домов культуры	детских садов и яслей, тыс. мест**
1951	34	5,1	35	—
1952				0,02
1953				0,5
1954	21	2,4	188	1,4
1955				1,4
1956				1,9
1957	39	5,5	58	3,1
1958	58	8,3		3,8
1959	101	14,0		7,9
1960	123	20,2	56	5,4
1961	139	26,9		4,8
1962	92	23,6		5,8
1963	93	20,5	51	5,9
1964	97	28,2		7,1
1965	82	22,3		6,1
1966	72	19,1	77	9,2
1967	86	27,8		6,6
1968	88	29,8		3,2
1969	64	22,0	66	3,8
1970	72	22,9		

* Составлена на основе материалов: Архива ЦСУ Молдавской ССР, отдела капитального строительства, отчетов колхозов МССР по форме № 10-КС за 1960—1969 гг.; сводных годовых отчетов колхозов МССР за 1951—1970 гг.; текущего архива Научно-исследовательского института экономики и организации сельскохозяйственного производства Министерства сельского хозяйства МССР (в дальнейшем — ТА НИИЭ и ОСХП МСХ МССР); Народное хозяйство Молдавской ССР в 1968 г., с. 184, 185, 187; Народное хозяйство Молдавской ССР в 1970 г., с. 181.

** До 1953 г. строительство детских дошкольных учреждений колхозами Молдавии не велось.

В результате выполнения решений партии и правительства по экономическому укреплению колхозов и повышению их роли в культурном строительстве уже к 1956 г. наблюдаются значительные сдвиги. Если в 1953 г. в селах республики было построено лишь 2 школы на 0,3 тыс. ученических мест, то в 1956 г. введена в действие 21 школа на 2,4 тыс. мест. Решающую роль в этом сыграло создание в республике межколхозных строительных организаций. В Молдавии такие организации возникли еще в начале 50-х годов⁵, однако вскоре они прекратили свою деятельность из-за слабой материально-технической базы, отсутствия специалистов, рабочих и ряда других причин. По мере улучшения организаторской и хозяйственной деятельности, совершенствования общественных отношений и укрепления экономики колхозов вновь появилась возможность создавать подрядные строительные организации, способные качественно и быстро осуществить большой объем строительных работ в колхозах. Особенно интенсивно они стали организовываться после принятия в апреле 1956 г. постановления Совета Министров Молдавской ССР о создании межколхозных строительных организаций⁶. Однако эта система организационно и материально окрепла

лишь к концу 50-х — началу 60-х годов, после реорганизации МТС и создания республиканского объединения Межколхозстрой. С ее развитием подрядный способ строительства в колхозах начал вытеснять хозяйственный. За 1959—1965 гг. им пользовались в два раза чаще, соответственно сократилась и доля хозяйственного способа⁷. Строительство начало осуществляться быстрее, качественнее, при меньших потерях.

В 1958 г. межколхозной строительной организацией была сдана в эксплуатацию первая типовая школа на 280 ученических мест. В 1960 г. межколхозные строительные организации республики сдали в эксплуатацию уже 15 школ на 2780 мест⁸, а к 1965 г. построили школ на 10 110 ученических мест. Всего за 1958—1965 гг. ими построено школ почти на 60 тыс. ученических мест⁹. Однако доля работ Межколхозстроя в сооружении школ и дошкольных учреждений была небольшой по сравнению с его участием в строительстве объектов производственного назначения в колхозах и составляла к 1965 г. 30,3%¹⁰. Сооружение объектов культуры за счет средств колхозов продолжало осуществляться главным образом хозяйственным способом. Отсюда и серьезные недостатки в строительстве зданий культурного назначения на селе в тот период.

В 60-е годы колхозы Молдавии сдавали в эксплуатацию ежегодно в пять раз больше ученических мест, чем за всю предыдущую пятилетку. В среднем по СССР такой результат получается лишь при сравнении ежегодных показателей начала 50-х годов с такими же данными второй половины 60-х годов (в 1965 г. всеми колхозами СССР было сдано в эксплуатацию школ на 405 тыс. мест против 77,0 тыс. в 1953 г., или примерно в 5 раз больше)¹¹. Это говорит о том, что для сел Молдавии были характерны более высокие темпы строительства школ за счет колхозных средств, что явилось отражением общего процесса специфического развития республики в послевоенные годы.

Советское правительство, учитывая тяжелые последствия оккупации Правобережья Молдавии, предоставляло молдавскому народу максимум возможностей для более высоких темпов социально-экономического и культурного прогресса и постепенного выравнивания уровней общесоюзного и местного развития. В 1970 г. за счет средств колхозов было сдано в эксплуатацию в 76 раз больше ученических мест, чем за 1953 г., тогда как в среднем по СССР за это время количество ученических мест, построенных за счет колхозов, увеличилось в 5,6 раза¹². Эти данные являются доказательством того, что с созданием и развитием колхозного строя значительно расширяются возможности для удовлетворения культурных потребностей людей, роста темпов культурного прогресса отсталой в прошлом деревни.

После 1961 г. общее число построенных школ уменьшается, но количество ученических мест в них продолжает расти, составив к концу 1968 г. почти 30,0 тыс. В 1970 г. оно немного сократилось по отношению к 1968 г. одновременно с сокращением числа вводимых в действие объектов, но было сдано в эксплуатацию намного больше мест в новых школьных зданиях, чем даже по сравнению с 1960 г. Это объясняется тем, что вследствие относительного упорядочения строительства на селе, особенно после создания Межколхозстроя, на средства колхозов строились типовые школы на 480, 520 и 640 ученических мест. Такие школы были сданы в эксплуатацию в 1964 г. колхозами Тираспольского района в селах Слободзея, Глиное и Фырладяны¹³.

Как уже отмечалось¹⁴, колхозы расходовали большие средства на создание сети сельских детских дошкольных учреждений. Их строительство велось с 1953 г. В этом году колхозы сдали в эксплуатацию

первые детские ясли на 20 мест¹⁵. Роль колхозов в строительстве дошкольных учреждений значительно возросла в 60-е годы. Они строили современные типовые здания для детей колхозников, служащих и сельской интеллигенции. В 1963 г. только в Чадыр-Лунгском районе 7 колхозов построили специальные здания для детских садов и яслей, а в Липканском районе такие учреждения построили 11 колхозов. Эти хозяйства не были исключением. В 1963 г. типовые здания для детских дошкольных учреждений были построены в колхозах «Заря коммунизма» Каушанского района, «Вяца Ноуэ» и «Заря коммунизма» Каларашского района, им. Калинина и «Коммунист» Резинского района, им. Ленина и «Красный садовод» Тираспольского района и др.¹⁶

Следует отметить, что в Молдавии темпы строительства колхозных детских дошкольных учреждений по сравнению со среднесоюзными были более высокими¹⁷, что явилось следствием указанных выше благоприятных специфических условий социалистического строительства. Однако темпы ввода в действие детских садов и яслей на селе еще не соответствовали возрастающим потребностям. Объем нового строительства таких учреждений из года в год менялся и к концу 60-х годов резко сократился до уровня 1958—1959 гг. Подобные колебания были характерны для колхозного строительства в целом по стране, а в Молдавии они были более заметны. Но если для других союзных республик, где число дошкольников в общей численности сельских детей было ниже, чем в Молдавии, и где к началу исследуемого периода имелось большее количество сельских детских садов и яслей, такое сокращение было в определенной мере естественным явлением, то для Молдавской ССР со сравнительно большей численностью детей дошкольного возраста и с меньшим количеством дошкольных учреждений сокращение объема нового строительства детских садов и яслей создавало такое положение, при котором процент охвата детей детскими яслями и садами продолжал оставаться ниже среднесоюзного¹⁸. В определенной мере это различие сглаживалось участием совхозов республики в строительстве таких учреждений на селе¹⁹, хотя проблема обеспечения детей ими продолжала оставаться актуальной как для Молдавии, так и для страны в целом.

Велик вклад колхозов республики и в строительство сельских клубов. И хотя в таблице не указывается точное число клубов, построенных колхозами, сопоставление показателей разных источников дает ясное представление о ходе и масштабах участия колхозов в этом строительстве. Так, в 1961—1962, 1967—1968 гг. из указанного в ежегодных статистических сборниках общего числа введенных в эксплуатацию клубных учреждений на средства колхозов было построено соответственно 56, 50, 70, 41, 36 клубов²⁰, то есть в среднем 88% таких учреждений. За 1962—1965 гг. колхозы сдали в эксплуатацию клубов и Домов культуры соответственно на 16 775, 11 160, 16 546, 12 790 мест, или 86% их общего количества. Таким образом, за счет колхозов в сельской местности строились 88% клубов и Домов культуры, или 86% мест в них²¹.

Сопоставляя показатели таблицы с некоторыми данными архивов, можно представить в общих чертах ход процесса строительства учреждений культуры на селе. Нами не были выявлены архивные данные о строительстве клубов до 1953 г., поскольку, как отмечалось²², колхозы в тот период редко выделяли средства на строительство культурно-бытовых объектов²³. В 1953 г. на средства колхозов было построено и сдано клубов на 1250 мест, в 1954 г. — на 4434, в 1965 г. —

на 7300 мест, что составило при сопоставлении с данными за 1953, 1954, 1956 гг. не менее 15—16 клубов. Следовательно, указанные в статистических сборниках 35 клубных учреждений были введены в действие в 1953—1955 гг. на средства колхозов. В шестой пятилетке было сдано в эксплуатацию 188 клубов и Домов культуры, то есть более 37 учреждений культуры в год. В первой половине 60-х годов в действие вступили 238 таких учреждений — почти в 10 раз больше, чем за пятую пятилетку, а в 1966—1970 гг. их число еще более увеличилось. Уже в 1967 г. они составили 22,9 тыс. мест²⁴, или примерно в 18 раз больше, чем в 1953 г.

Строительство клубов и Домов культуры, как и остальных учреждений культуры, осуществлялось колхозами неравномерно. Так, количество введенных в эксплуатацию клубных учреждений за счет средств колхозов в 1963 г. сократилось почти вдвое по сравнению с предыдущим годом, а в 1967 г. возросло по сравнению с 1966 г. более чем в два раза. Хотя за последние годы колхозы меньше строили клубов и Домов культуры, но введенные в действие за эти годы клубные учреждения были более вместительными. Так, если в 1953 г. строились клубы на 200—250 мест, то в 1965 г. каждый новый клуб имел в среднем 350—400 мест²⁵. Благоустроеннее строили межколхозные организации. В 1965 г. они ввели в действие 21 клуб на 9070 мест²⁶, или в среднем 400 мест на один клуб.

Темпы ввода в эксплуатацию учреждений культуры колхозами Молдавской ССР были в несколько раз выше, чем в среднем по стране и отражали процесс окончательной ликвидации отсталости молдавского села в отношении материальной базы культуры²⁷.

Что касается сельских библиотек, то для них, как правило, специальных зданий не строилось. В планах и отчетах строящих организаций показателей по сооружению библиотек нет, так как помещения для них предусматривались в новых клубных зданиях, а также в пригодных для библиотечной работы зданиях колхозов и сельских Советов. Например, в 1964 г. колхозами и местными Советами депутатов трудящихся республики были переведены в лучшие помещения 155 библиотек²⁸.

Известно, что до конца 60-х годов распространением книг в сельской местности занимался Молдавпотребсоюз, но книготорговле уделялось мало внимания. Поэтому в конце 1968 г. было решено передать торговлю книгами в селах республики Молдкниготоргу. Этим решением предусматривалось также строительство на селе типовых книжных магазинов при кооперировании государственных и колхозных средств. За 1969—1970 гг. в селах Молдавии было открыто 170 новых книжных магазинов («Луминица») ²⁹, которые являются одним из источников распространения специальных знаний и общей культуры среди сельского населения.

В строительстве учреждений культуры на средства колхозов имелись трудности и недостатки. Процент выполнения плана ввода в действие таких учреждений был невысок. Так, в 1959 г. колхозы должны были ввести в действие 331 дошкольное учреждение на 29 919 мест³⁰, фактически сдали в эксплуатацию 3796 мест. В этом же году было введено в действие 19% от общего количества ученических мест³¹, предусмотренного государственным планом. Причина, во-первых, в упущениях планирования культурно-бытового строительства: не учитывались возможности хозяйств, а также общее состояние сельского строительства. Как уже отмечено в литературе³², объем расходов колхозов на культурно-бытовое строительство соответствовал реальным

возможностям хозяйств, и попытки необоснованного их увеличения сопровождались серьезными финансовыми затруднениями; в таких случаях они не могли успешно решать задачи расширенного воспроизводства и соответствующего вознаграждения труда колхозников. Поэтому план строительства культурно-бытовых учреждений, предполагающий ежегодное увеличение расходов колхозов на эти цели в 4—5 раз, не мог выполняться.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС показатели планов были приведены в соответствие с возможностями хозяйств. Одновременно были приняты меры по улучшению хозяйственной деятельности колхозов, совершенствованию строительства на селе в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 января 1963 г. «О совершенствовании управления капитальным строительством»³³. В результате планы стали выполняться значительно лучше. Уже в 1969 г. годовой план по строительству школ был выполнен колхозами республики на 80%³⁴. Невыполнение плана ввода в действие учреждений культуры было вызвано нехваткой высококвалифицированных специалистов и рабочих, строительных материалов, механизмов, транспорта, хороших подъездных дорог, низким уровнем организации строительных работ, отсутствием специальных колхозных строительных организаций (да и после их создания они мало строили культурно-бытовых объектов). Нередко отсутствовала проектно-сметная документация³⁵, и колхозы осуществляли в ряде сел строительство без проектов, с серьезными нарушениями условий по строительству. Так строились колхозные клубы в 1957 г. в селах Пожарены и Логанешты Котовского района³⁶, в 1959 г. — Чоара Карпиненского и Хаджимус Бендерского районов³⁷. Отсутствие проектно-сметной документации и распыление колхозами средств по многочисленным объектам приводило к ежегодному росту незавершенного строительства и консервации строений, иногда на долгие годы. По состоянию на 1 января 1960 г. были законсервированы 13 клубов и Домов культуры, в том числе Дом культуры колхоза им. Ленина Комратского района, клубы колхозов им. «XX съезда КПСС» Дрокиевского, «Путь к коммунизму» Рыбницкого районов и др. В передовой статье «Советской Молдавии» от 12 июля 1964 г. указывалось, что в селах Волчинец Дондюшанского и Кетросы Рышканского районов строились Дома культуры с 1957 г., а в селах Заим Каушанского и Моара-де-Пятрэ Флорештского районов клубы строились по 10—12 лет.

Однако общее состояние строительства колхозами учреждений культуры на селе свидетельствовало о том, что эти трудности и отдельные недостатки в данной области преодолевались с успехом.

Кроме указанной выше работы по укреплению материальной базы культуры на селе, колхозы оказывали различную материальную поддержку сельским учреждениям культуры. Они организовывали и содержали курсы баянистов и руководителей художественной самодеятельности для сельских клубов и Домов культуры, обеспечивали эти учреждения топливом, предоставляли им транспорт. Школы обеспечивались земельными участками, а после принятия в 1959 г. закона «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в республике» в распоряжение школ с производственным обучением предоставлялись колхозные поля, сельскохозяйственная техника и квалифицированные колхозные специалисты, создавались школы и группы с продленным днем обучения³⁸.

По инициативе колхозов в этот же период сельские культурно-просветительные учреждения были приняты на баланс колхозов. Об

этой инициативе уже не раз упоминалось в литературе³⁹, но до сих пор вопрос освещен недостаточно.

Вопрос о передаче культурно-просветительных учреждений на баланс колхозов был предметом внимательного обсуждения еще в начале 50-х годов. В то время в республике уже было определенное число хозяйств, которые могли содержать эти учреждения на свои средства.

В начале 1951 г. исполком Флорештского районного Совета депутатов трудящихся, учитывая просьбы колхозников и правлений колхозов, принял решение о передаче сельских клубов сел Лунга, Кашунка, Старые Радуляны, Фрумушика, Путинешты, Трифанешты на содержание колхозов⁴⁰. Такую инициативу проявили и в других районах, что свидетельствовало о материальных возможностях отдельных хозяйств; о большой тяге колхозников к культуре. Однако материальная база многих культурно-просветительных учреждений республики была в неудовлетворительном состоянии. К этому времени завершилась коллективизация крестьянских хозяйств Правобережья. В республике проводилась большая работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, на чем требовалось сосредоточение большого внимания; сил и средств.

Число артелей, могущих принять на себя расходы по содержанию клубов и библиотек, было небольшим. В том же году (1951) Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров Молдавской ССР получил дополнительно 250,0 тыс. руб.⁴¹, предназначенных в основном для развития материальной базы сельских клубов и библиотек. В этом же году союзное правительство выделило дополнительно на строительство культпросветучреждений Молдавии 1,0 млн. руб. и 120 вагонов лесоматериала⁴² на ремонт зданий клубов и библиотек.

После XX съезда КПСС участию колхозов в культурном строительстве стали придавать большее значение, много хозяйств превратились в крупные, экономически сильные и могли уже выделять больше средств на культурные нужды колхозников; вопрос о передаче культпросветучреждений на баланс колхозов изучался уже внимательнее и глубже. Некоторые колхозы активно участвовали в содержании сельских культурно-просветительных учреждений и укреплении их материальной базы еще до принятия этих учреждений на их баланс.

В 1958 г., например, 10 колхозов Тираспольского района выплачивали заведующим клубами и художественным руководителям заработную плату от 40 до 100 руб. в месяц. В Чадыр-Лунгском, Липканском, Бендерском, Страшенском, Котовском и других районах колхозы прибавляли к заработной плате заведующих клубами по 15—30 руб. ежемесячно. Более 300 колхозов республики содержали дирижеров духовых оркестров с месячным окладом в 50—100 руб. Перечень можно было бы продолжить, но и это ясно показывает стремление колхозов своими средствами улучшить условия для культурного развития села. Хотя колхозы и отчисляли немалые средства на культурные нужды села, в конце каждого года большая часть их оставалась неиспользованной. Так, в 1955 г. остаток неиспользованных средств по культфондам колхозов составлял 1,5 млн. руб., в 1956 г. — 1,3 млн., в 1957 г. — 1,7 млн. руб. денежных средств, не считая натуральные отчисления⁴³. Материальная база сельских клубов и библиотек, расположенных на территории колхозов, была еще слабой. Значительное их количество не имело зрительных залов и комнат для кружковой работы, плохо были оборудованы мебелью и инвентарем, часть из них

размещалась в частных домах, а тем временем некоторые колхозы стояли в стороне от культурного строительства, не принимали участие в возведении, ремонте оборудования и благоустройстве сельских очагов культуры.

Все это вызвало необходимость усилить внимание колхозов к культурному строительству на селе, полнее использовать свободные колхозные средства для расширения сети и укрепления материальной базы сельских учреждений культуры.

Партийная организация и правительство республики все больше стали привлекать колхозы к участию в культурном строительстве. Уже в августе 1958 г. более 200 колхозов изъявили желание взять на свое содержание помещения сельских клубов, расположенных на их территориях. Вопросы укрепления материальной базы культуры села и участия колхозов в этом деле специально обсуждались на сентябрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КП Молдавии, где отмечалось некоторое отставание МССР от других союзных республик в развитии культуры, и были приняты более радикальные меры по вопросу культурного строительства⁴⁴.

В 1958 г. была создана специальная партийно-государственная комиссия, которая, изучив экономические возможности колхозов и их затраты на культурное обслуживание сельского населения, заключила, что «целый ряд колхозов уже достигли такого уровня экономического развития, который позволяет им принять на себя расходы по содержанию и строительству социально-культурных учреждений, обслуживающих колхозников, и в настоящее время содерживаемых за счет государства»⁴⁵.

Министерство культуры республики после длительного изучения состояния материальной базы сельских культурно-просветительных учреждений и экономики колхозов пришло к аналогичным выводам⁴⁶. Это подкреплялось и стремлением самих колхозов принять на себя расходы по содержанию клубов и библиотек. Инициаторами выступили колхозники Котовского района⁴⁷, их поддержали труженики полей Дубоссарского, Бельцкого⁴⁸, а потом и остальных районов⁴⁹. Учитывая эту ценную инициативу, возможности колхозов, а также их вклад в развитие материальной базы культуры, Министерство культуры МССР в сентябре 1958 г. обратилось в Совет Министров Молдавской ССР с предложением о передаче сельских клубов, библиотек и изб-читален с согласия колхозов на их баланс и полное содержание⁵⁰.

30 апреля 1959 г. ЦК КП Молдавии и Совет Министров Молдавской ССР приняли постановление «О мерах по укреплению материальной базы сельских культурно-просветительных учреждений». В постановлении указывалось, что в 50-х годах колхозы республики построили на свои средства много клубов и Домов культуры, приобрели музыкальные инструменты, костюмы для участников художественной самодеятельности, мебель и другой инвентарь для этих учреждений, ремонтировали их. Однако материальная база многих из них не соответствовала возросшим потребностям сельских жителей. В целях дальнейшего ее улучшения ЦК КП Молдавии и Совет Министров Молдавской ССР решили обязать Министерство культуры МССР, райкомы партии и исполкомы районных Советов депутатов трудящихся провести работу по безвозмездной передаче с согласия колхозов на их баланс и полное содержание сельские клубы и библиотеки, оставив за Министерством культуры методическое руководство колхозными культпросветучреждениями, а также подготовку и переподготовку для них кадров⁵¹.

Для успешной реализации этого постановления были разработаны мероприятия по строительству клубов и библиотек. Усилия райкомов партии, исполкомов районных Советов, профсоюзов, Совнархоза МССР, Министерства культуры и Министерства сельского хозяйства МССР были сосредоточены на составлении планов и осуществлении строительства таких учреждений по каждому району на 1959—1965 гг. В частности, исполкомы районных Советов депутатов трудящихся должны были включить в план строительства Межколхозстроя сооружения колхозных клубов и библиотек по типовым проектам и выделить колхозам для этого необходимые строительные материалы⁵².

Была проведена большая разъяснительная работа среди работников культуры, специалистов сельского хозяйства, руководителей колхозов, а также среди миллионной массы колхозников. Министерство культуры провело три инструктивных совещания по конкретным вопросам, связанным с выполнением данного решения. Коллегия Министерства культуры заслушала районные отделы культуры, работники Министерства были направлены в подведомственные ему организации во все районы для оказания помощи отделам культуры в выполнении указанного постановления⁵³. Большую работу проделали райкомы и исполкомы местных Советов.

В большинстве районов после проведения совещаний с председателями колхозов и сельских Советов, секретарями партийных организаций и работниками сельских культурно-просветительных учреждений вопросы укрепления материальной базы этих учреждений были вынесены на обсуждение общих собраний колхозников⁵⁴.

В ходе этой работы были выявлены и недостатки. Некоторые колхозы после принятия клубов и библиотек на свой баланс оказались не в состоянии выделить необходимые средства на их содержание.

При всем этом сеть колхозных клубов и библиотек быстро расширялась, укреплялась их материальная база. Только на протяжении 1959 г. колхозы Молдавии взяли на содержание 257 библиотек и 361 сельский клуб⁵⁵, а к началу 1962 г. около половины сельских клубов и библиотек республики находились на полном или частичном содержании колхозов⁵⁶.

Передача культурно-просветительных учреждений колхозам способствовала все же укреплению их материальной базы. Кроме того, были выявлены новые формы организации работы этих учреждений, улучшилось руководство ими, повысился интерес колхозников к их деятельности. После принятия на свой баланс клубов и библиотек правления колхозов «Скынтея», им. Котовского Единецкого района, «40 лет Октября» Чадыр-Лунгского района, «Вяца Ноуэ», «Молодая гвардия» Дубоссарского района и другие уделяли им повседневное внимание; были подобраны квалифицированные кадры, приобретено необходимое оборудование и инвентарь, библиотеки лучше стали комплектоваться литературой.

Не улучшилась материальная база клубов и библиотек, переданных на содержание колхозов без учета состояния экономики хозяйств. В некоторых случаях исполкомы районных Советов депутатов трудящихся отменили принятое раньше решение о передаче культурно-просветительных учреждений колхозам⁵⁷ и попросили Совет Министров Молдавской ССР принять эти учреждения на государственный бюджет⁵⁸. По состоянию на 30 сентября 1961 г. из 1300 сельских учреждений, переданных колхозам, 492 были возвращены на содержание госбюджета⁵⁹. Заявления с просьбой о возвращении учреждений культуры на государственный бюджет поступили из 31 района. Следова-

тельно, почти в каждом районе были колхозы, которые не могли содержать сельские клубы и библиотеки и создавать им благоприятные материальные условия для развертывания культпросветработы среди населения. Их просьбы были рассмотрены и удовлетворены. Министерству финансов и Министерству культуры МССР было поручено учесть вновь принятые клубы и библиотеки на государственный бюджет в пределах утвержденных на следующий, 1962 г., ассигнований⁶⁰.

Большинство переданных раньше колхозам культпросветучреждений продолжало оставаться на их содержании. Они остались в крупных, экономически сильных хозяйствах, которые были в состоянии не только содержать, но и постоянно укреплять их материальную базу, улучшать работу. В конце 1965 г. на содержании колхозов было 408 Домов культуры и клубов и 260 библиотек. В дальнейшем их число сократилось. Это произошло главным образом по двум причинам. Во-первых, колхозные культурно-просветительные учреждения стали крупными современными очагами культуры, в которых работало большое число специалистов, и решить целый ряд организационных и финансовых задач этих учреждений было не под силу даже сравнительно сильным хозяйствам. Стала ощущаться необходимость организации работы, контроля и финансирования непосредственно со стороны государства. Во-вторых, сокращение числа колхозных клубов и библиотек было обусловлено превращением ряда колхозов в совхозы. К 1970 г. в республике было лишь 105 колхозных культпросветучреждений⁶¹. Необходимо отметить, что по мере укрепления колхозного строя, роста экономического потенциала хозяйств они сыграли большую роль в расширении материальной базы культуры села. Большинство новых школ, детских садов и яслей, культурно-просветительных учреждений в селах Молдавии было построено колхозами; по площади они были меньше и не так благоустроены, как те, что строились за счет государственного бюджета. Строительство сельских учреждений культуры колхозами нуждалось в совершенствовании, в первую очередь это касалось планирования и организации строительных работ, обеспечения строящихся хозяйств квалифицированными кадрами, техникой, проектно-сметной документацией. Несмотря на эти недостатки, передача культурно-просветительных учреждений на баланс колхозов принесла положительные результаты в сельском культурном строительстве Молдавской ССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1968 г. Кишинев, 1969, с. 184; Народное хозяйство Молдавской ССР в 1970 г. Кишинев, 1971, с. 181.
- ² Цуркан И. А. Вклад колхозов Молдавии в культурное строительство на селе (1951—1970 гг.). — «Известия АН МССР. Серия общественных наук», 1976, № 2. В статье главное внимание уделяется участию колхозов в финансировании сельского культурного строительства, дается и историография вопроса.
- ³ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1968 г., с. 184; Народное хозяйство Молдавской ССР в 1970 г., с. 181.
- ⁴ ЦГА МССР, ф. 3000, оп. 1, д. 72, л. 84—86.
- ⁵ Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР. Кишинев, 1971, с. 266.
- ⁶ Хронологическое собрание законов Молдавской ССР, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства МССР, т. IV. Кишинев, 1961, с. 213.
- ⁷ Развитие, размещение, эффективность строительного производства в Молдавской ССР. Кишинев, 1968, с. 267.
- ⁸ ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 5, д. 5778, л. 8.
- ⁹ Там же, оп. 5а, д. 169, л. 14.
- ¹⁰ Развитие, размещение, эффективность строительного производства в Молдавской ССР, с. 270.

- ¹¹ Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 395; Сельское хозяйство СССР, М., 1971, с. 667.
- ¹² Там же.
- ¹³ ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 2, д. 442, л. 89.
- ¹⁴ Цуркан И. А. Указ, соч., с. 29.
- ¹⁵ Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 396. Абсолютное большинство построенных в колхозах детских дошкольных учреждений были детскими яслями, которые, как правило, действовали на период сельскохозяйственных работ. Так, из всего количества построенных колхозами таких учреждений в 1958—1959 гг., сезонные детсады составляли соответственно более 85 и 90% (ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 5, д. 5759, л. 197; д. 4806, л. 30).
- ¹⁶ ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 2, д. 401, л. 62.
- ¹⁷ Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 396; Сельское хозяйство СССР, М., 1971, с. 668.
- ¹⁸ По данным Министерства народного образования МССР, в 1965 г. в сельской местности республики обеспечивались местами в постоянных детских дошкольных учреждениях 4,4% детей до 6 лет, в среднем по СССР — 6,8% (Текущий архив МНО МССР, оп. 3, д. 784; оп. 4, д. 567, л. 78). Необходимо, однако, учесть наличие большого количества сезонных детских дошкольных учреждений в колхозах, что намного увеличивало процент охвата.
- ¹⁹ За 1965—1970 гг. число совхозов республики увеличилось на 85% и стало в 3 раза больше, чем по стране в целом (общесоюзный рост — 28%). См.: Народное хозяйство Молдавской ССР в 1970 г., с. 109, 111; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 581.
- ²⁰ Архив ЦСУ МССР. Отчеты по форме № 10—КС за 1961 г.; Народное хозяйство Молдавской ССР в 1970 г., с. 181.
- ²¹ ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 6, д. 398; Основные показатели развития колхозов МССР (1950—1968 гг.). Кишинев, 1969, с. 56.
- ²² Эти данные позволяют утверждать, что сводные показатели ежегодных статбюллетеней о строительстве клубных учреждений в общем отражают состояние такого строительства в сельской местности.
- ²³ Поэтому когда источник показывает, что в 1950 г. в колхозных селах было построено 43 клуба (ТА НИИЭ и ОСХП МСХ МССР, отчет колхозов за 1950 г.), надо это понимать как открытие новых клубных учреждений в приспособленных для этой цели зданиях.
- ²⁴ Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 670; Отчет ЦСУ МССР по форме № 10—КС за 1967 г.
- ²⁵ Архив ЦСУ МССР. Отчет ЦСУ МССР № 10—КС за 1965 г.
- ²⁶ ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 5, д. 10185, л. 11.
- ²⁷ В СССР в 1960 г. колхозы сдали в эксплуатацию клубов с количеством мест в два раза больше, чем в 1953 г. (см.: Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 396; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 670). В Молдавии за это время среднегодовое количество построенных колхозами клубов увеличилось примерно в 12 раз. Следует сказать, что в конце 50-х и в 60-е годы в ряде районов СССР, и в первую очередь в северных и северо-западных областях страны, проводились мероприятия по селению маленьких перспективных сел. Таким образом, создавались возможности строить меньше культурно-бытовых учреждений, а освободившиеся средства использовать на культурно-бытовое строительство в крупных селах. В Молдавии такой процесс не происходил, поскольку здесь села довольно крупные.
- ²⁸ Архив Министерства культуры МССР, оп. 8, д. 35, л. 84.
- ²⁹ «Советская Молдавия», 1971, 1 июня.
- ³⁰ ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 5, д. 4806, л. 30.
- ³¹ Там же, ф. 2848, оп. 2, д. 440, л. 10.
- ³² Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР, с. 279; 307.
- ³³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967), т. 5. М., 1968, с. 276—280.
- ³⁴ Архив ЦСУ МССР. Указ, отчет за 1969 г.
- ³⁵ ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 11, д. 40. Справка о результатах хозяйственно-финансовой деятельности Министерства сельского строительства МССР за 1966 г. В этом документе указывается, что в числе четырех неудовлетворительно обеспеченных техникой и проектно-сметной документацией ведомств и предприятий были Министерство сельского хозяйства, колхозы и исполкомы районных Советов депутатов трудящихся, то есть именно те, которые строили в сельской местности (л. 77—83). На состоявшемся 8 октября 1965 г. совещании представителей разных ведомств и проектных организаций по улучшению и усовершенствованию изготовления проектов клубов и Домов культуры было признано, что не существовало ни одного подходящего проекта сельского клуба (ЦГА МССР, ф. 3011, оп. 2, д. 140, л. 27).

- ³⁶ «Советская Молдавия», 1957, 21 ноября.
³⁷ ЦГА МССР, ф. 3011, оп. 7, д. 223, л. 57.
³⁸ ЦГА МССР, ф. 2991, оп. 1, д. 19, л. 468—470. Материалы заседания коллегии Министерства просвещения МССР от 21 октября 1960 г. по вопросу «О работе школ и групп продленного дня в Каларашском и Сорокском районах».
³⁹ Бронич К. Я. Ынфлореште култура Молдовей Советиче. Кишинев, 1961, с. 68; Визер Б. К., Цуркан И. А. Участие колхозов Молдавии в укреплении материальной основы развития культуры села (1959—1965 гг.) — В кн.: Равная среди равных. Кишинев, 1972, с. 188—190; Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР, с. 321 и др.
⁴⁰ ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 2, д. 120, л. 275.
⁴¹ Там же, ф. 3026, оп. 1, д. 184, л. 300.
⁴² Там же, ф. 3011, оп. 2, д. 26, л. 25, 26.
⁴³ Там же, оп. 7, д. 172, л. 10.
⁴⁴ Пугачевский Г. Больше внимания культурно-просветительной работе.—«Коммунист Молдавии», 1958, № 10, с. 34.
⁴⁵ ЦГА МССР, ф. 3013, оп. 2, д. 384, л. 418.
⁴⁶ Там же, оп. 7, д. 172, л. 9—11.
⁴⁷ «Советская Молдавия», 1953, 27 декабря.
⁴⁸ Там же, 1959, 6 января.
⁴⁹ ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 2, д. 298, л. 81—99.
⁵⁰ Там же, л. 73.
⁵¹ Визер Б. К., Цуркан И. А. Указ. соч., с. 188.
⁵² ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 2, д. 298, л. 31—33.
⁵³ Там же, ф. 3011, оп. 7, д. 208, л. 58.
⁵⁴ Там же, д. 237, л. 116.
⁵⁵ Там же, оп. 5, д. 226, л. 29.
⁵⁶ Там же, д. 339, л. 90.
⁵⁷ Там же, д. 359, л. 119.
⁵⁸ См. об этом также Визер Б. К., Цуркан И. А. Указ. соч., с. 189—190.
⁵⁹ ЦГА МССР, ф. 2848, оп. 2, д. 159, л. 120.
⁶⁰ Там же, л. 119.
⁶¹ Народное хозяйство Молдавской ССР в 1970 г., с. 268, 270.

И. Г. КИРТОАГЭ

ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЕНДЕРЫ, КИЛИЯ И АККЕРМАН В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Сложный этнический состав и движение народонаселения в Днестровско-Прутском междуречье издавна привлекают внимание историков, экономистов и демографов. Сведения о населении этого региона встречаются в сочинениях Мирона Костина¹ и Дмитрия Кантемира². Однако более систематично стали изучать демографические процессы на этой территории только в XIX в.³ Интерес к данному вопросу не ослабевает и поныне. В вышедших работах советских историков освещаются численность, плотность и размещение населения, этнический состав, иммиграция и эмиграция населения⁴, но, во-первых, это касается демографических процессов, происходивших главным образом в XIX—XX вв., во-вторых, исследуется та часть территории Днестровско-Прутского междуречья, которая находилась под юрисдикцией молдавских господарей, и очень слабо изучается территория турецких рай и центр Буджака, населенного в то время татарами. Между тем этнический состав и движение населения в XVIII в. оказали влияние на развитие Буджака в последующем периоде. Поэтому для правильного понимания явлений XIX—XX вв. необходимо изучить события им предшествующие.

Цель данной статьи — проследить на основе опубликованных и неопубликованных источников эволюцию демографических процессов в трех городах Днестровско-Прутского междуречья, входивших в состав турецких рай до 1806 г.

На формирование населения городов Буджака до присоединения Бессарабии к России значительное влияние оказало их военно-стратегическое положение в Османской империи. Крепости этих городов для Порты являлись опорными пунктами в удержании Молдавии в вассальной зависимости, а также для борьбы с Польшей и Россией. В каждой из них были установлены гарнизоны, которые содержались за счет государства. В начальном периоде истории Османской империи Порты регулярно платила жалование своему войску. Со временем в результате многочисленных захватнических войн, которые пожирала огромные средства, финансы империи были подорваны, и к началу XVIII в. османское правительство с переборами оплачивало янычаров за их воинскую службу, что привело к ослаблению воинской дисциплины. Для содержания своих семей они стали все интенсивнее заниматься ремеслом, торговлей и земледелием⁵. В мирное время янычары настолько не походили на военных, что некоторые путешественники утверждали, что в иных крепостях совершенно отсутствовали гарнизоны. Например, английский путешественник Матрай писал, что в 1711 г. в Килийской крепости не было гарнизона⁶. П. А. Толстой в 1703 г. сообщил: «В том городе Аккерман суть люди всякого купечества, между которыми немало янычаров, которых для хранения того города определены и чинят торги для своего прибытку...»⁷ Ниже русский посол подходит к этому вопросу как бы с другой стороны: «Охранение тех мест состоится в народе тоя. Так купцы и всякие там жители, как и янычане⁸, приличны⁹ во время неприятельскому приходу дать отпор и тех мест хранишь, и глаголют, что в тех предреченных местах¹⁰ (Аккерман и Килия.—И. К.) в каждом есть 1000 янычан для хранения»¹¹.

По-видимому, П. А. Толстой преувеличивал численность янычар; однако представляет интерес замечание автора, что в обороне крепостей принимали участие не только приписные янычары, но и другие жители этих городов, которые занимались торговлей, ремеслом и земледелием. Австрийский купец Н. Клеман в 1768 г., будучи очевидцем, пишет, что одним из основных побудительных факторов, стимулирующих гражданское население вооружиться и принимать участие в военных действиях во время войн, было стремление к грабежу. «Всякий мусул[ь]манин нетерпеливо [ждет войны]¹², чтобы красть и грабить немилосердно... [и] записывается в янычары, купив фузею¹³, пистолет и прочее»¹⁴.

Кроме того, мусульманское население записывалось в янычары во время военных действий, чтобы получить жалование из государственной казны. Если в мирное время рядовые янычары не получали его годами, то в военное время Порты расплачивалась со своими военно-служащими довольно аккуратно. Таким образом, турки сплывались в привилегированную мусульманскую общину, часть которой находилась в крепостях.

Теократический принцип организации османского общества распространялся и на остальные этнические группы. Непривилегированное, немусульманское население имело три общины — православную, армянскую и еврейскую¹⁵. Все представители этих общин жили вне крепостной части города.

Сведения путешественников об этническом состоянии городского населения в большинстве случаев сводились к перечислению наличных общин. И если в армянскую и еврейскую общины входили жители армянской и еврейской национальностей, то в православную общину, которая чаще всего называлась греческой, кроме греков входили молдаване, русские, украинцы, болгары и сербы.

П. А. Толстой писал, что в Аккермане «есть немало армян и греков, которые сочиняют купечества», а Матрай нашел в Килии кроме турок еще «евреев, греков и несколько армян»¹⁶. Полагаем, что П. А. Толстой и Матрай, указывая на этническую принадлежность жителей Аккермана и Килии, имели в виду их принадлежность к теократическим общинам, а не их национальность. Наше предположение основывается на записках Пейсонеля, который утверждает, что в Бендерах турок было столько же, сколько молдаван, армян и евреев вместе взятых. Он же писал о том, что в Аккермане и Килии жили, кроме турок, еще армяне, евреи и молдаване, но что турецкие общины в этих городах многочисленнее, чем все остальные вместе взятые¹⁷.

Таким образом, на основе скудных источников первой половины XVIII в. можно утверждать, что в Аккермане, Бендерах и Килии жило население очень пестрого этнического состава, включающего турок, армян, молдаван, греков и евреев. Самой многочисленной общиной была турецкая. Однако для этого периода невозможно уточнить общую численность населения этих городов и проследить изменение его этнического состава.

Источники второй половины XVIII в. позволяют значительно полнее, чем в предыдущий период, раскрыть демографические процессы, происходившие в исследуемых нами городах.

Согласно ведомости, составленной в апреле 1774 г., в Аккермане жили 502 мужчины. Население было взято на учет по теократическим общинам¹⁸: греков и волохов — 167, армян — 267 и цыган — 56. Кроме того, были учтены и 12 человек из духовенства. Если считать, что женщины было столько же, сколько мужчин, то греков и волохов было 334, армян — 534, цыган — 112, представителей культа — 24. Всего — более 1000 человек. Поскольку ведомость была составлена во время войны, она охватывала только тех жителей, которые остались в городе после его взятия русскими войсками. Большая часть населения, в основном турецкого, которая до войны жила в городе, ушла в пределы Турецкой империи по условиям капитуляции крепости 1770 г.¹⁹ Поэтому она не числится в ведомости. Сведения о численности турецких жителей отсутствуют, однако можно предположить, что численность мусульман превышала численность людей другого вероисповедания. Наше утверждение основывается на свидетельствах Пейсонеля, который писал, что в конце 50-х годов в Аккермане мусульман было больше, чем немусульман²⁰, а также на данных 1806 г., которые подтверждают, что мусульман было больше, чем немусульман, в 2,3 раза. Таким образом, мы можем утверждать, что накануне войны 1768—1774 гг. население Аккермана составляло примерно 3300 человек.

После окончания военных действий мусульманское население вернулось в город вместе с турецкой администрацией. Начался приток и людей других национальностей — болгар, армян, русских, украинцев и т. д. Жители Болгарии покидали свои насиженные места из-за боязни, что турки могут мстить за проявленную ими во время войны симпатию к русским войскам. Так, в 1774 г. часть жителей Силистрии, Безарджика и их окрестностей — болгары, армяне, а возможно, и греки, поселились в Бессарабии²¹. Об этом свидетельствуют

данные об армянских жителях Аккермана, численность которых возросла от 534 человек в 1774 г. до 833 в 1790 г.²²

Об эволюции демографических процессов последней четверти XVIII — начала XIX в. в Аккермане можно судить, сравнивая данные 1774 и 1806 гг.²³ Общая численность немусульманского населения выросла с 1004 в 1774 г. до 1058 человек в 1806 г., или на 5,4%. Однако, рассматривая население по этническим группам, можно заметить, что численность армян с 534 возросла до 632 (18,3%), греков и молдаван снизилась с 334 до 303 (9,3%) человек, а число цыган уменьшилось с 112* до 36 (67,8%) человек²⁴. В то же время в городе было учтено 59 евреев и 28 украинцев, которых не было в 1774 г.

Источники свидетельствуют о том, что очень сложную эволюцию претерпела армянская община. Если с 1774 по 1790 г., как упоминалось выше, численность армянской общины возросла, то за последние 16 лет она уменьшилась на 201 человека. Это было связано с тем, что во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. часть армян Днестровско-Прутского междуречья по приглашению и при содействии русского правительства переселилась на левобережье Днестра, где была основана крупная армянская колония Григориополь²⁵. По-видимому, уменьшение численности греков, молдаван и цыган также связано с переселением некоторых из них в пределы Российской империи.

Ведомость свидетельствует о том, что большинство украинцев, живших в Аккермане до 1806 г., прибыло в город из Молдавского княжества. Это, вероятно, было связано с некоторым усилением феодальной эксплуатации в княжестве и на левобережье Днестра²⁶.

О численности мусульманского населения Аккермана можно судить по ведомости, составленной в июле 1807 г. предводителем дворянства Херсонской губернии Тумановым при отправлении этих жителей в глубь России. Согласно этой ведомости, в городе жило 522 семьи общей численностью в 2409 человек²⁷.

Таким образом, можно заключить, что накануне освобождения от турецкого владычества в Аккермане было около 3500 жителей, абсолютное большинство которых (69,5%) составляли турки, и что численность населения возросла, но рост был незначительным. Полагаем, что это объясняется, с одной стороны, отрицательным влиянием военных действий, с другой — медленным естественным и механическим приростом²⁸.

Если по Аккерману, как сказано выше, первые данные о численности населения относятся к 1774 г., то по Бендерам — к 1790 г. В ведомости, составленной комендантом крепости, указывается, что в городе и крепости было 949 жилых домов и 265 лавок, постоянных дворов, кофеен и цирюлен²⁹. Если считать, что в каждом жилом доме и ремесленно-торговом заведении жила одна семья, то в Бендерах в то время было 1214 семей, или приблизительно 5460 жителей (при среднем составе семьи 4,5 человека). В той же ведомости указано и количество мужчин немусульман, «бывших прежде в Бендерах», то есть живших постоянно в городе до его взятия русскими войсками: греков — 43 (3,5%), армян — 148 (12,2%), болгар — 36 (3,0%), молдаван — 53 (4,4%), евреев — 118 (9,7%). Предполагаем, что мужчины были главами семей³⁰. Значит, в городе было 398 семей немусульман (32,8%). При том же множестве общее количество немусульманского населения будет равно приблизительно 1790, а мусульманского — 3670 человек (67,2%).

* Во всех трех общинах представители культа не учтены.

Об изменении численности и этнического состава населения Бендер в последнем десятилетии XVIII — начале XIX в. можно судить, сравнивая данные 1790 г. с данными ведомостей, составленных русской администрацией в начале русско-турецкой войны (1806—1812 гг.). В ведомости коменданта Бендерской крепости И. Ф. Чичагова, направленной председателю в диванах Молдавии и Валахии Кушникову, перечисляются поименно все жители Бендер и пригорода Липкан в 1808 г.³¹ В этом списке фигурируют 324 главы семейств. Для определения количества семей, живших в городе в 1806 г., мы вычитаем 110 из них, которые были записаны в графах: «еврей-подданные российские (31), поданные российские православные и пилипоны» (староверы из секты Филиппа) (52), «молдаване, бежавшие из Бендерской округи и пришедшие в город на жительство» (27). Мы считаем, что эти жители поселились в городе после его занятия русскими войсками в конце 1806 г. Остальные 214 глав семей группируются по трем этническим общинам: молдаване — 135, еврей — 70, армяне — 9. Как видно из поименного списка, в молдавскую общину были включены также сербы и болгары (Тончи сербин, Ангел, Иванчо, Георгий болгарь), русские и украинцы (Николай Васильев, Илья Яковлев, Трофим Воронка, Петр Матушенко)³². О наличии этих этнических групп говорит и ведомость о численности жителей города, где фигурируют русские, малороссы (украинцы), болгары³³.

О численности мусульманского населения Бендер 1806 г. можно судить по спискам, составленным при эвакуации этих жителей в глубь России. Ставка бендерского пашы состояла из 200 офицеров, чиновников; солдат личной охраны и обслуживающего их персонала³¹. Вместе с семьями их численность достигала 900 человек.

В списках фигурируют еще 716 семей, включающих 3071 лицо обоего пола³⁵. Это значит, что из Бендер в глубь России было эвакуировано 3971 житель магометанского вероисповедания. Кроме того, в Бендерах жила 51 семья цыган-магометан, которые в мае 1808 г. уехали за Дунай³⁶. Подводя итоги, можно утверждать, что в 1806 г. в Бендерах жило 3971 турок (77,0%), 500 молдаван (9,7%), 315 евреев (6,1%), 230 цыган (4,5%), 54 серба и болгарина (1,0%), 45 русских и украинцев (0,9%) и 40 армян (0,8%).

Из табл. 1 видно, что численность населения Бендер за 16 лет снизилась на 5,6%. Это произошло главным образом за счет полного ухода греков и армян и частичного ухода евреев и болгар. Вместе с тем выросло количество турок и молдаван. Впервые учтены в источниках русские, украинцы и цыгане. Полагаем, что основным фактором, влиявшим на изменение общей численности населения и отдельных этнических групп, явилась миграция населения. Бендерские армяне, как и аккерманские, ушли в 1791 г. в Григориополь³⁷. По-видимому, в пределы Российской империи ушли также греки, еврей и большинство болгар. Увеличение молдавского населения, а также появление русских и украинцев произошло за счет беглых из Молдавского княжества, Польши и Украины³⁸. Появление сербов, по всей вероятности, как и в России³⁹, связано с их переселением из Австрийской империи⁴⁰, а также из-за Дуная.

Килия была важной крепостью и крупным городом в устье Дуная. Численность и этнический состав его населения претерпели в общих чертах в рассматриваемый период ту же эволюцию, что и в Аккермане и Бендерах.

В ведомости 1773 г.⁴¹ указывается, что в городе в то время жили следующие категории людей мужского пола: «духовных» — 8, «мир-

Таблица 1

Численность и этнический состав жителей Бендер в конце XVIII — начале XIX в.*

Этническая принадлежность жителей	1790 г.		1806 г.		Изменение численности населения	
	численность жителей	в %	численность жителей	в %	в абсолютных числах	в %
Турки	3670	67,2	3971	77,0	+301	+8,2
Молдаване	238	4,4	500	9,7	+262	+110
Еврей	531	9,7	315	6,1	-216	-40,7
Цыгане	—	—	230	4,5	+230	—
Сербы и болгары	162	3,0	54	1,0	-108	-66,7
Русские и украинцы	—	—	45	0,9	+45	—
Армяне	666	12,2	40	0,8	-626	-94,0
Греки	193	3,5	—	—	-193	-100
Итого	5460	100	5155	100	-305	-5,6

* ЦГВИА, ф. 14209, оп. 5/165, д. 24, л. 27—35 об., 42—46, 48—50, 54—62, 63—76 об., 114—133.

ских» — 690, цыган — 24, татар — 76. Полагаем, что в первые две графы таблицы были включены, как в Аккермане и в Бендерах, жители немусульмане — молдаване, греки, армяне и др., которые, согласно другим источникам того же времени, жили в городе и были объединены в молдавскую и армянскую общину⁴². Однако выявить численность различных групп не представляется возможным, так как в той же ведомости учтены 24 цыгана и 67 татар. Суммируя, получаем, что в городе жили 789 мужчин. Считая условно, что количество женщин равно количеству мужчин можно утверждать, что в то время население города состояло из 1578 человек. Нет сомнения, что до русско-турецкой войны 1768—1774 гг. население было более многочисленным, так как после сдачи крепости турецкий гарнизон, а вместе с ним и все турецкое население ушли за Дунай⁴³. Мы не располагаем сколь угодно точными данными о численности турецкого населения.

Пейсонель писал, что в 50-х годах XVIII в. численность мусульман в три раза превосходила численность немусульман⁴⁴. Вероятно, Пейсонель преувеличивает численность мусульманской общины, так как для Аккермана он показывает такое же соотношение. Однако, как мы видели выше, мусульман было только в два с лишним раза больше, чем немусульман, поэтому мы и в данном случае будем придерживаться этого предположения.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг. общая численность населения Килии была немногим выше 4 тыс. человек. Между двумя последними русско-турецкими войнами XVIII в. численность населения Килии уменьшилась. Если в 1773 г. в городе жило 1396 немусульман, то к 1790 г. насчитывалось только 801 немусульман⁴⁵. Из них молдаван было 603, армян — 112, греков — 86. Кроме того, в городе осталось 94 цыгана-мусульманина. Турки и татары были насильственно переселены в Россию в качестве военнопленных.

За период с 1790 по 1806 г. численность жителей немусульман уменьшилась еще больше. В 1806 г. в Килии жили 698 молдаван, 27 греков, 22 серба и 9 болгар⁴⁶, то есть 756 жителей немусульман, или 21,9% всего населения. Кроме того, в городе находились 2704 турка⁴⁷ (78,1%). Общая численность населения города составляла 3460 человек.

Данные показывают, что с 1773 по 1806 г. численность населения Килии уменьшилась приблизительно на 600 человек (15%). Снижение численности произошло за счет уменьшения количества немусульманских жителей с 1396 до 756, или на 45,8%; в то время как количество мусульманских жителей осталось почти без изменения (табл. 2).

Таблица 2

Численность и этнический состав населения Килии в последней трети XVIII — начале XIX в.

Этническая принадлежность жителей	1773 г.		1790 г.		1806 г.	
	численность жителей	численность жителей	в % к числу немусульман	численность жителей	в процентах	
					к числу немусульман	к общему числу жителей
Армяне	нет сведений	112	14,0	—	—	—
Молдаване	.	603	75,3	698	92,3	20,2
Греки	.	86	10,7	27	3,6	0,8
Сербы	.	—	—	22	2,9	0,6
Болгары	.	—	—	9	1,2	0,3
Итого немусульман	1396	801	100	756	100	21,9
Цыгане	48	94	—	—	—	—
Турки	нет сведений	нет сведений	—	2704	—	78,1
Татары	134	нет сведений	—	—	—	—
Всего	1578	895	—	3460	—	100

Изложенные данные позволяют утверждать, что Аккерман, Бендеры и Килия по численности жителей были крупными городами Северо-Западного Причерноморья того времени. Население Аккермана и Килии доходило до 3500 человек, а население Бендер — до 5500. Общая численность этих городов в последней четверти XVIII — начале XIX в. особенно не изменялась.

Довольно пестрым был и этнический состав населения. В исследуемый нами период он претерпел значительную эволюцию. Население турецкого происхождения всегда преобладало, однако в городах проживало и много армян, молдаван, греков, евреев и цыган. В последней четверти XVIII в. наблюдается уменьшение численности греков и армян, которые эмигрировали в Россию главным образом по двум причинам. Занимаясь торговлей и ремеслом, они терпели большие убытки от произвола турецких властей и грабежей недисциплинированного турецкого войска⁴⁸. Кроме того, в России были более благоприятные условия для этих занятий. В турецких районах купцы и ремесленники платили крупные налоги и пошлины⁴⁹. Русские купцы платили меньше налогов. Становясь поданными Российской империи, армянские и греческие купцы не порывали торговых связей с турецким рынком⁵⁰, но вели уже торговые операции, находясь под покровительством российских консулов, пользуясь статусом и привилегиями иностранных купцов на территории Османской империи⁵¹.

Наблюдается некоторый рост численности молдаван. Одновременно здесь впервые появляются русские, украинцы, сербы и болгары. Следует отметить, что в дальнейшем численность русских, молдаван и украинцев увеличивается заметнее после присоединения Бессарабии к России⁵²,

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Miron Costin. Opere, v. I. Buc., 1965, p. 260—261.
- ² Кантемир Д. К. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, с. 147.
- ³ Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область, ч. 1—2. Спб., 1962; Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Спб., 1868; Свиньин П. Описание Бессарабской области. 1816; Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI. Одесса, 1867; Скалковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Спб., 1848; Он же. Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. — Журнал Министерства Внутренних Дел. Спб., 1846.
- ⁴ Бачинский А. Д. Основные этапы крестьянско-казацкой колонизации Буджакской степи и низовий Дуная в XVIII — начале XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1964. Он же. Происхождение и состав украинско-русского населения Буджака и низовий Дуная конца XVIII и начала XIX в. — Записки Одесского археологического общества, т. II (35). Одесса, 1966; Дмитриев П. Г. Народонаселение Молдавии. Кишинев, 1973; Драгнев Д. М. Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVIII в. — В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975; Зеленчук В. С. Население Молдавии. Кишинев, 1973; Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XIX в.). Кишинев, 1974; Мещеряков И. И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабии в начале XIX в. — «Известия МФАН СССР», 1953, № 3—4; Он же. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828—1834 гг. (из истории развития русско-болгарских дружеских связей). Кишинев, 1965.
- ⁵ Новичев А. Д. История Турции, т. I. Л., 1963, с. 74, 155.
- ⁶ Paul Cernovodeanu. Țările Române în viziunea călătorilor englezi (a doua jumătate a secolului al XVII-lea și primele decenii ale celui de-al XVIII-lea). — In: Studii și materiale de istorie medie, v. VI. Buc., 1973, p. 120.
- ⁷ Толстой П. А. Состояние народа турецкого, описанное графом П. А. Толстым в 1703 г. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 51. Симферополь, 1914, с. 131.
- ⁸ То есть янычары. Так в тексте.
- ⁹ Приличны — в состоянии.
- ¹⁰ Предреченных местах — вышеуказанных местах.
- ¹¹ Толстой П. А. Указ. соч., с. 131.
- ¹² Здесь скобки издателя, остальные скобки наши. — И. К.
- ¹³ Фузея — ручное огнестрельное оружие.
- ¹⁴ Клеemann Н. Клееманово путешествие в Крым. Спб., 1783, с. 39.
- ¹⁵ Во второй половине XV в. турецкие султаны признали существование трех немусульманских общин: греко-православной, армяно-григорянской и еврейской. Руководство этих общин имело не только духовную власть над своими единоверцами, но и гражданскую. Оно рассматривало разные имущественные и бытовые споры, а также содействовало властям при взимании ими налогов в пользу государства и в пользу самой общины. Новичев А. Д. Указ. соч., с. 73.
- ¹⁶ Paul Cernovodeanu. Op. cit., p. 120.
- ¹⁷ Peyssonel. Traité sur le commerce de la Mer Noire, tom I. Paris. 1787, p. 304—307.
- ¹⁸ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 214, л. 28—30.
- ¹⁹ Петров А. Война России с Турцией и с польскими конфедератами с 1769 по 1774 год, том II. Спб., 1866, с. 167.
- ²⁰ Peyssonel. Op. cit., p. 306.
- ²¹ История на град Толбухин. София, 1968, с. 45.
- ²² ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, л. 507, л. 17.
- ²³ Там же, ф. 14209, оп. 5/165, л. 26, ч. II, л. 6—21 об. Сведения о населении Аккермана относятся к 1808 г. Но в ведомости о численности жителей имеются пометки о том, являются ли они коренными жителями, давно или вновь пришедшими. Для того, чтобы получить данные на 1806 г., то есть до начала русско-турецкой войны, мы исключили из общей численности жителей с пометкой «вновь прибывшие». Полагаем, что такой прием позволяет определить без больших погрешностей численность населения города накануне освобождения края из-под турецкого владычества.

- ²⁴ В рапорте М. И. Кутузова Г. А. Потемкину есть сведения о том, что молдаване, греки и цыгане просили у русского командования разрешения переселиться за Днестр, в Ганджидеры (ныне Овидиополь) и в Коялы (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 560, ч. I, л. 13).
- ²⁵ Ананян Ж. А. Армянская колония Григориополь. Ереван, 1969, с. 40.
- ²⁶ Documente privind istoria României. Colecția Eudoxiu de Hurmuzaki (seria nouă), v. I. Buc., 1962, p. 398. Бачинский А. Д. Происхождение и состав украинско-русского населения Буджака и низовий Дуная конца XVIII—начала XIX в.—«Записки Одесского археологического общества», т. II (35). Одесса, 1966, с. 138—139.
- ²⁷ ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, д. 24, л. 83—113 об.
- ²⁸ По-видимому, естественный рост населения городов в период феодализма идет медленнее, чем в селах и в среднем на определенной территории. Об этом свидетельствует средний состав семьи. Большинство демографов (см. Дмитриев П. Г. Указ. соч., с. 82) считают, что средняя семья на определенной территории состоит из пяти человек. Данные по Аккерману 1806 г. свидетельствуют о том, что средний состав семьи был равен 4,5 человека (ЦГВИА СССР, ф. 14 14209, оп. 5/165, д. 26, ч. II, л. 6—21 об.).
- ²⁹ ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 506, л. 30—31.
- ³⁰ Мы пришли к этому выводу, сравнив количество мужчин армян, указанных в этой ведомости (148), с числом домов (150) и душ обоого пола (660) армянских жителей, находившихся в том же 1790 г., указанных в другой ведомости (ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 507, л. 17).
- ³¹ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 214, л. 24—27 об.
- ³² Всего их было приблизительно 22 главы семей.
- ³³ ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, д. 41, ч. I, л. 11.
- ³⁴ Там же, д. 24, л. 135 об.—146 об.
- ³⁵ Там же, л. 27—35 об., 42—46, 48—50, 54—62, 63—76 об., 114—133.
- ³⁶ Там же, д. 6, л. 28, 28 об.
- ³⁷ Ананян Ж. А. Указ. соч., с. 41.
- ³⁸ Бачинский А. Д. Происхождение и состав украинско-русского населения Буджака и низовий Дуная конца XVIII и начала XIX в.
- ³⁹ Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края (1730—1796), ч. I. Одесса, 1836, с. 26.
- ⁴⁰ ЦГАДА СССР, ф. 293, оп. 1, д. 385, л. 526 об. Упоминается серб из Австрийской империи Георгий Доняша, который в 1787 г. женился на молдаванке из с. Пуркары.
- ⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1961, л. 352.
- ⁴² Там же, л. 238 об.
- ⁴³ Об этом указывается в рапорте Г. Румянцева Екатерине II от 23 августа 1770 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 348 об.).
- ⁴⁴ Peyssonel. Op. cit., p. 307.
- ⁴⁵ ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 526, ч. III, л. 20—21.
- ⁴⁶ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 214, л. 102—127.
- ⁴⁷ ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, д. 21, ч. I, л. 29 об.—30 об.
- ⁴⁸ Клеман, находясь в 1768 г. в Кишиневе, был свидетелем того, как проезжие янычары грабили местных купцов: «Несколько дней через сей город проходили байрахи (подразделения из 60—100 человек) янычар, назначенные в Бендеры... Они унесли из магазинов, которые в скорости запереть не успели, все то, что им надобно было, бросив приказчикам деньги, которые едва превозвышали половину тех, коих унесенное ими стоило. Я издали видел всю... лавку, разграбленную так, что бедному... (ничего) за товары не дали... (Клеман Н. Указ: соч., с. 39).
- ⁴⁹ Клеман в 1768 г. заплатил двойную пошлину (Клеман Н. Указ. соч., с. 36, 41). Он же говорит, что торговля французских купцов в Османской империи была бы невыгодной, если бы они платили турецкие поборы, а не трехпроцентную пошлину.
- ⁵⁰ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье. 1775—1800 гг. М., 1959, с. 250.
- ⁵¹ Трактат о торговле между Российской империей и Портою Оттоманскою, заключенном в Константинополе июня 10 дня 1783 г. Изд. АН, 1783.
- ⁵² Жуков В. И. Города Бессарабии 1812—1861 гг. Кишинев, 1964, с. 41—61; Ари Г. Л. О русской системе «покровительства» и о некоторых ее социально-экономических и политических последствиях для населения Балкан (конец XVIII—начало XIX в.). — «Etudes balkaniques». Sofia, 1975, N 2, p. 108—113.

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

И. И. СЕРЕБРЕНИКОВА

СООТНОШЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

В условиях развитого социализма на основе все возрастающего уровня материальных благ развиваются и разносторонние духовные потребности личности. Однако этот процесс не является непосредственным. Формирование духовного мира личности, ее идеалов и убеждений, чувств и вкусов тесно связано с ее интересами и стремлениями, которые выражаются в определенных потребностях. Эти потребности как бы индивидуализируются личностью и требуют своего дальнейшего развития. Особенно это касается многообразных духовных потребностей человека, основными компонентами которых являются нравственные и эстетические потребности личности. Изучение потребностей как детерминантов человеческого поведения имеет большое методологическое значение и вызывает необходимость специального философского анализа. Практика нравственного и эстетического воспитания свидетельствует о том, что формирование коммунистических идеалов личности идет успешнее, если учитывать при этом нравственные и эстетические потребности, которые являются непосредственной активнопобудительной силой.

Для того чтобы лучше понять специфику нравственных и эстетических потребностей, необходимо сначала рассмотреть систему человеческих потребностей в целом. Вопрос о их классификации был уже освещен в работах советских авторов¹. Человеческие потребности чаще всего делят на материальные и духовные. Материальные потребности реализуются во взаимодействии человека с природой, без их удовлетворения невозможна жизнедеятельность индивидов. Духовные потребности, являющиеся производными от материальных, представляют собой систему сложных и различных по силе внутренних побуждений человека. В то же время нельзя абсолютно отделять эти две основные группы потребностей друг от друга, так как они тесно переплетаются между собой. Например, одна из основных потребностей человека — потребность в труде является не только материальной, но и духовной, а духовные потребности, будучи производными, в свою очередь оказывают обратное воздействие на развитие материальных.

Человеческие потребности представляют собой сложный комплекс внутренних состояний личности и поэтому являются предметом изучения различных наук — экономики, биологии, психологии, этики, эстетики. Но по своему значению вопрос о сущности человеческих потребностей — это философский вопрос, и в принципе он давно решен марксистско-ленинской философией.

Марксистское определение сущности человека как совокупности общественных отношений проливает свет и на содержание человеческих потребностей, сущность самой человеческой природы. Исследование

духовной природы человека приобретает особое значение в условиях развитого социализма, когда конкретно ставится вопрос о всестороннем развитии личности. Поэтому в научной литературе в первую очередь необходимо устранить еще имеющее место пренебрежительное отношение к понятию природы человека. И. С. Нарский пишет: «Довольно распространен предрассудок, будто в той мере, в какой молодые Маркс и Энгельс преодолевали взгляды фейербахизма, они освобождались и от понятия «человеческая природа» как якобы совершенно ненаучного и если употребляли этот термин в дальнейшем, то только в ироническом смысле. Но это не так². Человеческая природа выражается в качественной определенности индивида, которая имеет свою предысторию, поскольку «бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь»³.

Духовные потребности не означают принципиального возвышения над материальным потреблением как таковым, а лишь свидетельствуют об отсутствии момента потребительского отношения в самом этом потреблении. Духовные потребности генетически выросли из материальных как из своей основы и именно поэтому они не могут отрываться от них. Исходя из этого, можно говорить о единстве духовных и материальных потребностей. Непризнание этого единства может привести к идеализму, то есть к объяснению сверхъестественного происхождения духовных потребностей. Но при этом очень важно учитывать, что единство материальных и духовных потребностей есть единство различного, так как последние коренятся не в биологической природе человека, а в потребностях общественной жизни.

Материальные и духовные потребности человека связаны как в плане исторического происхождения и развития, так и в плане функционирования. Тем более глубокая связь существует внутри самих духовных потребностей: между нравственными, эстетическими, познавательными потребностями человека. Это обусловлено тем, что какая-либо потребность никогда не может возникнуть обособленно от других. Например, эстетическая потребность проявляется только путем удовлетворения других потребностей — материальных, нравственных, интеллектуальных. Эта взаимосвязь обусловлена, с одной стороны, единством человеческой природы, единством всей психики человека, с другой — разнообразием окружающего нас единого материального мира.

В нашей литературе есть исследования, посвященные анализу как нравственной, так и эстетической потребности⁴. Эти работы заслуживают внимания. Однако не меньший интерес представляет и проблема соотношения нравственных и эстетических потребностей, их взаимосвязанного развития, единого воздействия на личность. Ведь доброе и прекрасное всегда идут рядом, взаимообогащая друг друга и обогащая духовный мир личности. Поэтому вопрос соотношения нравственной и эстетической потребностей личности, имеющих чрезвычайно большое значение в формировании духовного облика человека социалистического общества, является весьма актуальным.

По своему происхождению нравственная потребность более древняя, чем эстетическая. Предпосылки ее возникновения у первобытного человека были связаны прежде всего с поддержанием дисциплины, без которой существование человеческого рода было невозможным, а обязательное исполнение своих обязанностей каждым членом рода — жизненно необходимым⁵.

Нравственная потребность возникла в качестве необходимой меры для сохранения жизнедеятельности общества. Что касается определения категории нравственной потребности, то мы присоединяемся к

мнению Н. П. Плаксиной, что нравственная потребность есть «стремление личности заслужить одобрение своего поведения со стороны общества»⁶. На наш взгляд, будет также правомерным определять нравственную потребность как стремление к добру, справедливости, в чем личность, живя в обществе, несомненно нуждается. Эстетическая же потребность, по мнению ученых, возникла много позже⁷.

В качестве основного критерия и «материалом того, что нужно человеку» (В. И. Ленин) марксизм принимает практическую деятельность индивида, которая потребности людей приводит в соответствие с существующими условиями их удовлетворения, доставляя, с одной стороны, потребности ее предмет, а с другой стороны, ограничивая ее («потребность» «пределами самой потребности» (К. Маркс). Только по мере роста производительности труда создавались условия для того, чтобы удовлетворявшаяся потребность могла вырваться из плена непосредственно утилитарного потребления и дифференцироваться.

Примитивное первобытное производство, исключавшее современную сложную дифференциацию предметов потребления, обуславливало весь несложный строй психики человека и его потребностей. Выступая в синкретичном, нерасчлененном состоянии у первобытного человека, материальные и духовные потребности в дальнейшем отделились друг от друга и теперь существуют как вполне самостоятельные, имеющие каждая свой собственный предмет потребления. Необходим был длительный процесс разделения труда (речь идет о первоначальном разделении труда, породившем основные его формы — материальную и духовную). Только дифференциация форм практической деятельности человека предопределяет процесс спецификации его потребностей как материальных, так и духовных. Дифференцированные эстетические потребности возникают благодаря специальной общественной практике человека и реализуют необходимость определенного способа его деятельности. Наиболее удачную характеристику данной категории дает, на наш взгляд, Л. С. Сысоева: «Эстетическую потребность можно определить как функциональную детерминанту эстетической деятельности, вытекающую из социальной необходимости мира в соответствии с мерой человеческого совершенства, которая является конкретно-историческим выражением родовой меры человека»⁸.

Сущность эстетической потребности, по нашему мнению, можно также выразить более обобщенно, то есть как стремление к прекрасному, как настоятельную нужду в этом прекрасном для развития и совершенствования.

Нравственная и эстетическая потребности — это определенные, сложившиеся в ходе общественной практики специфические модификации связи человека с реальностью, возникшие на основе «очеловеченного» бескорыстного отношения к миру. Через такое восприятие и происходило формирование собственно духовной потребности, в которой бескорыстное духовное отношение выразилось наиболее полно. Рассматривая нравственную и эстетическую потребности с точки зрения общевидового признака, то есть как потребности духовные и как наиболее завершенные модификации «очеловеченного» бескорыстного отношения, мы даем им лишь формальную, неполную характеристику. Что же касается качественной определенности как нравственной, так и эстетической потребности, то она может быть связана только со спецификой предмета этой потребности. Предметность — основное, фундаментальное свойство всякой потребности (поскольку это потребность в чем-то); дифференциация, развитие и обогащение потребностей проис-

ходят в соответствии и в связи с дифференциацией соответствующих форм предметно-практической деятельности.

Говоря о различии нравственной и эстетической потребностей, нужно прежде всего отметить, что нравственные потребности касаются наиболее значительных сторон взаимоотношений между личностью и обществом и играют огромную роль в мотивационной сфере сознания человека. Эстетические же потребности возникают и протекают в ситуации, которая не затрагивает непосредственно жизненных основ личности, а при восприятии искусства вообще является условной. Кроме того, по сравнению с нравственными потребностями активность и «результативность» эстетических потребностей выражаются менее непосредственно и прямо, но все это не лишает эстетические потребности глубокого общественного содержания, большой нравственной отдачи в практической жизни человека.

Эстетические и нравственные потребности предполагают общую устойчивую нравственность личности на определенный предмет или явление, при которой вводятся в действие глубинные факторы человеческого сознания. Однако только через эмоциональное переживание вообще нельзя определить специфику нравственного или эстетического отношения. Всякое эмоциональное переживание состоит из тех же компонентов удовлетворения или неудовлетворения во всем многообразии их оттенков. Вследствие этого в психологическом механизме переживания невозможно найти какие-то особые элементы, делающие одно из них нравственным, а другое — эстетическим. Специфическое же отличие одного переживания от другого зависит от того, в связи с чем оно возникает, то есть различие идет не от «эмоционального тона», а от предметной соотнесенности данного переживания.

Одним из существенных отличий нравственной и эстетической потребностей является и тот факт, что с точки зрения морального отношения не столько важна внешняя форма осуществления поступков, действий или явлений, сколько их внутренняя сущность, содержание. Эстетическое же восприятие так настраивает чувства и мысли человека, что их усилия концентрируются на содержании обязательно в его связи с формой выражения. В данном аспекте соотношение нравственной и эстетической потребностей представляется нам довольно сложным, поскольку нравственное недоступно непосредственному созерцанию. В этом случае воспринимаются только нормы, правила, принципы, базирующиеся на основных моральных понятиях и категориях. Однако хорошо известно, что как бы ни было абстрактно понятие (а моральные понятия и категории — одни из самых абстрактных), оно всегда имеет соответствующую опору в сфере чувственных образов. В сознании человека складывается представление осуществленного нравственного отношения, но это такое представление, которому нет прямого соответствия по внешней форме в окружающей нас действительности, то есть возникает опосредованный сознанием «образ-модель». Он проецируется на образ воспринятого нами явления и в соответствии с совпадением или несовпадением с явлением возникает не только моральная, но и эстетическая оценка.

Единство нравственных и эстетических потребностей основано на диалектической взаимосвязи рационального и интуитивного, чувственного и логического в процессе познания и оценки явлений действительности. Это говорит о том, что структура нравственной и эстетической потребностей обладает общими чертами: соотношение эмоции, воли и интеллекта характеризует природу духовной потребности вообще, но каждый из этих компонентов в зависимости от вида потребности при-

обретает разное значение. Например, воля как составная часть моральной и эстетической потребностей с наибольшей силой находит выражение в нравственной потребности. Но подчеркивание волевого момента представляется нам важным и при воспитании эстетических качеств личности. Отсюда следует, что воспитание воли имеет огромное значение в формировании целостной личности, ее духовной культуры.

Говоря о взаимодействии нравственной и эстетической потребностей, следует учитывать, что они связаны со всей сферой психологических отношений человека к действительности, его можно определить как такое отношение к объекту, при котором последний представляется человеку существенно важным, а само это отношение характеризуется также своей устойчивостью. Развитость взаимосвязи нравственного отношения с эстетическим составляет неотъемлемый компонент общего развития человека, представляет собой основу эмоционально-интеллектуального единства личности.

Эстетическая и нравственная потребности тесно переплетаются друг с другом, то есть эстетическая потребность может иметь нравственный аспект и наоборот. Например, эстетические категории комического, трагического, возвышенного и другие, аналогичные им, становятся эстетически значимыми, лишь преломляясь через искусство, в самой же реальной действительности они скорее имеют нравственный характер. А в восприятии, например категории героического, нравственная и эстетическая оценки совпадают почти полностью: то, что нравственно оценивается как героизм, то эстетически переживается как прекрасное, трагическое, возвышенное. Именно поэтому взаимосвязь нравственной и эстетической потребностей усиливается и формируется непосредственно под воздействием искусства, так как именно в нем наиболее полно рассматривается внутренняя диалектика этического и эстетического.

Взаимосвязь нравственных и эстетических потребностей обуславливает социальное поведение личности, вытекающее из необходимости взаимодействия личности и общества. Но в каждом конкретном случае эта взаимосвязь носит неповторимый индивидуальный характер. Именно поэтому потребность добра и красоты невозможно определить, ограничить сухой и абстрактной формулой. Общие элементы нравственной и эстетической потребностей представляют собой результат объективации, «очеловечивания» природы человека в процессе труда вообще и в процессе художественного и научного творчества в частности.

Возрастание нравственно-эстетического единства во всех сферах общественной жизни социалистического общества обуславливает единство нравственных и эстетических потребностей в процессе формирования и воспитания личности советского человека. Оно выступает прежде всего как требование определенного соответствия между нравственной и эстетической зрелостью личности. Но это соответствие не бывает абсолютным и механическим, а выступает нередко в сложной и противоречивой форме. Поэтому воспитание взаимосвязи нравственных и эстетических потребностей личности, а также их гармонического соответствия друг другу является особенно важным в условиях социалистического общества.

Эту проблему затрагивает дискуссия, развернувшаяся на страницах «Литературной газеты» под рубрикой «Люди и вещи»⁹. Не вдаваясь в ее подробности, можно сделать вывод, что фетишизация материальных благ, пустое накопительство или погоня за книгами только из тщеслав-

ного следования моде — все эти низменные черты мещанства, к сожалению, еще встречаются в нашем обществе — свидетельствуют прежде всего о неправильном формировании потребностей человека, о резком внутреннем несоответствии одних потребностей другим. Очень часто у человека, обладающего довольно развитым эстетическим вкусом, может поразительно отставать нравственное развитие. Он может быть способен воспринимать и ценить красоту того или иного явления или произведения искусства, но вместе с тем стремиться к неразумному потребительству. Это бывает в тех случаях, когда нравственное чутье человека по тем или иным причинам не получило должного развития, не выросло в нравственную потребность. Бывает и наоборот: высокие моральные качества сосуществуют с неразвитым эстетическим вкусом. Так случается гораздо чаще, но оба приведенных примера говорят об одностороннем развитии личности, тем более что в большинстве случаев подобная односторонность не сознается человеком в полной мере.

Какая же потребность должна оказывать наиболее сильное и существенное воздействие на формирование всесторонне развитой коммунистической личности? Ответить на этот вопрос однозначно, на наш взгляд, нельзя, поскольку нравственные и эстетические потребности в действительности (то есть в сознании индивида) неразрывно связаны между собой и отделить их друг от друга можно лишь абстрактно. При этом нравственная потребность представляется нам одним из стержневых личностно-образующих свойств, а именно: такие компоненты моральной потребности, как чувство долга, справедливости, совести являются наиболее существенной социальной характеристикой личности, в то время как по потребности в прекрасном, по потребности воспринимать и творить красоту, судить о социальной ценности личности не всегда представляется возможным. Нравственная потребность выражает человеческую сущность наиболее глубоко, так как она более конкретно и более тесно, чем эстетическая, связана с гражданскими позициями личности, с преданностью высоким общественным идеалам. Моральное сознание является интегрирующим фактором, который объединяет все стороны духовного мира человека в единое целое. И чем выше нравственная ценность человека, тем выше и значительнее сама личность. Как бы ни был человек интеллектуально развит, эстетически образован, он никогда не станет полноценной личностью, если не будет обладать при этом высоким сознанием, если его интересы и дела не будут простираются дальше сугубо личных целей. Об этом замечательно сказал К. Маркс: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком»¹⁰.

Вопрос о соотношении нравственных и эстетических потребностей определяется в настоящее время не только теоретическими, но и практическими задачами. Суть их вытекает из тех реальных преобразований социалистического общества, которые осуществляются советским народом. Современный этап развития социализма ставит проблему воспитания духовных потребностей человека особенно остро: утверждение подлинно гуманных отношений между людьми предполагает преобразование всех человеческих желаний, стремлений — освобождение их от голого расчета, от тех низких побуждений, которые уродливо деформируют сознание личности. Успешное решение этой проблемы не может быть осуществлено стихийно, а только на основе анализа всей совокупности реальных жизненных условий. Это очень важно сегодня,

когда наши классовые враги пытаются навязать советской молодежи образцы своей морали и образа жизни.

Определяющее значение для духовного становления личности имеют социальные факторы, прежде всего воспитание. Информация, усвоенная личностью в процессе воспитания и своей деятельности, кристаллизуется в моральных и эстетических ее качествах, которые в свою очередь обусловлены развитием моральных и эстетических потребностей. При этом встает задача последовательного формирования социально ценных чувств и интересов, разумных потребностей, глубоких моральных убеждений при ведущей роли научного мировоззрения. Развитие разумных потребностей, их удовлетворение является составной частью задачи формирования всесторонне развитой личности коммунистического общества. Разумными потребностями, на наш взгляд, являются те, которые соответствуют достигнутому уровню общественного развития и удовлетворение которых способствует совершенствованию личности в интересах общества.

К объективным условиям духовного развития человека прежде всего относятся производственно-экономическая сторона жизни людей, а также социально-политические и культурно-бытовые факторы. Будучи определяющим элементом общественно-экономической формации в целом, производственно-экономические условия имеют в конечном счете основополагающее значение для духовного развития общества. Применительно же к конкретно-историческим обстоятельствам и к отдельной личности преобладающую роль могут играть самые различные жизненные явления.

Нравственные и эстетические потребности проходят несколько этапов возрастного формирования — от неустойчивых желаний и стремлений, характеризующихся направленностью, но не постоянством чувств, до устойчивой направленности сознания, основанной на системе знаний и являющейся результатом целенаправленного воспитания. Что касается субъективных факторов, то из них в первые годы жизни огромное значение для духовного формирования человека имеет воздействие семьи. По мере созревания формирующейся личности складываются такие условия, когда самым значительным может стать любой из субъективных факторов. Чаще всего им становится коллектив (разумеется, в социалистическом обществе) или микросоциальные группы, сложившиеся на основе общности личных интересов, взаимных симпатий, частных взаимозависимостей между людьми, а также на основе бытовых связей. Среди коллективов важнейшими (как факторы воспитания) являются школьные и производственные коллективы. Поскольку в нашем обществе направляющие усилия партии и государства пронизывают собой деятельность всех основных социальных институтов, занимающихся воспитанием нового человека, то именно их можно рассматривать как определяющий субъективный фактор духовного становления человека социалистического общества.

В современную эпоху происходят существенные сдвиги во всей системе социальных условий духовного развития широких масс трудящихся: научно-техническая революция, демографический «взрыв», урбанизация, возрастание мобильности населения, рост коммуникативности, расширение возможностей потребления, ускорение общественного развития.

Эти факторы могут иметь как положительное, так и отрицательное нравственное значение. Отсюда усложнение процесса духовного развития личности, что обуславливает возрастание требований к субъектам нравственного и эстетического воспитания. Из объективных

условий, связанных с процессом урбанизации, которая влечет за собой возрастание духовной автономии личности, с одной стороны, и усиление конформизма — с другой, а также возможность ослабления контрольных функций социальной среды, вытекает необходимость всемерной активизации общественных организаций, призванных воспитывать личность нового типа.

Рост количества информации, повышение мобильности населения должны предопределять соответствующую оперативность социальных институтов, непосредственно влияющих на формирование духовных потребностей. Сопутствующая научно-техническому прогрессу рационализация образа жизни со свойственной ей психологией трезвого расчета и практичности проявилась и в социалистическом обществе. Сейчас особенно остро встает проблема преодоления «потребительства» у некоторых членов нашего общества. Последнее, выраженное в форме стремления к приобретению вещей, как принцип непонимания, прямо противоположно природе нравственной и эстетической потребностей и приводит к антигуманным отношениям между людьми, а также к антиэстетизации отношения человека к миру.

Потребительство является выражением ограниченного развития личности, убожества чувств и мыслей при непомерно развитых утилитарных запросах, а также склонности к бездуховному самоутверждению. Преодоление его возможно лишь при росте духовных интересов человека, воспитания его моральных и эстетических потребностей, обладающих силой обратного регулирующего воздействия на сферу материальных потребностей, которые лишь относительно самостоятельны от сферы духовных потребностей и поэтому подвержены их контролю.

Единственной формой общественных отношений, при которой создаются предпосылки для избавления человека от веками тяготевшего над ним «демона потребительства», является коммунистическое общество. Производя обилие материальных и духовных благ, коммунизм вообще снимает проблему нужды, ограниченности духовных запросов, создавая тем самым почву для исчезновения неразумного, показного приобретательства. Это положение уже сегодня утверждается в социалистическом обществе, где единство производительного труда, моральных стимулов и эстетических потребностей проявляется наиболее отчетливо.

Помимо развития потребности к труду и к общественной деятельности, социализм дает громадный толчок к развитию и таких духовных потребностей человека, которые выражаются в необычно широком стремлении трудящихся к образованию, культуре, освоению духовных ценностей человечества. Рост количества народных университетов, театров, литобъединений, студий изобразительного искусства убедительно свидетельствует о росте потребностей трудящихся в художественном творчестве. «Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас...», — писал В. И. Ленин¹¹. Эти тенденции будут расширяться в процессе дальнейшего развития социалистического общества, поскольку труд здесь в наибольшей степени «очеловечен», что создает наиболее оптимальные условия для развития нравственно-эстетического отношения к миру. Всякое духовное отношение — это отношение к предмету в его самоценности, а нравственно-эстетическое — наиболее завершенное его проявление. Восприятие предмета как самоценности возникает только на том этапе, когда общество в целом удовлетворило свои материальные нужды и

предоставило человеку возможность свободного развития его потребностей, способностей, интересов.

На современном этапе развития социалистического общества единство нравственных и эстетических потребностей в индивидуальном сознании личности выступает пока лишь как определенная тенденция в социально-психологическом и моральном становлении личности. Ведущим началом в этом единстве выступает идейно-нравственная зрелость личности, ее мировоззренческая направленность. В условиях развитого социализма развитие потребностей людей осуществляется путем выравнивания таковых. Однако это отнюдь не означает стандартизацию потребностей, а предполагает развитие разнообразия и богатства индивидуальных особенностей. Взаимодействие нравственных и эстетических потребностей выражает объективную необходимость общественного развития, которая стремится к осуществлению коммунистического идеала — созданию всесторонне развитой личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Василенко В. А. Ценность и оценка. Киев, 1968; Ковалев А. Г. Психология. М., 1966.
- ² Вестник МГУ. Серия Философия, 1967, № 6, с. 15.
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 516.
- ⁴ Прохоренко В. Я. Нравственные потребности человека и их возрастающая роль в жизни современного человеческого общества. Автореф. канд. дис. МГУ, 1972; Филипенко Л. А. Формирование эстетической потребности. М., 1972 и др.
- ⁵ Зыбковец В. Ф. Происхождение нравственности. М., 1974, с. 31—32.
- ⁶ Плаксина Н. П. Природа нравственной потребности. Автореф. канд. дис. Л., 1973.
- ⁷ Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, с. 245.
- ⁸ Сысоева Л. С. Сущность и основные виды эстетической потребности. Автореф. канд. дис. Томск, 1974, с. 12.
- ⁹ «Литературная газета», 1974, № 6, 8, 10, 11, 15, 17.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 5.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 364.

Ю. Н. ТОДЫКА

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

В условиях интенсификации общественного производства, научно-технической революции постоянно усложняются задачи, которые решает управленческий аппарат территориальных агропромышленных объединений. Для того чтобы его деятельность осуществлялась на научной основе в условиях бурного развития интегрированной экономики на селе, процессов специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, необходимо создать четкую систему взаимосвязей всех составляющих его элементов.

В. И. Ленин называл организацию управления важнейшей задачей пролетариата после завоевания власти. Дальнейшее изучение проблем управления рассматривается XXV съездом КПСС как объективная основа существенного повышения общественного производства на современном этапе. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV

съезду партии сказал: «Партия и государство нуждаются в исследованиях проблем, связанных прежде всего со всесторонним развитием производства и управления производством, в рекомендациях, дающих возможность существенно повысить его эффективность»¹.

В Молдавской ССР, как и в ряде других республик, все большее развитие получает процесс концентрации и специализации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции. В настоящее время в республике функционируют два союзно-республиканских аграрно-промышленных объединения — Молдвинпром и Молдплодоовощпром, в состав которых входят 172 совхоза-завода и 26 территориальных аграрно-промышленных объединений. Как отмечалось на XIV съезде Компартии Молдавии, все эти формирования показали высокую эффективность: в них улучшилось качество продукции, использование техники, рабочей силы и других ресурсов, снизились издержки и повысилась эффективность производства. На основе роста результативности производства и производительности труда существенно повысились доходы работников, расширилось социально-культурное строительство, улучшилось бытовое и коммунальное обслуживание².

Большое внимание развитию интеграционных процессов в экономике сельского хозяйства было уделено в Отчетном докладе XXV съезду КПСС, в котором отмечалось, что «...большие возможности быстрого роста объемов производства, серьезного повышения производительности труда и снижения себестоимости заложены в специализации и концентрации производства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции»³.

XXV съезд партии наметил курс на всемерное развитие агропромышленного и межхозяйственного кооперирования, эффективное использование всех возможностей для повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Тем самым было подчеркнуто, что агропромышленная интеграция открывает новые горизонты в деле повышения результативности сельскохозяйственного производства. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» указывалось, что специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого кооперирования, перевод его на современную индустриальную основу — магистральное направление дальнейшего развития социалистического хозяйства, новый этап практического осуществления идей ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма⁴. ЦК КПСС обязал партийные, советские и хозяйственные органы всемерно содействовать развитию этих процессов, создавая необходимые условия. Он обязал научные учреждения страны сосредоточить усилия ученых на теоретической разработке фундаментальных проблем, связанных с новым этапом в осуществлении ленинского кооперативного плана.

К выполнению указаний партии приступили государственные и партийные органы, общественные организации страны. Философами, социологами, экономистами, юристами ведутся исследования социально-экономических и юридических проблем становления и развития агропромышленного интегрирования и межхозяйственного кооперирования. Они направлены прежде всего на изучение социальных последствий влияния интеграционных процессов экономики сельского хозяйства на развитие современного села. В названном постановлении ЦК КПСС указывалось, что процесс специализации и концентрации

сельскохозяйственного производства разносторонен. Многогранны и аспекты его исследования⁵.

В комплексе проблем повышения эффективности функционирования аграрно-промышленных предприятий и объединений немаловажную роль играет изучение форм и методов рационализации управленческой деятельности аппарата территориального агропромышленного объединения. В литературе отмечается, что аграрно-промышленные предприятия и объединения представляют собой новую форму не только организации сельскохозяйственного и промышленного производства, но и управления ими. Широкое развитие таких формирований требует внедрения средств механизации и автоматизации процессов управления, улучшения качества подготовки кадров⁶.

Проблемы эффективности и качества, выдвинутые XXV съездом КПСС, имеют огромное значение для повышения результативности работы территориальных аграрно-промышленных предприятий и объединений. Их решение связано с внедрением научной организации труда (НОТ) и научной организации управленческого труда (НОУТ), поскольку это способствует повышению урожайности сельскохозяйственных культур, разработке и применению совершенной технологии производства, снижению затрат на производство единицы продукции, улучшению ее качества.

Совершенствование управленческого труда является одним из существенных факторов ускорения результативности хозяйственного механизма, эффективным средством соединения преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции. Если раньше при сложности задач можно было в какой-то мере ограничиться эмпирическими оценками, примерными расчетами и субъективными взглядами, то теперь нужны научные методы исследования. Управление сельскохозяйственным производством — сложный процесс, тем сложнее он в условиях агропромышленного синтеза. Поэтому вопросы повышения уровня управленческого труда в агропромышленных объединениях, улучшения подбора, обучения и расстановки кадров аппарата управления ставятся сейчас наиболее остро.

Поскольку аграрно-промышленная интеграция получила развитие не только в Молдавии, но и в других республиках, исследование различных аспектов работы аппарата управления объединений имеет не только местное значение. Вопросам НОТ и НОУТ в деятельности сельскохозяйственных предприятий уделялось определенное внимание в литературе. Однако их внедрение на аграрно-промышленных предприятиях и в объединениях еще не стало предметом специального исследования. На основе работы аппарата управления территориальных АПО системы Молдвинпрома мы попытаемся исследовать организационно-правовые вопросы, возникающие в связи с необходимостью дальнейшего совершенствования управленческого труда.

Они имеют как общие, так и специфические аспекты. Особенности НОУТ в значительной степени определяются спецификой объекта, где она применяется. В аграрно-промышленных объединениях НОУТ можно определить как целенаправленное и сознательное воздействие аппарата управления на управляемую систему (агропромышленные объекты) для получения наибольшего эффекта при минимальных усилиях и затратах.

НОТ в АПО можно определить как рациональное в технико-экономическом, социальном и психофизиологическом отношении соединение техники и людей в едином агропромышленном производственном процессе на основе достижений науки и передовой техники. В определении

НОТ важно исходить из того, что аграрно-промышленное производство — это цельный взаимосвязанный процесс. И хотя мероприятия НОТ планируются отдельно для аграрной и промышленной частей комбинированного производства, имеются общие вопросы и проблемы НОТ для всего объединения. Это следует учитывать.

Необходимо также брать во внимание сложную взаимосвязь НОТ и НОУТ. Отличаясь по содержанию и объектам приложения, они в конечном счете направлены на достижение единых целей: повышение эффективности общественного производства и улучшение качества выпускаемой продукции. Это, безусловно, требует тесной координации мероприятий НОТ и НОУТ как на уровне территориального объединения, так и в рамках его структурных подразделений.

Совершенствование научной организации труда включает в себя проведение комплекса взаимосвязанных мероприятий организационного и правового характера: совершенствование разделения и кооперации труда работников аппарата управления, подбор и расстановку кадров работников управления, форм и методов их обучения с учетом специфики интегрированного производства, юридическое закрепление прав и обязанностей служащих; оптимальную организацию их рабочих мест с учетом условий труда и выполняемых функций; улучшение нормирования труда.

Каковы же пути повышения эффективности деятельности управленческого аппарата объединений на современном этапе развития процесса агропромышленной интеграции? Прежде всего это комплексный подход к организации труда на основе разработки и внедрения типовых проектов, должностных инструкций и других документов, тесная связь с мероприятиями по совершенствованию организации и техники управления. Разрозненные, несогласованные меры по внедрению научной организации труда в управлении не могут способствовать достижению желаемого результата. Рационализация научной организации труда может проводиться только на основе широкого использования системного подхода. Вряд ли можно ограничивать проблемы совершенствования деятельности аппарата лишь вопросами организации работы внутри каких-либо отдельных звеньев. Как бы хорошо ни была налажена работа в соответствующем подразделении аппарата, она будет нарушена, если будут слабо «срабатывать» другие взаимосвязанные с ним звенья. Поэтому внедрение научных основ труда в аппарате территориального АПО должно охватывать все его подразделения. При этом важно учитывать специфику деятельности каждого из них, его линейные и функциональные связи по вертикали и горизонтали.

Внедрение научной организации управленческого труда необходимо строить по перспективному плану, с учетом совершенствования системы управления и применения всех достижений оргтехники и механизации управленческого труда. Эту работу важно проводить в тесной связи с текущим планом внедрения научной организации управленческого труда на основе уже существующей в объединении организации и техники управления. При этом следует стремиться внедрить элементы НОТ на всех участках управленческого труда.

Практика функционирования территориальных АПО показывает, что если внедрение НОТ в управление и предусматривается текущим планом, хотя не всегда систематически и целенаправленно, то с перспективным планированием этих процессов дела обстоят хуже. Здесь имеются еще большие неиспользованные возможности.

Повышение эффективности работы управленческого аппарата агропромышленных объединений непосредственно связано с более дей-

ственным использованием права. Внедрение научной организации в деятельность государственного аппарата, в том числе и объединений, практически невозможно без создания прочных юридических гарантий. В нормах права закрепляются права и обязанности работников, фиксируется то, что уже достигнуто наукой и практикой.

Роль правового обеспечения деятельности аппарата управления приобретает все большую значимость. Издавая юридические нормы, государство определяет исходные данные управленческого процесса, активизирует деятельность работников управления. Правовые акты способствуют устойчивости производственных отношений, закрепляют гарантии соблюдения прав, стимулируют добросовестный труд, поощряют передовые его приемы, активность управленческой деятельности, распределяют права и обязанности служащих, уточняют их ответственность⁷.

Достаточно ли используются правовые средства в совершенствовании функционирования территориальных аграрно-промышленных объединений и их аппарата? Практика показывает, что при создании аппарата управления объединений необходимо более последовательно и оперативно решать вопросы определения компетенции создаваемых структурных подразделений, обеспечения их оптимального взаимодействия, а также установления четкого порядка их взаимоотношений с другими звеньями управления народного хозяйства. Все эти вопросы должны находить более четкое, чем сейчас, закрепление в положениях о структурных подразделениях АПО. В них необходимо конкретнее разграничить задачи, функции, права и обязанности, ответственность, служебные связи каждого подразделения аппарата управления с учетом специфики его работы, а также деятельности всего аппарата объединения. Положения о структурных подразделениях аппарата АПО должны служить надежной основой для разработки должностных инструкций, в которых важно определить функции, полномочия, критерии оценки деятельности и ответственность каждого служащего.

Определенная работа в этом направлении уже проводится. В частности, в Котовском территориальном аграрно-промышленном объединении системы Молдвинпром разработаны должностные инструкции для аппарата управления на всех уровнях. Хотя во многом они еще не совершенны, но, на наш взгляд, прав А. Е. Лунев, отметивший, что наличие должностных инструкций, даже если они и не совершенны, все же дает возможность лучше изучить деятельность каждого служащего, уровень его знаний и отношение к делу⁸. Наиболее целесообразно, по нашему мнению, разработать типовые должностные инструкции о правах и обязанностях работников управления территориальных агропромышленных объединений не в районном, а в республиканском масштабе.

Заслуживает внимания опыт ряда министерств, которыми по методике Института государства и права АН СССР осуществлен функциональный анализ работы подразделений министерств по регулированию и содержанию их деятельности. При разработке нормативных положений, определяющих правовой статус соответствующих подразделений аппарата территориальных аграрно-промышленных объединений, важно учитывать компетенцию одноименных отделов аппарата союзно-республиканского объединения. Касается ли это систем Молдвинпром или Молдплодоовощпром, принципиального значения не имеет.

Вместе с тем наличие четкого правового регулирования управленческих отношений недостаточно. Не менее важно научить служащих применению в работе рациональных методов выполнения функциональ-

ных обязанностей, эффективному использованию ими времени на выполнение различных операций, последовательности, умению пользоваться оргтехникой. Все это образует технологию управленческой деятельности, которая должна планироваться, контролироваться и непрерывно совершенствоваться⁹.

Следовательно, меры по правовому закреплению отношений в аппарате управления агропромышленного объединения должны подкрепляться организационными действиями и гарантиями их проведения в жизнь.

Дальнейшее совершенствование работы аппарата управления территориального объединения непосредственно связано с улучшением подбора и расстановки кадров, более глубоким учетом специфики их управленческого труда, современных форм и методов решения комплексных проблем управления.

В повышении эффективности работы аппарата АПО призваны сыграть большую роль соответствующие специальные службы вышестоящих органов. В системе союзно-республиканского агропромышленного объединения Молдвинпром создана лаборатория НОТ и управления промышленности, которая выполняет важные функции по внедрению в работу территориальных объединений НОТ и НОУТ. Лаборатория является своеобразным организационно-методическим центром объединения Молдвинпром, ее правовой статус регулируется Положением о лаборатории. Несмотря на непродолжительность функционирования, ею сделано очень много полезного. Опыт ее работы заслуживает изучения и распространения.

Управленческие отношения в территориальных аграрно-промышленных объединениях сложны по своей структуре и динамике. Руководителям объединений важно умело организовать труд в отдельных структурных подразделениях АПО и в самом аппарате управления. Ведь одним из важнейших условий оптимальной работы объединений является их деятельность как единого взаимосвязанного механизма.

В повышении эффективности функционирования АПО большая роль принадлежит личным качествам руководителей. В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Современный руководитель должен органически соединять в себе партийность с глубокой компетентностью, дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу. Вместе с тем на любом участке руководитель обязан учитывать и социально-политические, воспитательные аспекты, быть чутким к людям, к их нуждам и запросам, служить примером в работе и в быту»¹⁰.

О необходимости учета подготовленности кадров для осуществления управленческих функций в условиях интеграционной экономики на селе говорилось и в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». В нем указывается, что в условиях специализации и концентрации производства, базирующихся на современных достижениях науки и передовой практики, значительно возрастают требования к кадрам, их квалификации, способности обеспечить высокий технический уровень работы специализированных предприятий индустриального типа, что в предстоящие годы вопросы подготовки и переподготовки специалистов и кадров массовых профессий должны решаться с учетом масштабов развития межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции.

Задачи управления усложняются, приобретают научный характер, требующий исследовательского подхода. Поэтому каждый сотрудник аппарата управления АПО должен пройти специальную подготовку в области управления, овладеть необходимым объемом управленческих знаний, умением использовать социально-психологические факторы руководства. К сожалению, в настоящее время уровень подготовки специалистов и руководителей аграрно-промышленных предприятий и объединений еще не полностью соответствует предъявляемым требованиям.

Анализ показывает, что не все они обладают достаточными знаниями в вопросах техники и технологии, экономики и организации производства отраслей, входящих в состав объединения. Несоответствие теоретического и практического уровней их подготовки требованиям аграрно-промышленного производства мешает использовать все возможности повышения производительности труда в АПО¹¹.

Все это говорит о том, что следует уделять более серьезное внимание подготовке и переподготовке специалистов и руководящих работников территориальных АПО. Проблемы управления становятся все более сложными и их уже невозможно правильно и своевременно решать, применяя старые способы. Использование старых методов, отмечает М. И. Пискотин, приводит порой к росту числа неэффективных или явно необоснованных решений¹². Подготовка и переподготовка специалистов и руководящих кадров строится в основном давно сложившимися методами, с ориентацией на отрасль. Между тем жизнь показывает, что так решить задачу нельзя. Очень часто, как обосновано отмечает Г. Н. Сингур, в руководстве аграрно-промышленными предприятиями (объединениями) отраслевых знаний оказывается недостаточно для решения ряда комплексных вопросов. Подготовка и переподготовку этих кадров следует перестроить с учетом процессов агропромышленной интеграции. Целесообразно, считает автор, ввести в соответствующих вузах специальный курс по агропромышленной интеграции¹³.

Необходимо отметить, что еще не все руководители территориальных аграрно-промышленных объединений уделяют достаточное внимание механизации управленческого труда. Это сдерживает процесс внедрения в управленческий труд технических новшеств, снижает его производительность. Особое значение имеет техническая вооруженность высококвалифицированного труда, к которому относится и управленческий. Его окупаемость выше по сравнению с трудом рядовых работников. Между тем во многих территориальных АПО управленческий труд еще недостаточно оснащен технически. Для того чтобы вооружить сотрудников аппарата управления территориальных АПО прочными знаниями по научной организации управленческого труда, целесообразно создать при Молдвинпроме и Молдплодоовощпроме курсы по изучению передового опыта НОУТ. Обучение желательно вести применительно к условиям функционирования агропромышленных объединений, используя имеющийся передовой опыт. Думается, что полученные на курсах знания помогут повысить производительность труда управленческих работников. Большую роль в этом отношении может сыграть действующий с 1972 г. Республиканский межотраслевой институт повышения квалификации специалистов народного хозяйства при Госплане МССР, который призван координировать работу по повышению квалификации руководителей, специалистов народного хозяй-

сва, систематически изучать новейшие достижения науки и техники, научной организации труда и управления.

Важными направлениями совершенствования работы аппарата управления территориального АПО является дальнейшее улучшение планирования рабочего времени, рациональное использование средств оргтехники, постоянное стремление к улучшению условий управленческого труда.

Важную роль играет планирование работы с указанием сроков выполнения отдельных заданий, установление очередности их реализации, четкое и своевременное выполнение плана, учет и анализ затрат времени. Жизнь подсказывает, что необходимо составлять как текущие, так и более длительные личные планы работы. Например, в соответствии с планом развития хозяйства Котовского территориального агропромышленного объединения специалисты разрабатывают свои ежеквартальные индивидуальные планы, которые способствуют эффективному воздействию на работу отдельных хозяйств и объединений в целом.

Центральное место в НОУТ принадлежит постоянному улучшению условий труда. Она предполагает создание наилучшей обстановки для трудовой деятельности, благоприятного микроклимата в коллективе, наличие деловых взаимоотношений между сотрудниками, руководителями и подчиненными, поддержание дисциплины и порядка. Немаловажное значение имеет обеспечение рабочего места необходимым оборудованием, мебелью, современными средствами оргтехники. При соблюдении этих условий труд становится более привлекательным, сокращается текучесть кадров, укрепляется дисциплина труда. В деятельности аппарата АПО все шире применяются различные организационно-технические средства, создаются диспетчерские службы. Однако еще далеко не все руководители уделяют достаточное внимание механизации управленческого труда, что в определенной степени сдерживает процесс внедрения в управленческий труд технических новшеств, снижает его производительность.

Следует отметить, что между крупным интегрированным агропромышленным производством и его технической оснащенностью, в том числе и управленческого труда, существует определенный разрыв. Его ликвидация, как и налаживание более четкой системы информации в объединении, является одной из важных задач дальнейшего совершенствования эффективности работы аппарата управления.

В. И. Ленин говорил, что над совершенствованием аппарата управления надо работать постоянно. Это положение относится непосредственно и к управленческому аппарату территориальных агропромышленных объединений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72.

² XIV съезд Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1976, с. 216, 230.

³ Материалы XXV съезда КПСС, с. 52.

⁴ «Коммунист Молдавии», 1976, № 6, с. 6.

⁵ Бодюл И. И. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. М., 1974; Правовое положение аграрно-промышленных предприятий и объединений. Кишинев, 1974; Социальное развитие села в период строительства коммунизма. Кишинев, 1976; Тимуш А. И. Социальные процессы на селе. Кишинев, 1975; Проблема аграрной политики КПСС на современном этапе. М., 1975; Сиваченко И. Ю. Социально-экономические проблемы аграрно-промышленной интеграции. Киев—Одесса, 1975; Староверов В. И. Интенсификация социально-эко-

номических процессов в советской деревне. М., 1975; Сингур Г. Некоторые проблемы агропромышленной интеграции.— «Коммунист Молдавии», 1976, № 4.

⁶ Козырь М. И. Правовое регулирование межхозяйственного и аграрно-промышленного кооперирования.— «Советское государство и право», 1975, № 4, с. 68.

⁷ Ремнев В. И. Научная организация деятельности аппарата управления. М., 1975, с. 12—13.

⁸ Лунев А. Е. Теоретические проблемы государственного управления. М., 1974, с. 203—204.

⁹ Там же, с. 203.

¹⁰ Материалы XXV съезда КПСС, с. 70.

¹¹ Сингур Г. Некоторые проблемы агропромышленной интеграции.— «Коммунист Молдавии», 1976, № 4, с. 63.

¹² Пискотин М. И. Проблемы совершенствования государственного управления в условиях научно-технической революции.— В кн.: Научно-техническая революция, управление и право. М., 1975, с. 23.

¹³ Сингур Г. Указ. соч., с. 63.

Е. Г. МАРТЫНЧИК

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ПОДСУДИМОГО

Определяя задачи дальнейшего развития советского общества и государства, XXV съезд КПСС указал, что они будут решаться путем повышения эффективности и всемерного улучшения качества работы¹. В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что необходимо создавать соответствующие условия для их осуществления, развивать все то, что «способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию социалистического образа жизни»².

Требование КПСС к повышению качества и эффективности работы в полной мере относится и к предупредительно-воспитательной и правоохранительной деятельности органов социалистического правосудия.

Одна из важнейших целей советского суда состоит в охране прав участников уголовного процесса. Ее достижение неразрывно связано с успешным решением задач, сформулированных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Они заключаются в том, чтобы каждый виновный в совершении преступления был изобличен и привлечен к уголовной ответственности, но ни один невиновный не был осужден и наказан*. От степени их решения зависит эффективность деятельности суда по обеспечению прав подсудимого.

Охрана его прав и законных интересов охватывается общими целями социалистического правосудия по уголовным делам и обусловлена принципом обеспечения права обвиняемого на защиту. Она неразрывно связана с осуществлением всех других принципов советского уголовного процесса. Невозможно представить, чтобы суд достиг установленных законом целей и успешно решил поставленные перед ним задачи, не выполнив предписаний принципов социалистической законности о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоя-

* В этой связи И. Л. Петрухин пишет, что определение эффективности правосудия по уголовным делам возможно и необходимо производить применительно к задачам советского уголовного процесса, указанным в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства. См.: Петрухин И. Л. Системный подход к изучению эффективности правосудия.— «Советское государство и право», 1976, № 1, с. 78.

тельств и материалов дела, коллегиальности его рассмотрения, независимости судей и подчинения их только закону, национальном языке судопроизводства и др.

Их нарушение неизбежно приводит к фактам необоснованного осуждения граждан и оправдания лиц, совершивших преступление, неправильной квалификации правонарушений, назначения мер наказания, не соответствующих характеру содеянного и личности виновных, ущемления права обвиняемых на защиту³.

«Эти нарушения законов в деятельности судебных органов наносят большой вред организации борьбы с преступностью, правам и законным интересам граждан, ослабляют их веру в силу советских законов и справедливость социалистического правосудия», — разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел»⁴. Исключить такие факты из судебной практики, избежать судебных ошибок возможно лишь при условии строжайшего соблюдения и исполнения, а также единообразного применения всех законов.

Всемерная охрана прав и законных интересов подсудимого как участника уголовно-процессуальной деятельности и советского гражданина — неперемный показатель высокой степени эффективности и правовой культуры уголовного судопроизводства. Вполне естественно, что наше уголовно-процессуальное законодательство возложило на суд обязанность «обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав» (ст. 13 Основ уголовного судопроизводства, ст. 13 УПК МССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев отметил, что Коммунистическая партия и Советское государство высоко ценят нелегкий, но почетный труд работников прокуратуры, органов юстиции и суда, ибо они «стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан»⁵. Эту важнейшую социально-политическую и процессуально-этическую функцию наши органы правосудия в равной мере осуществляют и в отношении граждан, привлеченных к уголовной ответственности, преданных суду, признанных виновными и наказанных по приговору суда.

Охрана прав подсудимого как один из существенных компонентов целей социалистического правосудия включает в себя: а) достоверное и полное установление фактических оснований для уголовной ответственности или освобождения от нее; б) правильную юридическую оценку деяния, совершенного подсудимым; в) всемерное обеспечение его процессуальных, личных и имущественных прав и законных интересов; г) назначение соразмерного и справедливого наказания, соответствующего закону, тяжести содеянного и личности виновного.

Соблюдением всех норм охраны прав подсудимого обеспечивается достижение конечных целей правосудия: защита общественного и государственного строя СССР, социалистической собственности и системы народного хозяйства, укрепление советской законности и правопорядка, воспитание трудящихся в духе уважения наших законов и правил общежития, борьба с преступностью и причинами, порождающими ее.

Успешное достижение перечисленных выше целей во многом зависит от состояния исследований, посвященных проблеме эффективности процессуальных норм и деятельности правоохранительных органов. «Последнее же, — как правильно отмечают советские ученые-юристы, — связано с теоретической разработкой и решением двух групп про-

блем. К первой относятся проблемы, касающиеся самого понятия эффективности действия правовых норм и институтов, ее критериев, отграничения эффективности от других свойств действия правовой нормы и т. д.»⁶. Вместе с тем в данной проблематике основным все-таки является «учение об эффективности предписаний и деятельности государственных учреждений, ибо именно здесь в наибольшей мере выступает на первый план практически-политическое значение социологии права», — подчеркивает И. С. Самошенко⁷.

Исследование результативности деятельности суда по обеспечению прав и законных интересов подсудимого представляет собой самостоятельную структуру в системе правосудия, имеющую несколько уровней. Первым, как отмечают советские процессуалисты, является анализ факторов, связанных с применением судом отраслей, институтов и отдельных норм права; изучением правовых характеристик эффективности процессуальной деятельности (правовой аспект)⁸.

В пределах указанной выше проблемы теоретическое и прикладное значение имеют понятие, критерии и показатели эффективности деятельности суда по охране прав подсудимого, ибо без «разработки теории эффективности (понятие, критерии, показатели и т. д.), как свидетельствует опыт, нельзя даже приступить к исследованию эффективности отдельных норм»⁹.

Если эффективность правосудия зависит от степени достижения им своих целей¹⁰, то соответственно эффективность деятельности суда по обеспечению прав подсудимого зависит от степени достижения данной цели при рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве. Одновременно она является также и целью, во имя достижения которой осуществляют свою деятельность суды первой и второй инстанций. Тем самым цели правосудия, закрепленные в правовых нормах, и цели деятельности судов едины, как едины и цели всей отрасли советского уголовно-процессуального права.

Именно это и обуславливает единство целей правосудия и деятельности судебных органов. Поэтому, подчеркивают Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин, эффективность права следовало бы понимать как долю вклада права в достижение целей регулируемой им деятельности¹¹. Наряду с этим в теории уголовного процесса подчеркивается необходимость отграничения эффективности уголовно-процессуального права от эффективности процессуальной деятельности¹².

С этим выводом следует согласиться, хотя при эмпирическом изучении результативности норм уголовно-процессуального закона и эффективности процессуальной деятельности субъектов уголовного судопроизводства провести такое четкое различие между ними очень трудно. Во-первых, деятельность судов основана на законе, им регламентирована, а поэтому невозможно представить ее вне рамок правовых норм. Более того, только законная деятельность судов способствует достижению целей, поставленных перед правосудием.

Во-вторых, уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие рассмотрение дел в суде, предусматривают и, как правило, гарантируют оптимальный вариант поведения, то есть действий или воздержания от таковых со стороны субъектов уголовного судопроизводства. Тем самым выявление эффективности таких норм неразрывно связано с определением также и эффективности правоприменительной деятельности.

В уголовном процессе социально значимый результат достигается, с одной стороны, путем действия не отдельной нормы, а совокупности институтов, всех стадий процесса и отрасли уголовно-процессуального

права в целом¹³, а с другой — благодаря целенаправленной, подчиненной закону и на нем основанной процессуальной деятельности суда, прокурора, следователя, адвоката и других субъектов уголовного судопроизводства. Влияние деятельности судов по охране прав подсудимого на результативность уголовного процесса в целом может быть определено посредством соответствующих критериев, показателей и условий, формируемых для судопроизводства, его стадий и институтов¹⁴, а также сбора и анализа информации о степени достижения конкретных целей правосудия.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что именно вопрос о конкретных критериях оценки эффективности того или иного правового института или нормы, как отмечается в советской юридической литературе, относится к числу сложных теоретических и практических вопросов¹⁵. Не меньшую сложность он представляет и с точки зрения выработки критериев для оценки результативности деятельности суда по охране прав подсудимого. Они выражаются в числовых обозначениях и величинах, формируемых в качестве цели правосудия на определенное время и с учетом гарантий правосудия¹⁶. Эти критерии выступают как «идеальная» либо близкая к ней планируемая цель правосудия и могут быть выражены через совокупность количественных показателей.

Эффективность судебной деятельности по охране прав подсудимого характеризуется следующими критериями, выражающимися количеством: а) выявленных и устраненных в стадии предания суду ошибок, допущенных органами предварительного расследования; б) ошибок, допущенных на всех предыдущих стадиях уголовного процесса и устраненных в судебном разбирательстве; в) дел, по которым суд обеспечил обвиняемому возможность законными средствами и способами осуществлять функцию защиты; г) приговоров, отмененных или измененных кассационными и надзорными инстанциями в интересах осужденного.

Конкретными показателями, характеризующими эффективность деятельности суда по первым трем из указанных выше критериев, будет количество уголовных дел: 1) направленных на доследование в связи с нарушением прав обвиняемого; 2) удовлетворенных судом ходатайств прокуроров, подсудимых, их защитников и законных представителей, а также по которым суд 3) исключил из обвинения отдельные эпизоды; 4) применил закон о менее тяжком преступлении; 5) оправдал подсудимых в части обвинения за отдельные преступления или полностью; 6) правильно удовлетворил или отклонил гражданский иск; 7) согласился с доводами прокуроров, подсудимых, их защитников и законных представителей о квалификации деяния, об исключении из обвинения отдельных эпизодов, оправдании подсудимого, виде и мере наказания и др.; 8) вынес частные определения по поводу нарушений прав обвиняемого органами предварительного расследования.

Как показывают данные проведенного нами анализа практики судебных органов Молдавской ССР за 1970—1974 гг., деятельность судов первой инстанции применительно к первым трем из названных ранее критериев характеризуется следующими количественными показателями.

По инициативе судов и участников уголовного процесса со стадий предания суду и судебного разбирательства на дополнительное расследование было направлено около 2% дел. Нам думается, что в связи с неправильным применением уголовного закона, несоответствием обвинительного заключения требованиям УПК, нарушением личных и имущественных прав обвиняемого и по другим основаниям судам надлежало внести на рассмотрение распорядительных заседаний и затем

направить на дополнительное расследование 15,3% дел, но они этого не сделали.

Поскольку в центре процессуальной деятельности находится работа суда с доказательствами, то и эффективность данной деятельности должна найти выражение прежде всего в собирании, закреплении, проверке и оценке соответствующих фактических материалов.

Обобщение и анализ практики показывают, что по 8,2% дел суды вызвали в судебное заседание и допросили новых свидетелей и экспертов, по 25% — истребовали и приобщили к делу новые документы, по 1,7% — назначили экспертизу. Таким образом, по 34,9% дел в судебном разбирательстве были восполнены и устранены недостатки предварительного расследования, исследованы новые доказательства, необходимые для установления истины, вынесения законного и обоснованного приговора, то есть были приняты должные меры по обеспечению прав личности и недопущению судебных ошибок.

Несомненно и то, что на качество и эффективность охраны прав подсудимого положительное влияние оказывают высокая культура судебных процессов, строгое соблюдение судьями профессиональной этики и судебного этикета.

Благодаря тому, что в своей деятельности судьи независимы и подчиняются только закону, осуществляют правосудие на основании всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств и материалов дела, оценивают их по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, во многих случаях они приходят к иным выводам, чем те, которые сформулированы в обвинительном заключении и, разумеется, более благоприятным для подсудимого.

Так, оправдательные приговоры по обвинению за отдельные преступления были вынесены по 7% изученных нами дел, отдельные эпизоды обвинения признаны недоказанными — по 1,4% дел, при постановлении приговоров суды первой инстанции применили к действиям подсудимых закон о менее тяжком преступлении по 9,9% дел. Иными словами, по 18,3% дел при вынесении приговоров суды первой инстанции приняли решения, благоприятные для подсудимых.

При принятии мер уголовного наказания советский суд не только карает преступников, но ставит перед собой цель исправить и перевоспитать их (ст. 3 Закона о судостроительстве Молдавской ССР). В этом выражаются социальные цели и этические последствия уголовного наказания, его подлинно гуманный характер в Советском государстве. Достичь их можно лишь в том случае, если наказание, назначенное осужденному, будет соразмерным и справедливым. Поэтому при назначении его суд обязан учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие или отягчающие ответственность подсудимого.

Между тем на практике данное требование закона нередко нарушается. Достаточно сказать, что по изученным нами делам при назначении наказания суды учли по 5% дел только смягчающие, по 4,4% — лишь отягчающие, по 5,2% — только характеризующие личность подсудимого обстоятельства, а по 9,5% дел ни одно из указанных обстоятельств судами вообще не было учтено при назначении меры наказания. К данному выводу приводит тот факт, что в приговорах по таким делам суды не указали, какие же конкретные обстоятельства приняты в качестве смягчающих или отягчающих при определении наказания.

Не исключено, что по таким делам суды нарушили принцип индивидуализации уголовного наказания. Эти сомнения тем более правомерны, что по многим делам приговоры в кассационном порядке не были обжалованы и опротестованы. Они вступили в силу, то есть их законность и обоснованность не проверялись вышестоящими судебными инстанциями. Практика показывает, что нарушения принципа индивидуализации наказания довольно часто являются основанием как для кассационного обжалования и опротестования приговоров, так и для отмены или изменения их вышестоящими судами. Этот недостаток судебной практики неоднократно был предметом обсуждения Пленума Верховного Суда СССР, который требовал устранить и не допускать его, ибо он снижает эффективность правосудия¹⁷.

На современном этапе важное значение приобретает проблема совершенствования механизма борьбы с преступностью, выработка гуманных и вместе с тем эффективных мер исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления. На международном коллоквиуме по борьбе с преступностью, проходившем в Белладжии (Италия), предлагалось сократить применение лишения свободы, более широко заменять его такими мерами, как режим probation¹⁸.

Надо сказать, что такого рода меры (передача на поруки, материалов дела в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних, условное прекращение уголовного дела и др.) предусмотрены законодательством социалистических государств и широко применяются на практике¹⁹. На международном симпозиуме по уголовному праву социалистических государств обращалось внимание на то, что в социалистических странах существует тенденция к расширению комплекса средств, не связанных с лишением свободы и пределов их применения²⁰.

Например, в ПНР существует институт условного прекращения дела судом и прокурором, сопровождаемого применением ряда воспитательных мер, образующих в своей совокупности своеобразный испытательно-исправительный режим для совершившего преступление.

В целях расширения нравственных основ судопроизводства, средств исправления и перевоспитания правонарушителей без применения к ним лишения свободы, повышения воспитательного эффекта правосудия целесообразно, на наш взгляд, создать аналогичный институт в советском уголовном праве.

Для теории и практики социалистического правосудия, охраны прав участников уголовного судопроизводства важнейшее значение имеет вопрос о факторах, препятствующих достижению высокой результативности в реализации прав и защите законных интересов подсудимого. Этот вопрос недостаточно исследован в науке уголовно-процессуального права. Мы рассмотрим лишь наиболее существенные из них, чаще встречающиеся в судебной практике. К ним следует отнести прежде всего отсутствие в законе нормы, обязывающей суд реагировать на нарушения прав обвиняемого и других участников процесса, допущенные при расследовании дела и выявленные в стадии предания суду, путем вынесения частного (особого) определения.

В данной стадии судопроизводства довольно часто выявляются грубые нарушения прав участников уголовного судопроизводства, допущенные органами предварительного расследования, но тем не менее суды на них не реагируют, очевидно, потому, что законом не предусмотрено их право принимать по этому поводу соответствующие решения. Вследствие этого не только не пресекаются допущенные при расследовании дела нарушения, но и создаются условия, способствующие нарушению законности, прав и интересов обвиняемого. Такое положение не может

быть терпимым. Борьба с ним следует путем вынесения судами в адрес органов предварительного расследования, допустивших нарушение прав участников уголовного процесса, частных (особых) определений. Это будет возможно лишь тогда, когда закон предоставит суду право выносить такого рода определения в стадии предания обвиняемого суду.

Не менее существенно и то, что УПК союзных республик не содержит нормы, которая определяла бы процессуальное положение обвиняемого и его защитника в стадии предания суду. Отсутствие в законе регламентации их правового статуса приводит к тому, что во многих случаях они лишены возможности лично обосновывать в суде заявленные ими ходатайства по таким важнейшим вопросам, как необходимость вызова в судебное заседание новых свидетелей, собирания других доказательств, изменения квалификации деяния и меры пресечения на более благоприятные для обвиняемого, а нередко и о прекращении производства по делу.

Несомненно, что четкая и полная регламентация их процессуального положения на отмеченном ранее этапе уголовного судопроизводства благотворно сказалась бы на охране прав подсудимого, предупреждении и исключении судебных ошибок, обусловленных нарушением прав данного субъекта уголовно-процессуальной деятельности.

В этой связи главу XXI УПК МССР и соответствующие главы УПК других союзных республик необходимо дополнить статьей, которая регламентировала бы процессуальное положение обвиняемого и защитника в стадии предания суду.

Конкретно-социологическое исследование показывает, что по каждому третьему из изученных нами дел в судебное заседание не явились те или иные свидетели, а по каждому четырнадцатому — потерпевшие. Однако по 95% этих дел причины неявки свидетелей и потерпевших не были выяснены. Более того, суды оглашают показания неявившихся свидетелей и потерпевших, данные ими на предварительном расследовании, хотя не знают, действительно ли они не явились по причинам, исключающим их явку в суд, как того требует закон. Тем самым суды нарушают не только требования ст. 256 УПК МССР, но и непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве (ст. 213 УПК МССР, ст. 240 УПК РСФСР) и обязанность обосновывать приговор лишь на тех из них, которые были исследованы судом в ходе судебного следствия (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства).

Несмотря на то, что статьи 258 и 259 УПК МССР требуют осмотреть вещественные доказательства и огласить в судебном заседании документы, приобщенные к делу, по 53% дел суды не выполнили данного предписания закона. В нарушение ст. 229 УПК МССР в протоколах судебных заседаний не сказано, были ли оглашены судом документы и осмотрены вещественные доказательства в ходе судебного следствия. Отсюда следует, что по значительному количеству уголовных дел, вопреки требованиям закона, суды, с одной стороны, сокращают судебное следствие, допуская процессуальное упрощенчество, а с другой — выносят приговоры на основе доказательств, которые не явились предметом судебного разбирательства.

В соответствии со ст. 220 УПК МССР при рассмотрении дела в суде первой инстанции недопустимо: а) осуждение и наказание лиц, не преданных суду; б) рассмотрение дела по обвинению, по которому подсудимый не был предан суду; в) применение закона о более тяжком

преступлении; г) усиление гражданско-правовой ответственности подсудимого.

Однако не искоренены еще случаи, когда суды нарушают требования закона, регламентирующие пределы судебного разбирательства (такие случаи составляют 0,4—0,6% от общего количества изученных дел). Все это свидетельствует о том, что большинство судебных ошибок обусловлено недостаточным владением судьями профессиональным мастерством, поверхностным исследованием обстоятельств дела²¹, а нередко грубыми нарушениями норм уголовного и уголовно-процессуального кодексов, культуры судебной деятельности, пренебрежительным отношением к судьбе подсудимого, недобросовестным выполнением своего профессионального долга.

Ограничение действия перечисленных, а также других отрицательных факторов, сведение их до минимума даст возможность значительно повысить качество и степень эффективности судебных процессов, усилить охрану прав и законных интересов подсудимого и в конечном счете воспитательно-предупредительное воздействие судебной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 40.

² Там же.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974, с. 279.

⁴ Там же.

⁵ Материалы XXV съезда КПСС, с. 82.

⁶ Никитинский В. И., Глазырин В. В., Казаринова С. Е. О методике изучения эффективности правовых норм.— «Советское государство и право», 1975, № 9, с. 25.

⁷ Самощенко И. С. Роль социологии права в изучении эффективности правовых норм.— В кн.: Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974, с. 22.

⁸ Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия.— В кн.: Право и социология. М., 1973, с. 269.

⁹ Самощенко И. С. Указ. соч., с. 26.

¹⁰ Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Указ. соч., с. 253.

¹¹ Там же, с. 270.

¹² Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона.— В кн.: Эффективность уголовного закона. М., 1973, с. 173; Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Указ. соч., с. 269.

¹³ Каминская В. И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 10. М., 1969, с. 78.

¹⁴ Петрухин И. Л. Причины судебных ошибок.— «Советское государство и право», 1970, № 5, с. 102.

¹⁵ Эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 3.

¹⁶ Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Указ. соч., с. 263.

¹⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973, с. 21, 31, 464, 490, 534, 547.

¹⁸ Савицкий В. М. Международный colloquium по борьбе с преступностью.— «Советское государство и право», 1975, № 12, с. 133.

¹⁹ Келина С. Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности. Автореф. докт. дис. М., 1976, с. 4—6, 17—19.

²⁰ Falandysz L. Międzynarodowe sympozjum prawa karnego państw socjalistycznych.— „Państwo i prawo”, 1975, N 12, s. 166.

²¹ Смирнов Л. Н. В целях утверждения революционной законности.— «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 2, с. 12.

ЭТНОГРАФИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Э. П. ФЛОРИЯ

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ МОЛДАВСКОГО ТАНЦЕВАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Разработка принципов классификации танцев представляет собой одну из важнейших проблем исследования молдавской народной хореографии. На протяжении последних десятилетий фольклористы республики осуществили некоторые опыты в области разработки критериев систематизации танцев.

Первым предпринял попытку классифицировать молдавский танцевальный фольклор хореограф Л. Ошурко¹. По его мнению, танцы можно подразделить на несколько тематических групп: посвященные труду, явлениям природы, женщине, цветам, танцы общественные, свадебные, лирические, шуточные, заимствованные у других народов. Помимо этого Л. Ошурко предлагает классифицировать танцы по времени возникновения, составу участников и основному рисунку.

Не вступая в полемику с автором данной систематизации, следует, однако, отметить, что она, хотя и основана на самых различных принципах классификации (тематическом, функциональном, генетическом и др.), является далеко не полной, так как не охватывает обрядовые танцы, связанные с ритуалами земледельческого цикла, а также такие популярные молдавские танцы, как хора, бэтута, брыу и др. Необоснованной представляется классификация по принципу «инородного происхождения танцев», ибо сырба, булгэряска, русяска и другие, хотя, по-видимому, и возникли в результате культурного общения молдаван со славянами и различными народностями Балканского полуострова, но уже давно стали истинно молдавскими по танцевальной лексике и характеру музыкального сопровождения.

Л. Аксенова², автор следующей классификации, подразделяет танцы на обрядовые, бытовые и производственные. Помимо этого ею выявляются танцы смешанные, мужские и женские. Одним из достоинств данной систематизации является характеристика некоторых особенностей танцевальной музыки.

Следующим этапом в разработке классификационных принципов явилась работа Э. Королевой³. Она делит танцы, во-первых, на обрядовые и бытовые (сюжетные и бессюжетные), во-вторых, с точки зрения основного рисунка. Здесь выявляются четыре типа танцев: хоры (круговые), брыу (основной рисунок — линия и полукруг), ынвиртитэ (исполняются парами или малыми группами) и танцы смешанного типа.

Определенным вкладом в разработку классификации танцев явилось создание П. Стояновым сборника танцевальных мелодий⁴, в котором музыкальный материал сгруппирован по темповому и метрическому признакам в несколько разделов: сырбы, булгэряски, брыу (№ 1—154); хоры, бэтуты и другие (№ 155—326), танцевальные мело-

дин в размере $\frac{3}{8}$, $\frac{6}{8}$ (№ 352—377); танцевальные мелодии в размере $\frac{7}{16}$ (№ 378—410).

Используя темп и метр — существенные признаки танца — в качестве классификационных критериев, Стоянов приходит к некоторым верным, на наш взгляд, выводам. Правомерным представляется обобщение мелодий танцев сырба и булгэряска, а также бэтута и хора. Однако в его классификации немало неточностей и противоречий. Так, например, брыу, родственный танцам бэтута, отнесен к первому разделу, но в то же время четыре мелодии брыу (№ 188, 194, 262, 296) помещены во втором разделе.

Нельзя согласиться с объединением в общий раздел всех трехдольных мелодий, так как сюда неизбежно попадают медленные хоры и оживленный остропэц, столь различные не только по кинетическим, ритмическим, интонационным, но и по темповым особенностям. С другой стороны, обособляя семидольные мелодии, автор разбивает мелодический тип остропэц, имеющий различную метрическую трактовку. Таким образом, часть мелодий помещена в одном разделе, а часть — в другом.

При ряде положительных черт ни одна из рассмотренных нами классификаций не охватывает все признаки данного фольклорного жанра. В большинстве из них используется функциональный принцип систематизации танцев. Остальные критерии отражают либо кинетические свойства танца (состав участников, общий рисунок), либо музыкальные особенности (темп, метрическая организация), то есть существующие классификации учитывают отдельные признаки жанра. Поэтому мы вносим некоторые поправки и дополнения в разработку принципов систематизации молдавского танцевального фольклора.

* * *

Народный танец, как и всякий фольклорный жанр, характеризуется прежде всего двумя признаками: функциональным (социально-бытовым назначением жанра) и структурным (его «материализацией» в совокупности специфических выразительных средств). Поэтому и классификацию, на наш взгляд, необходимо производить именно по этим признакам.

Классификация танцев по функциональному принципу. В зависимости от социально-бытового назначения, времени и обстоятельств исполнения танцы могут быть подразделены, как это предложила Э. Королева, на обрядовые и бытовые вне обрядов — бытовые.

Танец всегда был неотъемлемой частью молдавских обрядов — календарных и семейных (главным образом, свадебных). К календарно-обрядовым относятся пляски ряженых парней во время традиционного «хождения козой» (капра), весенние танцевальные игры парней-кэлушаров (жокул кэлушарилор); летние девичьи драгайка и папаруда, генетически связанные с древнейшими аграрными культами⁵. Ценнейшим источником сведений о характере и назначении этих танцев является «Описание Молдавии» Д. Кантемира⁶, в котором впервые освещены быт и нравы молдавского народа.

В отличие от календарно-обрядовых танцев, которые в настоящем почти не встречаются, свадебные бытуют и по сей день, хотя чисто ритуальный смысл ими утрачен. На всем протяжении свадебной игры, в определенные моменты исполняются танцы де трей орь пе лынгэ масэ, остропэц, хора маре и др.

На современном этапе развития танцевального фольклора его большую часть составляют танцы внеобрядового бытования⁷. Их можно условно подразделять на две группы, которые Э. Королева называет сюжетными и бессюжетными. Первые по своей тематике очень разнообразны. Здесь и танцы, посвященные трудовым процессам («Коаса», «Поама», «Чобэняска», «Тэбэкэряска»), женщине («Еленуца»), явлениям природы («Фуртуна»), флоре и фауне родного края («Оляндра», «Оица», «Хулубул»), и танцы, воплотившие мужество народа («Хайду-чяска», «Войничяска»).

Необходимо отметить, что определение «сюжетные» употребляется лишь условно, поскольку обозначаемые им танцы не имеют какого-либо сюжета, а лишь в обобщенном виде воссоздают те или иные реальные образы, трудовые процессы, воспроизводимые посредством танцевальной лексики, ритмической организации движений, ритмоинтонационной структуры музыкального сопровождения.

Бессюжетные танцы — сырба, хора, булгэряска, бэтута, брыу и др. — являются наиболее распространенными в молдавской народной хореографии и пользуются большой популярностью в республике. Ни один сельский или семейный праздник не обходится без них.

Систематизация танцев по структурным признакам. Танец как единое художественное целое основан на органическом сочетании кинетического, музыкального и словесного компонентов, то есть обладает полиэлементной структурой.

На современном этапе развития фольклористики все большее распространение получает концепция о полиэлементной структуре произведений народного творчества, в которых в зависимости «от природы жанра слово, музыка, пластика находятся в различных сочетаниях и взаимоотношениях»⁸. В связи с этим все большее утверждение получает идея о необходимости комплексного анализа фольклорных жанров, как о непременном условии их подлинно научного изучения. Соотнесение некоторых общих принципов метода комплексного фольклористического исследования (и главным образом, раскрытие соотношений и внутренних связей между составными элементами структуры) со спецификой танцевального народного творчества позволит более глубоко и всесторонне познать его художественную природу.

Рассматривая под данным углом зрения молдавский танец, необходимо выявить характерные особенности его компонентов: кинетического, музыкального и словесного, а также закономерности их органической взаимосвязи. В настоящей статье дана лишь самая общая характеристика составных элементов танца.

Кинетический компонент. Молдавская народная хореография отличается высокоразвитой техникой движений ног: от легких пружинистых танцевальных шагов с подскоком до сложных синкопированных ударов о землю. Движения рук, головы, корпуса сводятся лишь к покачиваниям, поворотам, наклонам. У каждого танца есть свои специфические кинетические элементы.

Танцы молдаван коллективны. Они исполняются смешанным, мужским или женским составом. В процессе развертывания танца образуется какой-либо рисунок: круг, полукруг и др.

Парные танцы возникли, вероятно, лишь в XIX в., когда освобожденная от турецкого ига Молдавия стала приобщаться к русской и европейской культуре. Тогда и появились полка, кадрилул, валсул, ынвиртита, русяска.

Музыкальное сопровождение молдавских танцев в отличие от других народно-танцевальных культур исключительно инструменталь-

но. С давних пор, как свидетельствуют исторические документы, молдаване исполняли свои танцы под аккомпанемент инструментальных ансамблей⁹. Состав народных оркестров на протяжении многовековой эволюции ансамблевого исполнительства постоянно обогащался. В настоящее время молдавские тарафы состоят из следующих инструментов: струнные (скрипки, иногда — виолончель, контрабас); ударно-аккомпанирующие (цимбалы, аккордеон, иногда кобза); духовые (флуер, най, флейта, кавал, чимпой, тарагот, кларнет, труба и др.).

Словесный компонент представляет собой лаконичные рифмованные строфы, скандируемые в ритме танцевальных движений — «стригэтурь»¹⁰. Некоторые из них — шуточные, любовные, сатирические — способствуют подзадориванию танцующих, созданию атмосферы праздничности, веселья. Они могут исполняться в самых различных танцах. Другие же имеют непосредственную связь с тем или иным конкретным танцем (сырба, хора, брыу, бэтута, остропэц). Их содержание часто отражает манеру исполнения и кинетические особенности танца.

Каким же образом осуществляется органическая взаимосвязь составных компонентов танца, столь различных по своим эмоционально-выразительным возможностям и способу их художественного формовложения?

Кинетический, музыкальный и словесный компоненты танца характеризуются лишь одним общим признаком — ритмическим упорядочением. Ритм является тем связующим звеном, посредством которого осуществляется их объединение, то есть представляет собой главный интегрирующий фактор полиэлементной структуры танца.

Кинетическая лексика немыслима вне ритмической организации, ибо всякое движение имеет временную протяженность. И так как молдавские танцы отличаются обилием движений ног, последовательность различных «шагов» образует ритмическую основу танца. Последней соответствует ритмометрическая структура музыкального сопровождения. «Стригэтурь» также подчиняются общему ритму танца. Они исполняются в ритме танцевальных движений, получая при этом соответствующую акцентировку. Таким образом, хоренческая структура стиха, свойственная выкрикам, может нарушаться.

Анализ молдавских народных танцев с точки зрения структурно-ритмических особенностей показал, что они могут быть подразделены на четыре типа. Каждый из них охватывает большое количество танцев, близких по кинетическим, музыкальным, словесным особенностям, а также по темповым и метроритмическим признакам.

Танцы типа «сырба» (метр двудольный, темп: $\text{♩} = 168-208 \text{ MM}$).

Сырба — один из самых популярных и распространенных молдавских танцев. По всей республике бытуют разнообразные варианты этого танца: и хореографические, и музыкальные. Основным рисунком в сырбе является круг, хотя характерны и движения по очертаниям полукруга. В процессе исполнения руки танцующих находятся на плечах партнеров. Основными элементами кинетической лексики являются «шаг с подскоком», «боковой шаг» и др. Сырба исполняется чаще всего смешанным составом. В молдавской народной хореографии существуют танцы, которые при некоторых отличиях родственны сырбе. Это — молдовеняска, булгэряска и др.

Важнейшими стилистическими особенностями рассматриваемых танцев являются большая динамичность, стремительный темп испол-

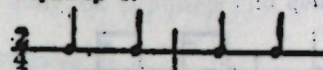
нения, полетный характер движений, частая смена танцевальных фигур.

Сырба характеризуется специфическими «стригэтурь». Например:

Жоакэ сырба, ну лэса,	Ну-ка сырбу веселей,
Уйте-аша, ш'аша, ш'аша!	Попляши-ка, не робей!
Жоакэ сырба пе сэлтате,	Выше исполняй прыжки,
Ну креде, кэ ну се поате! ¹¹	Не жалея каблукки!

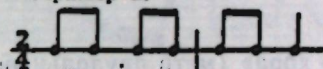
Танцы типа «сырба» отличаются особыми принципами организации движений. Наиболее характерные «шаги» ритмически могут быть выражены ритмоформулой (пример 1).

Пример 1:

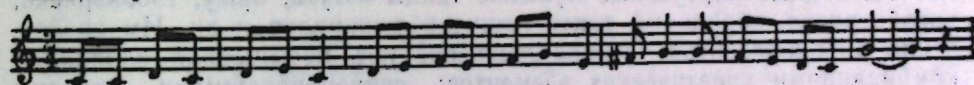

Мелодии типа «сырба» по своей ритмической структуре очень разнообразны. Некоторые основаны на вариантах исходной формулы кинетической лексики (пример 2), однако наиболее характерна ритми-

Пример 2:

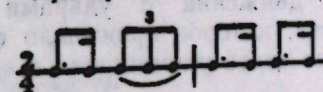

СЫРБА „ТРЕЙ ЧОКАНЕ“

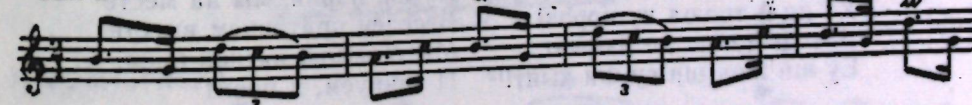

ческая структура, основанная на сочетании пунктирных и триольных ячеек. Их последовательность и количественное соотношение могут быть различными (примеры 3, 4). Нередко пунктирные и триольные

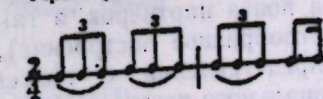
Пример 3:

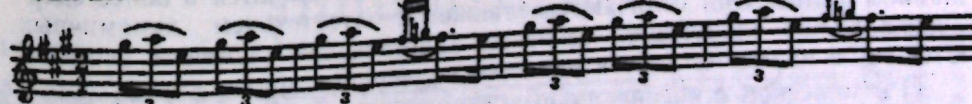
СЫРБА

Пример 4:

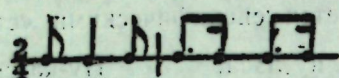

СЫРБА .

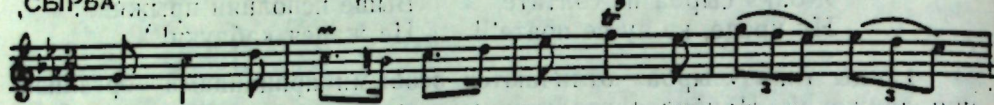

ячейки сочетаются с синкопированной фигурой (пример 5). Встречаются мелодии иной ритмической структуры (пример 6).

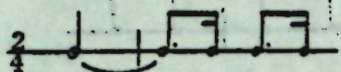
Пример 5:

СЫРБА

Пример 6:

БУЛГЭРЯСКА

Танцы типа «бэтуда — хора» (метр двудольный, темп: $\text{♩} = 120 - 138 \text{ MM}$). Этот танцевальный тип имеет две разновидности. Одну из них составляют виртуозные мужские танцы бэтуда, брыу, тэбэкэряска, корэбиеряска, обрядовый танец жокул кэлушарилор и др. Им свойственна высокоразвитая техника движений ног, насыщенная сложными комбинациями кинетических элементов: синкопированными ударами ног о землю, прыжками, специфическими танцевальными шагами с ударами и др. Сложность лексики требует большой исполнительской техники, поэтому танцевать их могут лишь лучшие танцоры.

Особенности кинетики обусловили происхождение наименований некоторых танцев. Обилие движений с ударами теснейшим образом связано с названием бэтуда, которое произошло от глагола «а бате» (ударять). Этот же элемент часто упоминается в «стригэтурь»:

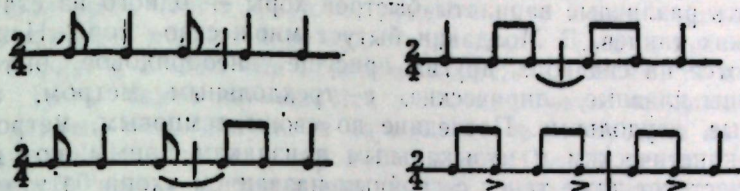
Хай, флэкэй, пе лок, пе лок.	Ну-ка, парни, мы на месте
Кэ ни-й траюл ку норок!	Веселей притопнем вместе!
Батець талпа де пэмынт,	Мы о землю пяткой бьем;
Еу ши жок ши еу ши кынт! ¹²	И танцуем, и поем!

Название брыу (в переводе — пояс) обусловлено, вероятно, тем, что танцоры часто держатся за пояса партнеров, а также и рисунком танца (полукруг, линия, зигзагообразное построение), который мог ассоциироваться в народном представлении с развевающимся красным поясом — элементом национального костюма.

Танцы типа «бэтуда» в отличие от сырб исполняются в более сдержанном темпе. Они отличаются также и отсутствием динамичных передвижений танцующих: основные кинетические элементы исполняются либо на месте, либо в процессе медленного продвижения.

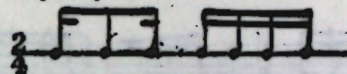
Ритмическое строение данных танцев основано на синкопированных формулах. Кинетическая лексика характеризуется формулами (пример 7). Они же во всевозможных вариантах составляют основу

Пример 7:

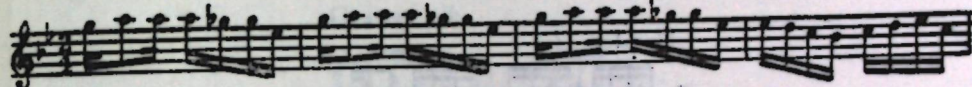

ритмического рисунка мелодики. При этом синкопированная ячейка может быть расположена и в начале, и в середине, и в конце ритмоформулы (примеры 8, 9, 10). Часто в основе ритмоструктуры мелодии находится следующий рисунок (пример 11).

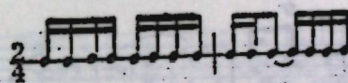
Пример 8:

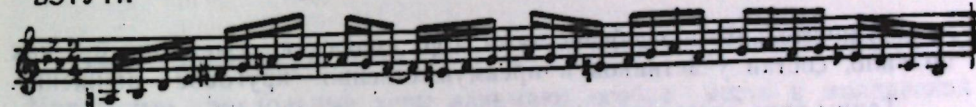
БЭТУТА

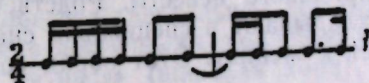
Пример 9:

БЭТУТА

Пример 10:

КОРЭБИЕРЯСКА

Пример 11:

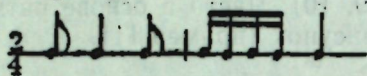

БЭТАЯ

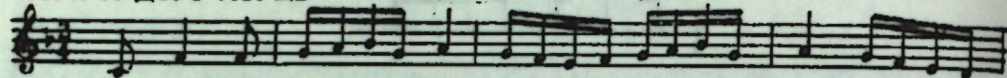

Другой разновидностью анализируемого танцевального типа можно считать различные варианты быстрой хоры — одного из старинных молдавских танцев. В Молдавии бытует множество хор. Некоторые исполняются на свадьбах, другим присуще внеобрядовое бытование. Есть танцы плавные, лирические, с трехдольным метром, а есть подвижные, двудольные. Последние по своим темповым, метроритмическим, кинетическим и музыкальным признакам примыкают к бэутам. Существует даже танец с двойным названием «хора бэутэ» (хора с ударами). Общность принципов ритмической организации мелодий хоры и бэуты можно наблюдать на примерах 12, 13.

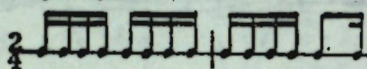
Пример 12:

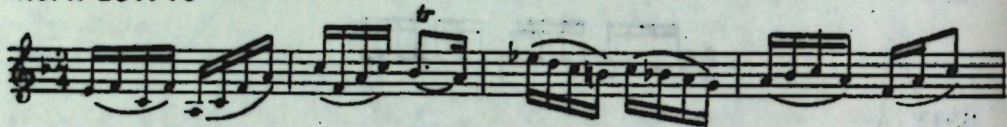
ХОРА'Н ДОУЭ ПЭРЦЬ

Пример 13:

ХОРА БЭУТЭ

Отличительными особенностями хор являются смешанный, как правило, состав участников и преимущественно круговое движение.

Танцы типа «остропэц» (метр $\frac{7}{16}$, $\frac{3}{8}$, темп: $\text{♩} = 192-200$ ММ).

К этому типу относятся в основном свадебные танцы, исполняемые во время обряда выноса приданого невесты. Родственники выносят его, показывают гостям и укладывают в специально снаряженный возок, в котором невеста уезжает к жениху. Этот обряд сопровождается веселыми «стригэтурь»:

Я жукаць, кэ ачаста-й нунтэ,
Зестре ши драгосте мултэ,
Зестря'н ладэ, флэкэуашь,
Ши миряса ла нунташь —
С'о жоаче тоць чей дин касэ,
Кэ ни-й миряса фрумоасэ —
Тинерикэ, дрэгостоасэ
Ку зестре мултэ, фрумоасэ!¹³

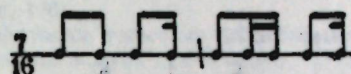
Так танцуйте ж, веселитесь,
Приданое выносите,
Приданое — в сундуках,
А невеста — при гостях:
Пляшут они с нею вместе,
Рады все такой невесте,
Молода, нежна, богата,
Приданого полна хата!

Остропэц бытует как в размере $\frac{7}{16}$, так и в размере $\frac{3}{8}$. Не затра-

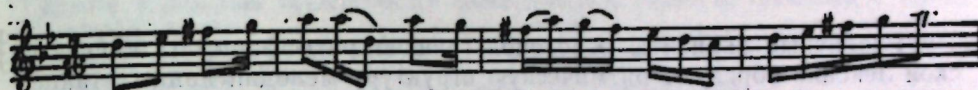
гивая вопроса о происхождении семидольного метра в молдавской музыке, можно предположить влияние болгарской народно-музыкальной культуры, в частности, болгар, проживающих на территории Молдавии. Об этом свидетельствует метроритмическая общность рассмат-

риваемых танцев с болгарским танцем рыченица. Исследователь фольклора Болгарии Стоян Джуджев отмечает, что в нем «примечательно то, что танцоры делают короткую паузу после каждого третьего шага таким образом, словно они прихрамывают то на левую, то на правую ногу»¹⁴. То же самое наблюдается и в семидольных остропэц. Не случайно данный метр получил в народе меткое и образное определение «мэсурэ шкьоапэ», то есть, «хромой» размер. С наиболее характерными ритмоформулами в остропэц мы можем познакомиться на примерах 14, 15.

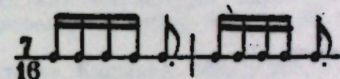
Пример 14:

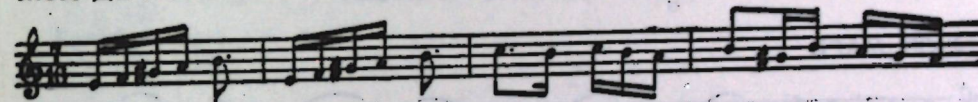
ОСТРОПЭЦ

Пример 15:

ЖОК ДЕ НУНТЭ

Танцы типа «хора маре» (метр: $\frac{3}{8}$, $\frac{6}{8}$ темп: $\text{♩} = 138-192$ ММ).

Медленные трехдольные хоры занимают особое место в молдавской народной хореографии. Манера исполнения этих танцев отличается плавностью, степенностью, некоторой торжественностью и вместе с тем необычайной грациозностью и изяществом.

Кинетическая лексика трехдольных хор относительно проста, и это делает танцы широко доступными, подлинно массовыми. Показательно выражение «хора ынтинсэ» (широкая хора), часто встречающееся в «стригэтурь», а также «а ынтинде хора маре» (растянуть большую хору):

Траже, нейкэ, хора'нтинсэ,
Сэ ций лумя тот купринсэ!¹⁵
ши а. м. д.

Бусуйок векь де пэ гриндэ,
Хай ешиць, флэкэй, дин тиндэ,
Ешиць афарэ, ла рэкоаре,
Сэ ынтиндем хора маре!¹⁶
ши а. м. д.

Шире, шире хоры круг,
Чтоб весь мир обнять,
мой друг!

и т. д.

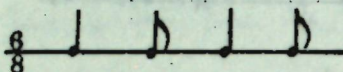
Лист зеленый василька,
Выйдем все во двор — туда,
Где прохладно и просторно,
И растянем большую хору,
и т. д.

Большой хорой или большим танцем («жок маре») называют обычно те медленные хоры, которые танцуют на свадьбах. Именуют их так потому, что исполняются они всеми или большинством собравших-

ся гостей. Так как большие свадебные хоры характеризуются наиболее существенными признаками трехдольных хор, то целесообразно именовать весь этот народно-танцевальный тип — «хора маре».

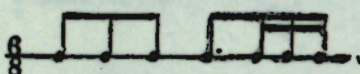
Стилистические особенности танцев типа «хора маре» — пластичность, грациозность — обусловлены главным образом способом метрической и ритмической организации: трехдольностью и ярко выраженной хорейческой структурой ритмоячеек. Ритм танцевальных движений основан на формуле (пример 16). Исходная ячейка — хорейческое ритмообразование: четверть — восьмая.

Пример 16:

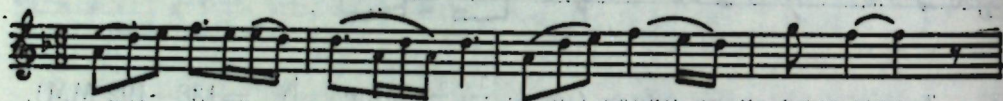

Различные варианты основополагающей ритмоформулы кинетической лексики образуют ритмическую структуру мелодий данных танцев (примеры 17, 18)*.

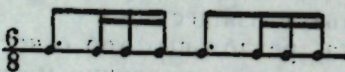
Пример 17:

ЖОК МАРЕ

Пример 18:

ХОРЕ

Следует отметить, что помимо танцев типа «сырба», «бэтута», «хора», «остропэц», «хора маре» существует много танцев, сочетающих признаки различных хореографических типов.

* Приведенные в статье фрагменты танцевальных мелодий цитируются по следующим источникам: 1) 500 мелодий де жокурь дин Молдова. Алкэт. П. Стоянов. Кишинэу, 1972. Примеры 2 (10), 3(22), 5(11), 6(153), 8(219), 10(264), 11(261), 12(268), 13(176), 15(408), 17(356), 18(353); 2) Мелодий де жокурь молдовенешть. Алкэт. С. Стоянов. Кишинэу, 1966. Примеры 4(с. 20), 9(с. 40), 14 (с. 45). (Цифра перед скобкой указывает номер, под которым отрывок мелодии помещен в статье; в скобках дан ее порядковый номер согласно источнику).

Предпринимая первые попытки в области разработки структурных принципов систематизации молдавского танцевального фольклора, считаем, что следующие шаги в этом направлении станут возможными при координированном исследовании танца специалистами различных профилей: хореографами, музыковедами, филологами и этнографами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ошурко Л. Народные танцы Молдавии. Кишинев, 1957. (Введение).
- ² Аксенова Л. Молдавское народное музыкальное творчество. Автореф. канд. дис., ч. II, гл. 5. Кишинев, 1961.
- ³ Королева Э. Хореографическое искусство Молдавии. Кишинев, 1970.
- ⁴ Стоянов П. 500 мелодий де жокурь дин Молдова. Кишинэу, 1972.
- ⁵ Автор не останавливается подробно на их характеристике, так как это было сделано до него в работах Л. Аксеновой и Э. Королевой.
- ⁶ Кантемир Д. Дескрипция Молдовой. Кишинэу, 1975.
- ⁷ Данное определение представляется более точным и емким по сравнению с термином «бытовые».
- ⁸ Гусев В. Комплексное изучение фольклора.— В сб.: Проблемы музыкального фольклора народов СССР, М., 1973, с. 7.
- ⁹ Котляров Б. О скрипичной культуре в Молдавии. Кишинев, 1955.
- ¹⁰ При классификации следует учитывать главным образом кинетические и музыкальные особенности, так как «стригэтуры» имеют лишь вспомогательное значение.
- ¹¹ Курбет В. Ла ватра хорелор. Кишинэу, 1973, п. 89 (здесь и далее перевод автора статьи).
- ¹² «Чине жбакэ ши ну стригэ». Кишинэу, 1966, п. 200.
- ¹³ Курбет В. Указ. соч., с. 115.
- ¹⁴ Dgoudjeff St. Rythme et mesure dans la musique populaire bulgare. Paris, 1931, p. 102.
- ¹⁵ Курбет В. Указ. соч., с. 178.
- ¹⁶ Там же, с. 114.

А. И. ГАЛБЕН

К ИСТОРИИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПРИОБРЕТЕНИЯ В МОЛДАВИИ

Из юридических обычаев XVIII — первой половины XIX в. в Молдавии широко применялось право протимисиса или преимущественное право приобретения. Это форма юридических обычаев, запрещавших владельцам продажу недвижимого имущества до извещения об этом в установленном порядке ближайших родственников и соседей. В обычном праве Молдавии она существовала издавна. Сущность этого института права состояла в том, чтобы воспрепятствовать посторонним лицам приобрести недвижимость в рамках одного поселения.

В буржуазной историографии вопросу о преимущественном праве уделялось большое внимание¹. Исследователями был собран значительный архивный и документальный материал, однако идеологическая ориентация и методы, используемые ими, приводили либо к идеализации, либо к фрагментарному описанию этого вида права. Нередко их выводы были ошибочными.

В современной историографии² протимисис является предметом более пристального исследования. В некоторых работах обобщающего характера изучаются такие проблемы, как крестьянская община, общинные села. Однако румынские историографы отождествляют инсти-

тут преимущественного права приобретения в Молдавии и Валахии, в то время как между ними имеется немало различий³.

В советской историографии этот вопрос был затронут в работе Я. С. Гросула «Крестьяне Бессарабии» (1812—1861 гг.). В ней, в частности, говорится, что в силу установившегося обычая резешей-общинники пользовались правом преимущества при покупке земель своих сореших в рамках одного поселения. Путем регламентации отчуждения земель члены общины стремились воспрепятствовать расхищению общинных земель резешей⁴.

В настоящей статье мы ставили перед собой цель с позиций исторического материализма осветить одну из малоизученных проблем истории Молдавии — преимущественного права приобретения. Изучение его норм проливает свет на многие первостепенные вопросы истории Молдавии, касающиеся ее государственно-правового и социального развития, характера частной собственности и феодального землевладения. К тому же оно позволит вынести более обоснованные суждения об эволюции права собственности и товарно-денежных отношений в XVIII—XIX вв.

Система этого права стала известна во второй половине XV в.⁵, а в XVIII в. она приняла византийское название «протимисис»⁶, или «право протимисиса» (предпочтительная покупка, преимущественное право). Старое выражение «протимисис» (быть свободным, покупать, иметь возможность покупать) продолжало использоваться до XIX в. В письменных документах⁷ оно так и значится. Однако в буржуазной историографии XIX в. стали чаще пользоваться терминами «право протимисиса», «право откупа» и т. д., а в современной румынской историографии — лишь термином «право протимисиса». В советской историографии встречаем термины «право преимущества»⁸, а также «право предпочтительных покупок»⁹. Мы считаем, что более точным является термин «преимущественное право приобретения», поскольку он более полно охватывает все стороны интересующей нас проблемы.

Документы¹⁰, в которых описывается преимущественное право приобретения, можно отнести к четырем периодам. Первый начался в XV в. и длился до конца XVI в. В это время юридические обычаи постепенно приобретают двойственный характер. Наряду со стремлением обычного права сохранить неотчуждаемость недвижимой собственности начинает применяться писаное право (Уложение Александра Доброго), отражающее интересы имущих классов.

Второй период длится до начала XVIII в. Он характеризуется развитием и укреплением права отчуждения земли. Оно утверждается юридическими актами, однако преимущественное право приобретения сохраняется.

Третий период относится к XVIII в. В это время обычай отчуждения земли становится господствующим, хотя он и не был оформлен единым государственным законом. В актах его называли «дрептул нескрис», «дрептул обшнуелник», «обичеул пэмынтулуй» (неписанное право, обычное право, обычай земли).

Четвертый — занимает лишь несколько десятилетий начала XIX в., когда система названного правового института приобретает более ярко выраженный классовый характер, становится инструментом эксплуатации в руках господствующих классов. Однако в связи с развитием социально-экономического строя этот обычай вскоре отмирает.

Обычай земли зарождался и развивался в народных массах, однако его правила были признаны лишь тогда, когда они соответство-

вали интересам имущих классов. Письменные документы указывают на классовый характер обычного права того времени¹¹.

В конце XVII — первой половине XVIII в. юридические обычаи или обычай земли были обогатены другими обычаями, на которые большое влияние оказали господарь и господствующие классы. Они ликвидировали «ненужные», «плохие» обычаи, не отвечающие интересам эксплуататоров. Со своей стороны, народные массы защищали старые обычаи, а также парировали вновь введенные сверху, которые способствовали эксплуатации¹².

В XVIII в. юридические обычаи молдаван играли важную роль в системе действующего права. Древние правовые обычаи, корни которых надо искать в сельской общине, на определенном этапе своего развития приобрели новые черты и как бы требовали утверждения господарской юстицией. Это объясняется тем, что в это время в Молдавии не применялись широко письменные законы, и феодалы использовали юридические обычаи в своих интересах. Наряду с обычаями, которые привносились из предшествующего периода и «перерабатывались» в духе времени, появляется новое право — господарское законодательство, с помощью которого господарь пытался регламентировать правовую жизнь, развивать, кодифицировать или ликвидировать древние обычаи.

Преимущественное право приобретения — составная часть гражданского права. На протяжении веков оно подвергалось изменениям и приобретало новые формы. Примером тому могут служить попытки молдавских господарей Гр. Гики (1735—1741) и Гр. А. Гики (1764—1767) принять ряд оградительных мер¹³ для того, чтобы избежать обхождения преимущественного права приобретения со стороны крупных владельцев. Однако они не смогли помешать процессу формирования крупных латифундий.

14 августа 1785 г. господарский диван в анафоре среди других мероприятий предлагал запретить дарственные записи, содержащие скрытую форму продажи недвижимости, так как над ними преимущественное право не имело силы. В октябре 1785 г. господарь Ал. Маврокордат (1782—1786) утвердил анафору, в результате которой 28 декабря этого же года был принят Соборническул хрисов (соборная грамота). В него были включены и обработаны старинные обычаи страны¹⁴, а также бесчисленные жалобы и процессы, которые приходилось разбирать дивану.

Предписания Соборническул хрисов не имели обратной силы. Пройдя через диван и получив силу закона, этот документ стал одним из наиболее важных нормативных актов XVIII в. и сыграл значительную роль в юридической жизни Молдавии. В нем содержались распоряжения относительно дарственных записей, касавшихся поместий, виноградников, домов, земли под строительство домов, садов и т. д., к которым должно применяться преимущественное право, а также и относительно обменов, купли-продажи и закладных.

Целью Соборническул хрисов 1785 г. явилась регламентация преимущественного права продажи только сельской недвижимости¹⁵. Что касается продажи городского недвижимого имущества, то здесь продолжали действовать старые обычаи земли¹⁶, не включенные в хрисов.

Следует подчеркнуть, что в литературе¹⁷ существует мнение, что Соборническул хрисов преследовал цель защитить интересы мелких собственников (земледельцев-резешей). Эти авторы склонны считать, что изданием хрисова господарь стремился укрепить свою политичес-

кую и социальную основу, содействовать защите интересов мелких собственников от посягательств иноземцев.

Содержащиеся в хрисове распоряжения не только соблюдались последующими господарями, но были даже пополнены новыми предписаниями. Таковы отдельные дополнения господаря М. Сутцу (1793 г.)¹⁸ относительно действий заинтересованных лиц при объявлении о продаже поместий (кроме мелких имений и виноградников). Помимо того он продолжал развивать публичные торги и добровольную продажу недвижимости.

Однако с появлением новых понятий о праве собственности применение хрисова становилось все менее значительным.

На последнем этапе своего развития преимущественное право приобретения, как мы уже отметили, вступает в стадию упадка и исчезновения. К этому времени юридические обычаи, то есть неписаное право постепенно теряет прежнее значение, так как феодальное государство стремится заменить действующее обычное право письменными законами, что и было достигнуто в соборной грамоте в 1785 г. Позднее (1817) они были приняты в Запрутской Молдавии¹⁹. Эти законы основывались главным образом на обработанных в духе времени юридических обычаях страны, действующих на протяжении четырехсот лет²⁰ и которые приобретали все более классовый характер.

Эта система права — пережиток общинных правовых отношений, сохранявшихся долгое время в Молдавии и используемых резешами против проникновения крупных феодалов в резешские села, постепенно распространяется на все институты купли-продажи²¹.

После присоединения Бессарабии к России положение жителей края заметно улучшилось. Население было избавлено от неограниченного никакими законами турецко-фанариотского произвола и частых набегов татарских орд. Однако во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами сохранились старые феодальные обычаи земли²², которые были весьма выгодны местным боярам²³.

Исторические события 1812 г. не повлекли за собой аннулирование всех прежних обычаев Бессарабии. Более того, прежняя система правовых обычаев продолжала развиваться на базе местных юридических обычаев. Так, например, в «Своде гражданских законов» сказано, что порядок продажи резешской земли, установленный соборной грамотой, был сохранен и после присоединения Бессарабии к России²⁴ и даже распространен на продажу домов резешей. А в уставе образования Бессарабской области 1818 г. говорится о том, что во избежание всяких притеснений, могущих лишить резешей права владения недвижимостью, подтверждаются во всей силе прежние постановления, изложенные в соборной грамоте 1785 г.²⁵

Письменные документы указывают на непрекращающиеся попытки обойти преимущественное право приобретения со стороны крупных латифундистов. До 1785 г. они чаще всего делают это при помощи дарственных записей, не подлежащих действию преимущественного права приобретения. Становясь владельцем даже небольшого участка в резешской общине, помещик получал все права резешей, в том числе и права покупки других участков резешей. Проникнув в резешскую общину, бояре закабалили и разоряли резешей, заставляя продавать свои земли за бесценок. Таким путем, особенно в XVIII в., земли, принадлежащие молдавским резешам, переходили в собственность крупных латифундистов.

Другой прием проникновения в общину — это побратимство. Побратимами назывались крестные братья, которые становились равно-

правными членами общины относительно преимущественного права приобретения и наследования земли. В XVIII в. и особенно в XIX в.²⁶ побратимство стало наиболее приемлемым средством приобретения того или иного рода недвижимости. Цель этих церемоний — воспрепятствовать действию преимущественного права приобретения. Документы на заключение договоров о побратимствовании назывались «Запись» («договор») так же, как и документы купли-продажи. Наряду с молдавскими феодалами проникали в общину и польские, турецкие, греческие феодалы — в ущерб кровным родственникам.

Во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами использовался прием закладывания земли²⁷. Крестьянин, став должником и не имея возможности платить долг, был вынужден заложить свою землю. Преимущественное право приобретения предусматривало откуп потерянной земли. Однако в классовом обществе те, у кого были юридические права, не имели денежных средств, поскольку закладывание ослабляло силы общины и способствовало проникновению иноземцев в среду мелких частных собственников.

Преимущественное право приобретения относительно отчуждаемых предметов имело три основные формы: преимущественное право приобретения родственников, жителей одного поселения и соседей. В XVIII — первой половине XIX в. возникает еще одна форма — преимущественное право приобретения первого (прежнего) владельца и его родственников.

В группе родственников, имеющих право протимисиса, могли находиться все родственники по прямой линии — восходящей и нисходящей, а также по боковой линии²⁸. В случае возникновения споров между родственниками разных степеней преимущество имеет тот, кто ближе к лицу²⁹, которое отчуждало недвижимость.

Родственники одинаковой степени могли откупить вместе: или в результате договоренности между ними, или пропорционально сумме денег, отданных для выкупа. Родственники разных степеней имели право выкупа только в отдельности, но в исключительных случаях могли договариваться и о совместном выкупе. По свидетельству письменных документов, были случаи, когда выкупы делались одним родственником, несколькими, родом, без уточнения количества или степени родства каждого из них³⁰. Родственники по отцу и матери могли выкупать только в пределах своей соответствующей линии³¹.

Выше было сказано, что владелец не имел права продавать недвижимость, согласно преимущественному праву, до того момента, пока о ней не были извещены все родственники, а при отказе последних — соседи и т. д.

Владелец формально обращался к ним с просьбой, вернее с приглашением на продажу соответствующего достояния, независимо от их возможности и денежных средств. Продающий обязан был поступить так, поскольку это давало ему право потом откупить проданное имущество.

Надо отметить, что сам господарь соблюдал правила преимущественного права приобретения³², хотя и являлся иногда инициатором захвата земли и формирования крупных латифундий³³.

Форма протимисиса, в котором действующим лицом являлся первый хозяин со своими родственниками, применялась относительно отчуждаемой недвижимости два раза, включая и первое отчуждение³⁴. Если хозяин не откупил свою недвижимость, когда его ставили в известность о ее продаже, то потом он терял преимущественное право приобретения.

Важным элементом применения преимущественного права приобретения был срок, согласно которому можно было воспользоваться правом протимисиса. Лица, извещенные о продаже и не купившие недвижимость в течение шести месяцев, в будущем теряли право выкупа. Если же кто-либо не был своевременно извещен о продаже или совсем не знал об этом, то право на выкуп за ним сохранялось. Поэтому в документах встречаются откупы спустя 2, 4, 11, 14, 19, 28 и даже 69 лет³⁵. В письменных документах не удалось пока установить, существовал ли определенный срок, в течение которого действовало право на выкуп.

Что касается закладных, то при извещении о них владельцев право на выкуп сохранялось в течение 6 месяцев, а для тех, кто находился за границей, этот срок был продлен до 5 лет³⁶.

Преимущественное право приобретения развивалось и обогащалось в XVIII в., а в четвертом периоде постепенно приходит в упадок и исчезает. Поскольку оно действовало в классовом обществе, то и характер его был классовым. Даже попытки государей Молдавии направить это право на защиту интересов мелкой частной собственности были не чем иным как попытками модифицировать его в интересах имущих.

В связи с тем, что на протяжении всего периода своего существования преимущественным правом приобретения пользовались различные прослойки общества, протимисису были свойственны непрерывные противоречия. Они не могли быть ликвидированы пока существовала основная норма обычного права феодального государства — инструмент классовой эксплуатации.

Изучение преимущественного права приобретения очень важно, поскольку дает нам более ясную картину обычаев и неписанных законов молдавского народа. При исследовании периодов и категорий этой нормы права прослеживаются и некоторые изменения во взаимоотношениях между феодалами и крестьянами, между социальными прослойками того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Alexandrescu Gr. I. Studii asupra obiceiurilor juridice ale poporului român. Galați, partea I, 1896, partea II, 1905; Cazacu A. Contribuții la studiul formării și evoluției dreptului de protimisis. Chișinău, 1932; Nădejde I. Izvoarele dreptului de protimisis în trecutul juridic românesc cu aplicație la Basarabia. In.: Pandectele române, 1926. Критическое изложение буржуазной историографии представляет собой предмет особого изучения. В данной статье мы будем отмечать те работы, которые освещали непосредственно интересующие нас проблемы.*
- ² *Georgescu Val. Al. Preemțiunea în istoria dreptului românesc. Dreptul de protimisis în Țara Românească și Moldova. Buc., 1965.*
- ³ Например, если родители продавали недвижимость, когда дети были еще несовершеннолетними и не извещали их, то при достижении совершеннолетия они могли осуществить право протимисиса. В Молдавии срок, согласно которому совершеннолетние могли осуществлять право протимисиса относительно отчуждаемых предметов своих родителей в случае скрытой продажи, был довольно большим, в то время как в Валахии он был коротким, да и само право здесь применялось очень редко.
- ⁴ *Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 182.*
- ⁵ *Costachel V., Panaitescu P., Cazacu A. Viața feudală în Țara Românească și Moldova. Buc., 1967.*
- ⁶ *Nădejde I. Originea dreptului consuetudinar român.— In.: Noua revistă română, 1900, N 1.*
- ⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7226; ф. 2, оп. 1, д. 152; ф. 14, оп. 1, д. 205 и др.
- ⁸ *Гросул Я. С. Указ. соч., с. 182.*

- ⁹ *Советов П. В. Проблема долевого землепользования в Европе. М., 1964, с. 9.*
- ¹⁰ „Uricariul”, v. II, III, VIII, XIII; XVII; XXIII; Ghibănescu Gh. „Surete și izvoade”; Sava A. Documente orheene. Кишинэу, 1934.
- ¹¹ *Sava A. Documente putnene, I, p. 92. Solomon și Stoide. Documente tecucene, III, p. 67.*
- ¹² „Uricariul”, v. XVII, XXIII и др.
- ¹³ „Uricariul”. Iași, 1857, partea a IV, p. 30.
- ¹⁴ „Uricariul”, IV, p. 31—40.
- ¹⁵ *Sobornicescul hrisov. Buc., 1958, p. 31.*
- ¹⁶ *Erbiceanu V. Rolul juridic și istoric al sobornicescului hrisov în Moldova cu privire la dreptul de răscumpărare în moșiile răzășești (notă).— In.: Pandectele române, 1926, I, p. 102, 106.*
- ¹⁷ *Sobornicescul hrisov, p. 5.*
- ¹⁸ *Ibid., p. 96.*
- ¹⁹ *Codul Calimach. Buc., 1958.*
- ²⁰ *П. Свишын. Описание Бессарабской области.— В кн.: Записки Одесского общества истории и древности, VI. Одесса, с. 224.*
- ²¹ *Sava A. Documente putnene, v. V.*
- ²² *ПСЗ, т. XXXIII, № 25942.*
- ²³ *Гросул Я. С. Указ. соч., с. 132.*
- ²⁴ «Свод законов гражданских», т. X, с. 842.
- ²⁵ *ПСЗ, т. XXXV, № 27357.*
- ²⁶ *Hașdeu B. P. Arhiva istorică a României. Buc., 1865, t. 1, 2; Он же, Infrățirea s'au unirea.— In.: Buletinul instrucțiunei publice, 1865, p. 520, 626.*
- ²⁷ *Bălan T. Noi documente câmpulunjene. Cernăuți, 1929, p. 46—47.*
- ²⁸ *Costin M. Opere, I, p. 159; „Uricariul”, XVIII, p. 254; Antonovici. „Documente bărlădene...”, II, p. 25; Ghibănescu Gh. „Surete și izvoade”, XIII, p. 48.*
- ²⁹ *Antonovici. „Documente...”, III, p. 6—7; „Uricariul”, XVII, p. 25—27.*
- ³⁰ *Georgescu Val. Al. „Preemțiunea...”, p. 77.*
- ³¹ „Uricariul”, XVII, p. 20, „Studii și documente”, VI, p. 97. „Studii și documente”, VI, p. 137.
- ³² „Uricariul”, XXIII, p. 267.
- ³³ „Uricariul”, XXII, p. 264; *Sava A. Documente putnene, I, p. 36—37.*
- ³⁴ *Georgescu Val. Al. „Preemțiunea...”, p. 90.*
- ³⁵ „Uricariul”, XXIII, p. 250, 251, *Bălan I. Documente bucovinene, V, p. 56, 77.*
- ³⁶ „Uricariul”, partea a IX, p. 35; *Sobornicescul hrisov. Buc., 1958, p. 32.*

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Л. Д. ЛОСКУТОВА

О РАЗВИТИИ СВАДЕБНОЙ ОБЯДНОСТИ В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

Современные обряды советской семьи, вызванные к жизни глубокими социально-экономическими преобразованиями в стране, складываются на основе достижений социалистической культуры. Обрядность на протяжении веков постоянно изменялась, отражая устои социально-экономических формаций, но изменения, происшедшие в годы Советской власти, являются более глубокими и радикальными. Социалистические преобразования в области экономики, культуры, быта народа, моральные и этические нормы строителей коммунистического общества предопределили коренные изменения как содержания, так и формы обрядности.

В цикле семейно-бытовых обрядов наиболее значительным является свадебный обряд, который знаменует собой важный этап жизни людей — создание новой семьи. Он один из первых стал подвергаться пересмотру и изменению¹.

Первые попытки провести свадебный обряд по-новому, в виде «красной свадьбы», были предприняты в стране в 20—30-е годы. В Молдавской ССР процесс становления новой обрядности проходил в 40-е годы, но уже в 1941 г. был прерван войной. Возобновился он в годы восстановления народного хозяйства и перестройки его на социалистической основе. Бытующая в селах традиционная свадебная обрядность подверглась в этот период некоторому изменению. Насыщенный различными элементами, растянутый на много дней, традиционный обряд не укладывался в рамки новых производственно-бытовых условий села.

К тому же не все традиционные обычаи отвечали новым социалистическим отношениям в обществе и семье. В городе свадьбы стали проходить в виде праздничных вечеров, почти лишенных обрядности. В будничной обстановке, без каких-либо ритуальных действий совершалась регистрация бракосочетания. Часть молодоженов, особенно в сельской местности, в силу идейного убеждения или под воздействием родителей, соблюдала религиозный обряд венчания.

В 50-е годы в республике, как и во всей стране, наступил новый этап преобразования обычаев, становления советских семейных обрядов. Он характеризуется активным участием общественности в поисках иных форм семейно-бытовых обрядов. Творческая инициатива масс получает поддержку партийных, комсомольских, советских организаций.

Ответственность за становление и утверждение в быту новых обрядов советской семьи была возложена на специальные общественные комиссии по гражданским обрядам, образованные при сельских, районных и городских Советах депутатов трудящихся. Из цикла семейной обрядности первыми, и наиболее значительно, подверглись изменениям свадьбы.

Свадьбу по новому обряду справляли комсомольцы при активном участии комсомольского актива села или предприятия, где трудились молодые, и поэтому она получила название «комсомольской». Центральное место в новой свадьбе занимает торжественно-официальная часть, которая в селе дополняется традиционной свадебной обрядностью, а в городе — свадебным вечером. Комиссии по гражданским обрядам уделяют особое внимание официальной части. Новые элементы обрядности — торжественное вручение документов о регистрации брака в присутствии гостей, приветствие представителей общественности, музыкальное сопровождение ритуала регистрации — придают свадьбе особую торжественность и значимость.

Однако комсомольская свадьба не нашла широкого распространения во всех селах и городах республики. Главной причиной тому явилась недооценка или переоценка обрядового свадебного наследия. Отрицательное влияние оказали также увлечение поздравительными речами и преподнесение дорогих подарков. Несмотря на эти недостатки, комсомольская свадьба сыграла свою роль в процессе становления новой обрядности в республике. Она исключила исполнение религиозного ритуала венчания, обратила внимание общественности на проведение нового свадебного

обряда, показала путь к проведению советского торжественного ритуала создания новой семьи.

В конце 60-х годов положительный опыт в проведении советского гражданского обряда бракосочетания переняли комиссии по гражданским обрядам, работники ЗАГСов. За несколько лет в республике сложились единые основные элементы обряда бракосочетания, который имеет много общих черт с гражданским обрядом бракосочетания других республик нашей страны²: торжественное шествие молодых в сопровождении гостей к ритуальному столу, участие в обряде почетных родителей, обмен кольцами, торжественное вручение документов о бракосочетании и провозглашение новой советской семьи.

Современному свадебному обряду присущи и некоторые отличительные черты, соответствующие местным (даже в пределах одной республики) условиям. Например, преподнесение колец на подносе с зернами пшеницы (на севере Молдавии), исполнение круговых танцев (в центре республики) и др. Однако нельзя считать, что современный свадебный обряд окончательно сложился и утвердился в быту трудящихся республики. Он будет обогащаться яркими, эмоциональными специфическими элементами как традиционными, так и новыми, рожденными социалистической действительностью.

Не до конца разработаны и утверждены в быту символика обряда, его музыкальное сопровождение, ритуальный костюм ведущего, праздничное оформление свадебного поезда и др.

В то же время отдельные элементы свадебной обрядности, которые несут на себе отпечаток прошлых экономических формаций, устарели. Они умалют достоинство человека, а некоторые из них вообще неприемлемы в условиях развитого социалистического общества. К ним относятся денежные подношения молодым, дорогие подарки, вынос приданого.

Таким образом, советская свадебная обрядность в республике прошла путь развития от традиционной свадьбы через показательную комсомольскую свадьбу к массовому советскому гражданскому обряду бракосочетания, от канцелярской процедуры регистрации брака к торжественному ритуалу бракосочетания, утверждающемуся в быту трудящихся Молдавии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зеленчук В. С., Лоскутова Л. Д. Против вредных традиций прошлого. Кишинев, 1962; Штюка В. Г. Быт и религия. М., 1966; Он же. Каля нонлор традиций. Кишинев, 1973; Зеленчук В. С. Традиционное и новое в молдавской свадебной обрядности. В сб.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968; Лоскутова Л. Д. Новые черты в современной семейной обрядности колхозного крестьянства Молдавии. — В сб.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии.

² Нагирняк Е. В., Петров В. Я., Раузен М. В. Новые праздники и обряды. М., 1970; Угринович М. Д. Обряды. За и против. М., 1975; Геродник Г. Дорогами новых традиций. М., 1964; Мелешко А. А. Современные советские праздники и гражданские обряды. Минск, 1973; Кувеньова О. Ф. и др. Свята та обряди Радянської України. Київ, 1971.

Н. Н. РОЖКОВСКАЯ

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР В БЕССАРАБИИ (1890—1900 гг.)

Для указанного периода характерно широкое проникновение театрального искусства в города, местечки и села Бессарабской губернии. В Бендеры, Оргеев, Сороки, Бельцы, Аккерман, Измаил, преимущественно в летнее время, все чаще наезжают односезонные труппы профессиональных актеров. В это же время там возникают многочисленные кружки любителей драматического искусства. Инициатором любительских спектаклей в малых городах и селах являются в основном местные интеллигенция, а также студенческая молодежь, приезжающая домой на каникулы из учебных заведений Москвы, Петербурга, Харькова, Киева. К 900-м годам относятся и первые попытки организации сельских театров, где актерами-любителями выступали крестьяне.

На первых порах театральное любительство носит по преимуществу эпизодический характер, но в ряде случаев спектакли ставятся систематически. Затем постепенно возникают драматические кружки, иногда со специальным уставом. Характерно, что большинство из них организованы при местных библиотеках-читальнях, а средства, вырученные от спектаклей, предназначаются для покупки литературы. Задачи, которые ставят перед собой библиотеки-читальни и любительские кружки, тесно переплетаются. Главная из них — это стремление к удовлетворению растущей тяги к знаниям самых широких слоев городского и сельского населения.

По данным, которыми мы располагаем, можно судить о том, какие пьесы, сыгранные в 1890—1900 г. силами актеров-любителей городов и сел Бессарабии, пользовались наибольшей популярностью. Прежде всего значительный интерес любителей к драматургии Островского. Из пьес великого русского драматурга ставятся: «Доходное место» (Аккерман, 1897 г.; Хотин, 1901 г.); «Без вины виноватые» (Оргеев, 1909 г.; с. Толмазы, 1907 г.); «Гроза» (Измаил, 1897 г.); «Женитьба Белугина» (Хотин, 1906 г.); «На пороге к делу» (Измаил, 1892 г.) и т. д.

География постановок чеховских одноактных пьес еще шире: Бендеры, Телешты, Оргеев, Хотин, Рени, Толмазы, Леово, Корнешты—перевал, Комрат. Кое-где предпринимаются попытки поставить чеховские драмы. Например, пьеса «Дядя Ваня» сыграна в Оргееве (1906 г.), Рени (1912 г.). Ставятся и другие пьесы русских классиков и современников. В Аккермане, например, в 1899 г. кружок любителей драматического искусства, основанном в феврале 1897 г., трижды в течение года инсценирует «Ревизор» Гоголя. В 1905 г. в Измаиле на любительской сцене идет пьеса «Дети Ванюшина» прогрессивного русского драматурга С. А. Найдёнова, примыкавшего к группе «Знание», возглавляемой Максимом Горьким.

Широко была представлена на любительской сцене украинская драматургия. В Бельцах, Бендерах, Болграде поставлены пьесы Г. Квитко-Основьяненко, И. Карпенко-Карого, М. Кропивницкого и др.

В губернской газете неизменно отмечался живой интерес, который вызывал у местных жителей каждый любительский спектакль. В небольшом городке, а тем более в селе, он становился настоящим праздником. Во дворе помещения, где разыгрывалось представление, обычно располагался оркестр народной музыки, который оповещал зрителей о начале спектакля. Музыка играла в антрактах и во время спектакля, развлекая публику, не сумевшую попасть на представление из-за нехватки мест. Надо сказать, что постановки любительских коллективов собирали многочисленных зрителей, многие приезжали из окрестных сел и местечек, билеты достать было очень трудно.

Немало препятствий стояло на пути тех, кто стремился нести в широкие народные массы знания, искусство, передовые идеи. В деятельность любительских кружков и народных библиотек-читален, при которых они часто возникали, нередко вмешивались местные власти, полиция, черносотенцы и просто обыватели. Так, в Аккермане в 1910 г. по доносу черносотенцев чуть было не закрыли общественную библиотеку ввиду ее «развращающего влияния на молодежь, как очага революции»¹. В Килии в 1908 г. учителя организовали драматический кружок. Доходы со спектаклей предназначались «для вспомоществования нуждающимся учащимся». Но местные реакционеры тут же попытались помешать деятельности кружка, обвинив молодых учителей в политической неблагонадежности². В 1910 г. в Хотине инспектор народных училищ из боязни «как бы чего не вышло» категорически запретил учащимся принимать участие в любительских спектаклях³.

Власть имущие препятствовали проникновению в массы живых прогрессивных идей, распространяемых посредством передовой литературы, театра. Однако тяга народа, в частности, к театральным представлениям росла с каждым годом. Сами рабочие и крестьяне пытались время от времени организовать любительские спектакли. В Бендерах, например, в 900-х годах действовал кружок железнодорожников-любителей драматического искусства. Есть сведения о том, что в 1910 г. силами любителей-железнодорожников была поставлена бытовая пьеса «Рабочая слободка»⁴, автором которой был Е. П. Карпов, актер и режиссер Александринского театра, известный в свое время близостью к народническим кругам, за что был сослан царским правительством. Средства от спектаклей, даваемых рабочими-любителями, шли в пользу библиотеки железнодорожных служащих станции Бендеры.

Большой интерес представляют собой попытки организовать сельские театры. Так, в 1910 г. в с. Волонтировка был выстроен специальный сельский театр и организован «из сельчан всего участка» кружок любителей драматического искусства⁵. Задолго до этого при Единецком Народном доме действовал сельский театр, который возник в 1899 г. при материальной поддержке помещика-либерала, известного помещика К. Ф. Казимирова⁶. Зрительный зал этого театра вмещал около 135 человек. За первые два года своего существования театр поставил 34 спектакля. Была организована и детская труппа. Силами учащихся ставились спектакли во время каникул. За это же время число посетителей театра выросло до 4 500 человек⁷.

Устроители сельского театра в Единцах считали, что главной его задачей является постановка спектаклей для народа силами самого народа. Но задача эта была не из легких. Как привлечь к делу крестьян, никогда до этого не видевших театра, зачастую малограмотных? Поэтому первые два года функционирования театра ушли на то, чтобы завоевать сельского зрителя. К концу второго года существования театра стало ясно: крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, местная молодежь, то есть тот контингент зрителей, на который был рассчитан театр, «приохотились» к нему. Еще более усердно стали посещать театральные представления, когда на подмостках сельского театра появились «свои актеры».

Уже к началу 1901 г. здесь была создана небольшая труппа любителей из простых крестьян. Ее силами разыгрывались в основном русские и украинские одноактные комедии. Кроме того, начались ходатайства перед губернским начальством о разрешении играть спектакли и на молдавском языке.

К сожалению, пока не удалось обнаружить материалов, касающихся дальнейшей деятельности единецкого сельского театра. Но дошедшие до нас сведения говорят о том, что еще в начале столетия движение самодеятельных театров в Бессарабии стало довольно широким. Оно охватывало не только представителей рабочего класса, но и крестьянства, как это произошло (только в более широком масштабе) в центральных районах Российской империи.

На рубеже двух веков проблемы народного театра занимали умы многих представителей прогрессивно настроенной интеллигенции. Большой популярностью пользовалась книга «О народном театре», изданная в Москве в 1895 г. и принадлежавшая перу известного в свое время писателя и драматурга И. Л. Щеглова, долгие годы бывшего в переписке с Чеховым. Интересен для нас и тот факт, что Щеглов, участник русско-турецкой войны, находясь по долгу службы в воинской части, расположенной в Бендерской крепости, был организатором спектакля для солдат, поставленного силами самих же солдат. Это было еще в начале 1880-х годов. Об этом спектакле сохранились интересные и красочные воспоминания драматурга⁸. В 90-е годы писатель публикует большую работу о народном театре и как пример отзывчивости народного зрителя, его умения полностью отдаваться театральному зрелищу Щеглов описывает этот солдатский спектакль, поставленный им когда-то в Бессарабии.

Инициаторами спектаклей для народа были люди, не безразличные к судьбам народа, к его чаяниям и стремлениям, люди, старающиеся внести посильную лепту в дело народного просвещения.

В своей книге «О народном театре» Щеглов писал: «Ведь театр, по своей сущности, вырос из недр народных, и не его вина, если он сделался исключительно достоянием ограниченного кружка богатых и образованных классов, — следовательно, народу остается возвратиться лишь то, что у него взято. Долг платежом красен, господа! И теперь, надо полагать, пришло самое настоящее время его выплатить»⁹.

Это было написано незадолго до революции 1905 г. Расцвет любительских народных театров не просто хронологически совпал с пролетарским этапом революционно-освободительного движения в России, — говорится в исследовании «Русский народный театр конца XIX — начала XX века», — он был обусловлен этим движением, оказавшим решающее влияние на все стороны жизни страны. Если вначале любительские народные театры развивались под эгидой либерально-народнического, а затем либерально-буржуазного просветительства, то после первой русской революции пролетариат оказывает все большее воздействие на движение народных театров, используя их в целях политической агитации и революционной борьбы против самодержавия и капитала¹⁰.

Развитие в Бессарабии любительских театров на русском языке не только приобщало народные массы края к русской и украинской демократической культуре, но и стимулировало появление таких театров на молдавском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Бессарабская жизнь», 1910, № 132.

² Там же, 1909, № 30.

³ Там же, 1911, № 205.

⁴ Там же, 1910, № 107.

⁵ Там же, 1910, № 183.

⁶ Там же, 1910, № 133, 137.

⁷ «Бессарабские губернские ведомости», 1901, № 148.

⁸ «Читатель», 1896, № 13, с. 93.

⁹ Щеглов И. О народном театре. М., 1895, с. 148.

¹⁰ Хайченко Г. А. Русский народный театр конца XIX — начала XX века. М., 1975, с. 329.

С. С. КУРОГЛО

ГАГАУЗСКИЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ СО СМЕРТЬЮ И ПОХОРОНАМИ

В семейном быту гагаузов в XIX — начале XX в. наиболее древние традиции прослеживаются в обрядах, обычаях и верованиях, связанных со смертью и похоронами. Их изучение позволяет не только выявить специфические черты духовной культуры народа, но и проводить этнокультурные параллели с другими народами. Народные традиции представляют интерес также для изучения эволюции древних религиозных верований.

Похоронные обряды гагаузов изучены мало. Большинство изданных в XIX — начале XX в. работ давали о них в описательной форме лишь отрывочные сведения¹. Большой интерес представляют материалы, опубликованные русским этнографом В. А. Мошковым в 1901—1904 гг.²

Обряды, связанные со смертью и похоронами, можно условно разделить на бытовые и религиозные. К бытовым относятся оплакивание покойника, траур и др. В гагаузской семье покойника оплакивали несколько раз: сразу после смерти, перед выносом из дома и со двора, перед опусканием в могилу. Содержание народных заплачек свидетельствует о их нерелигиозном характере. Плач по покойнику — выражение горя и печали, возникших в связи с утратой дорогого человека. В знак траура мужчины не брились и не стриглись в течение 40 дней, а женщины не плели кос. Вступление в повторный брак мужа или жены умершего разрешалось не ранее чем через год. Во время траура считалось предосудительным одеваться в белые одежды, работать и т. д.

Лишены религиозности также обряды, связанные с представлениями о «нечистоте» покойника. Они восходят к древнейшим временам. Первобытный человек на своем опыте познал опасность, исходящую от инфекционных больных и разлагающихся трупов. Чтобы нейтрализовать вредное влияние трупа, он принимал различные меры. Гагаузские обряды и действия, бытовавшие в XIX — начале XX в. — обмывание покойника в воде или вине, поспешное погребение в день смерти, сжигание умерших от инфекционной болезни — являются отголоском древних представлений о нечистоте покойника. Согласно понятиям гагаузов, нечистыми считались не только покойник, но и люди, животные и предметы, соприкасавшиеся с ним. Об этом свидетельствует сложный комплекс обрядов и действий: до погребения покойника оберегали от мух — разносчиков болезней; по возвращении с кладбища у входа в дом мыли руки над лопатами, которыми копали могилу; воз с лошадьми, на котором везли покойника, во двор не впускали; салфетку, которой вытирали лицо покойника, носилки, на которых несли гроб и цветы, не помещившиеся в нем, опускали в могилу. Посуду, используемую для обмывания покойника, в течение нескольких дней не употребляли; кухонную утварь после поминок тщательно чистили, комнату покойного убрали, носовые платки участников похорон собирали и возвращали только после стирки. Стружку от гроба и воду, которой обмывали покойника, сбрасывали в места, «где не ступает нога человека»; вещи покойного на третий день стирали и т. д. С представлением об опасности, исходящей от трупа, связан, возможно, и запрет есть при прохождении похоронной процессии.

Таким образом, в основе погребальных обрядов лежали не религиозные представления первобытных людей. На самых ранних ступенях развития общества они отличались рационализмом, стихийным материализмом³. Наряду с ними возникают ложные религиозные представления. Так, значительная часть гагаузских погребальных обрядов связана с древнейшими религиозными верованиями: магическими, анимистическими и др. В связи с представлением об опасности, исходящей от трупа, возникли верования в магическое влияние на живые предметы, соприкасавшиеся с мертвецом. Гагаузы считали, что можно разъединить любящую пару, если к ним

подбросить путы («олунуи костаа»), которыми связывали ноги мертвецу, что человек умрет, если его рост обмерять меркой гроба («олунуи олчусу»).

Большинство погребальных обрядов связано с анимистическими верованиями. Душа представлялась гагаузам бабочкой, огнем, воздухом. Согласно народным верованиям, душа человека в течение 40 дней после смерти парит над могилой, является в дом, стремится причинить неприятности живым. Чтобы душа не задержалась в доме и не причиняла вреда, посуду опрокидывали вверх дном, с пустыми ведрами покойнику не пересекали дорогу, при прохождении похоронной процессии закрывали двери и окна, чтобы она не «потачила за собой кого-нибудь». Покойнику закрывали глаза, зеркало обертывали холстом, не рекомендовали на него смотреть через окно.

Целый комплекс обрядов связан с общечеловеческими верованиями в загробное существование души. Согласно народным понятиям, загробный мир («обур дуннаа») находится где-то под землей, в горах за «огненной рекой» или на небе. Чтобы душа могла «обозреть» вокруг, в прошлом делали гробы с тремя окнами, а чтобы земля не придавила его, могилу рыли в форме склепа с нишами (лаам). С целью облегчения для души пути на фантастическую гору выпекали 9—12 плоских калачей в форме лестницы и дарили их на коротких остановках похоронной процессии вместе

с полотенцами (копру бези), служившими, по народным представлениям, мостами в загробный мир. В руки и карман покойника клали деньги, чтобы душа могла откупиться от мытарств (вамалары бдемаа), у реки и около колодца с той же целью разбрасывали мелкую монету.

По народным представлениям загробный мир является продолжением земного. В связи с этим распространились обычаи снабжать покойника в «дорогу» предметами домашнего обихода (мылом, гробом, иголкой с ниткой, пищей — куском обрядового хлеба «жан питасы», любимыми вещами — музыкальным инструментом, оружием и т. д.).

С верованием в загробное существование связаны также обычаи дарить на похоронах ветку яблони (дал), на которую развешивали вещи, а также комплект постели (йорган, дбшек), полвик (пала), кружку и ведро с водой, пару волос, овцу или курицу, которых обводили вокруг гроба, обычаи похорон холостых парней и девушек в свадебном наряде под музыку в сопровождении избранных шаферов (девер) и дружек (изметчи, зылава). Содержание даров зависело от пола, возраста, имущественного состояния покойного и достатка его семьи.

Классовые формации наложили свой отпечаток на народное верование. Загробный мир стал представляться местом, где за душой сохраняется ее земное социальное положение. Гагаузы верили, что ворота загробного царства, где пребывают души царей — золотые, богачей — серебряные, бедняков — деревянные, что крупные звезды — это души богачей, а мелкие — бедняков⁴.

Часть похоронных обычаев, обрядов, верований связана с православной религией: чтение молитв, священных книг, вручение умирающему в руки свечи, обращение к милости бога, крестное знамение, возложение на грудь покойника иконы и креста, вручение «паспорта» в рай, проводы на кладбище при «святах» хоругвах, отпевание покойника, похороны на третий день после смерти, верование о мучениях «грешных» людей, обычай хоронить умерших неестественной смертью и некрещенных за кладбищенской оградой и т. д. Под влиянием церкви распространились идеи о вознаграждении и возмездии, о грехе, о воскресении души.

Анализ обрядов, обычаев, верований, связанных со смертью и похоронами, показывает, что большинство из них имеет древнее происхождение. В их основе лежал нерелигиозный взгляд первобытных людей на природу и самих себя.

Возникшие религиозные верования повлияли на содержание похоронных обрядов. Значительная часть гагаузских похоронных обрядов встречается среди соседних с ними народов. Имеются и некоторые отличия. Особенно заметны они в содержании обрядов, связанных с представлением о «нечистоте» покойника. Последние аналогичны похоронным обрядам ряда тюркских народов. Объем настоящего сообщения не позволяет раскрыть эти параллели. Необходимо дальнейшее изучение этих аналогий для выявления наиболее древних пластов в гагаузской похоронной обрядности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Кишиневские епархиальные ведомости», 1875, № 21, с. 779—784; № 22, с. 831—938; № 24, с. 909—912; Манов А. И. Потеклото на гагаузите, техните обичаи и нрави. Варна, 1938, с. 61—95, 139—144.

² Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. — «Этнографическое обозрение», 1901, № 4, с. 181; 1902, № 3, с. 1—63. Он же. Наречия бессарабских гагаузов. — В кн.: Образцы народной литературы тюркских племен, ч. X. Спб., 1904, с. 20, 34, 42, 167, 104, 282.

³ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, с. 27.

⁴ Манов А. И. Указ. соч., с. 70, 84.

М. В. ПЕТРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АВТОРСКОГО ПРАВА НА СЦЕНАРИИ

Согласно ст. 538 ГК МССР (ст. 504 ГК РСФСР), сценарным договором является договор об использовании неопубликованного произведения в кинофильме или телевизионном фильме, в радио- или телевизионной передаче. Каждый конкретный сценарный договор заключается на основе соответствующего Типового договора.

Договорные отношения киностудий с авторами о написании сценариев для художественных фильмов строятся в соответствии с Типовым сценарным договором для художественных фильмов, утвержденным Госкомитетом Совета Министров СССР по кинематографии 14 апреля 1971 г., с внесенными в него изменениями от 5 августа 1974 г. Договоры на написание сценариев для документальных и видовых фильмов заключаются на основе соответствующего Типового договора, утвержденного министром кинематографии СССР 30 августа 1950 г., а для научно-популярных и учебных кинофильмов — на основе Типового договора, утвержденного министром культуры СССР 20 марта 1962 г.

Государственным Комитетом Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию 4 июля 1975 г. введены в действие новые типовые сценарные договоры: 1) для художественных телефильмов; 2) для художественных многосерийных телефильмов; 3) для документальных, научно-популярных, учебных и видовых телефильмов.

Анализируя ст. 538 ГК МССР (ст. 504 ГК РСФСР) и типовые сценарные договоры, можно заметить определенные различия в трактовке ими некоторых положений. Так, последние не содержат прямого запрета передачи сценария, созданного по договору, для использования третьим лицом иными способами, чем предусмотрено в договоре, например, путем издания. Из них только типовой сценарный договор для художественных фильмов устанавливает, что до истечения срока действия договора автор обязуется без письменного согласия студии не разрешать публикацию, за исключением специальных кинематографических изданий, а также иного использования своего произведения.

Отсутствие в типовых сценарных договорах прямого указания на то, что их предметом является использование лишь неопубликованного сценария для создания кино-или телефильма, можно объяснить двояко. Во-первых, можно считать, что типовые сценарные договоры и при наличии между автором и студией договора допускают опубликование в печати сценария до постановки на его основе кинофильма. Тогда это означает, что автор, выполнив свои обязанности перед студией по написанию сценария, вправе заключить также издательский договор в отношении своего сценария. При этом постановка кинофильма по этому сценарию может быть тогда осуществлена как до, так и после его опубликования. Во-вторых, отсутствие в типовых договорах прямого запрета опубликования сценария можно объяснить тем, что подзаконные акты не должны воспроизводить общие нормы конкретизируемого ими закона. Однако если предположить, что типовые сценарные договоры исходят из нормы ст. 538 ГК МССР (ст. 504 ГК РСФСР) о том, что сценарные договоры заключаются в отношении неопубликованных произведений, то как объяснить содержание п. 9 «а» Типового сценарного договора для художественных фильмов, предусматривающего возможность публикации сценария в специальных кинематографических изданиях?

Практика идет по пути признания за автором права опубликования своего сценария. С начала 60-х годов в журнале «Искусство кино» систематически публикуются киносценарии, по которым к моменту публикации фильм еще не создан. Он находится или в процессе производства, или сценарный договор на него вообще еще не заключен. Чем вызвано такое положение вещей? По всей вероятности, требованиями жизни, интересами авторов. Это касается прежде всего сценариев, на которые еще не заключен авторский сценарный договор.

Автора, опубликовавшего свое произведение, можно сравнить с офферентом, то есть лицом, предлагающим неограниченному числу киностудий вступить с ним в авторский договор по поводу использования созданного им сценария. А сама публикация сценария может рассматриваться в качестве публичной оферты. Высказанное С. Н. Ландкофом мнение о том, что сценарии публикуются лишь тогда, когда автор не предполагает передавать свое авторское право на постановку фильма студии¹, не выдержало проверки временем. По многим опубликованным сценариям были заключены сценарные договоры и поставлены фильмы, и суд не считал в таком случае публикацию обстоятельством, порочащим законность киносценарных договоров².

Опубликование сценариев, на которые уже заключены договоры, после того, как студии уже одобрили и приняли их, не нарушает исключительного права последних на постановку по данным сценариям фильмов, так как фильмы уже находятся в

производстве данных киностудий, а регулирование отношений по созданию кинопроизведений осуществляется Государственными комитетами по кинематографии, телевидению и радиовещанию Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик, которые не допускают создания по одному сценарию фильмов на двух студиях сразу. Иными словами, публикация сценариев не ущемляет ни студийных, ни авторских интересов.

Думается, что приоритет надо отдавать типовым сценарным договорам, поскольку в силу ст. 20 Конституции СССР в случае противоречия между республиканскими и союзными нормативными актами действуют союзные. Вместе с этим есть необходимость исключить из п. 3 ст. 538 ГК МССР (ст. 504 ГК РСФСР) указание о возможности заключения сценарных договоров только в отношении неопубликованных произведений.

В п. 3 «а» Положения о Комитете по кинематографии при СМ СССР сказано, что Комитет утверждает сценарии художественных, всех полнометражных научно-популярных и хроникально-документальных фильмов, устанавливает порядок их приобретения и использования. Полагаем, что право Комитета на утверждение сценариев относится к области, связанной с непосредственным запуском сценариев в производство, и на действительность сценарного договора не влияет. Принятие сценария относится к компетенции киностудии, поскольку контрагентами в сценарном договоре являются автор, обязующийся написать сценарий, и студия, обязующаяся при соблюдении автором всех предусмотренных договором условий принять сценарий к производству. Третьей стороны в данном авторском правоотношении не существует.

Госкомитет по кинематографии может отменить решение студии об одобрении сценария и принятии его к производству. Но допускается это лишь в порядке исключения. Даже если он откажет в постановке по одобренному сценарию кинофильма, на наш взгляд, автора это не должно касаться. Вся ответственность в данном случае падает на киностудию. Иное было бы возможным, если бы стороны при заключении договора, в силу предписаний закона или типового договора, условились считать произведение надлежаще выполненным лишь при одобрении сценария Госкомитетом. Но ни в законе, ни в типовых сценарных договорах такой оговорки нет. Поэтому, в случае отмены Госкомитетом решения студии о принятии сценария к производству, вся ответственность должна падать на киностудию. Необосновано и установление совместной ответственности студии и автора сценария за невыпуск фильма.

В числе оснований, дающих право киностудии на расторжение договора и взыскание с автора всех денежных сумм, полученных по договору, в ст. 511 ГК РСФСР указана виновная просрочка автора в передаче произведения организации, а следовательно, и киностудии, в срок первоначального представления или в сроки, установленные впоследствии для внесения в сценарий исправлений и переделок. Вместе с тем в действующем Типовом сценарном договоре для художественных фильмов от 14 апреля 1971 г. не содержится указание на вину автора, как основание ответственности в случае его просрочки в представлении сценария. При разработке нового Типового договора следовало бы учесть указание ст. 545 ГК МССР (ст. 511 ГК РСФСР) о вине автора, как основании его ответственности, и соответственно дополнить п. 9 Типового сценарного договора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ландкоф С. Н. Киноавторское право. Киев, 1963, с. 19.
- ² Дела № 2-421-71, 2-466-72, 2-471-72 Гагаринского и № 2-186-73 Краснопресненского народных судов г. Москвы.
- ³ СП СССР, 1964 г., № 9, ст. 419.

РЕЦЕНЗИИ

Е. Н. ИСТРАТИ

ХОТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Хотинское восстание, охватившее в январе 1919 г. северную часть Бессарабии, вписало яркую страницу в летопись совместной борьбы трудящихся Молдавии и Украины против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции за восстановление Советской власти.

Первые публикации об этом событии увидели свет еще в 20-е годы в сборниках документов и материалов, в журнале «Красная Бессарабия», в книгах В. Дембо¹ и Л. Александри². В последующие десятилетия некоторые новые документы появились в сборниках, освещающих борьбу трудящихся Буковины и Молдавии за свое социальное и национальное освобождение в 1918—1940 гг.³ Хотинскому восстанию была посвящена также монография украинского историка А. Юрченко⁴. Несмотря на ценность этих работ, восстание освещалось в них лишь в самых общих чертах, поскольку привлекалось недостаточное количество документов. Только расширение документальной базы позволило изучить и оценить все аспекты этого народного движения, ликвидировать «белые пятна», имеющиеся в освещении его истории.

Восполнением этого пробела в нашей историографии занялась группа историков Молдавии и Украины, руководимая доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки Молдавской ССР Н. В. Березняковым. Совместная многолетняя работа ученых по выявлению новых источников о Хотинской эпопее завершилась научным изданием собранных документов и материалов⁵. В книгу включены 242 документа и воспоминания, большинство из которых выявлены составителями в центральных и областных архивах СССР, в музеях Молдавии и Украины и публикуются впервые.

Сборнику предпослано краткое введение. В нем описываются исторические события, на фоне которых вспыхнуло народное движение, дается краткий очерк Хотинского восстания, поясняется структура работы, изложены принципы подачи материалов.

В первом разделе книги помещены архивные документы и материалы из периодической печати, во втором — воспоминания участников восстания. Взаимно дополняя друг друга, они воскрешают яркую картину мощного народно-освободительного движения, которое охватило широкие слои населения — крестьян, рабочих, ремесленников, трудовую интеллигенцию.

Значительное место в книге занимают документы о деятельности большевистских организаций, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, революционного подполья и повстанческих отрядов. Для более глубокого понимания причин и закономерности возникновения восстания в сборнике помещены документы, раскрывающие процесс установления Советской власти на севере Бессарабии, ее упрочения и защиты от австро-венгерских и румынских интервентов (док. № 1, 2, 5, 6—15, 18, 19, 22—24, 26, 27, 30).

Несмотря на стойкое сопротивление трудящихся масс Бессарабии, королевская Румыния к середине марта 1918 г. захватила большую часть края, а Австро-Венгрия — Хотинский уезд и северную часть Сорокского уезда. Оккупанты установили здесь режим кровавого террора, лишив трудящихся всех прав и свобод, полученных ими в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции (док. № 34—37, 39). Но рабочие и крестьяне не могли мириться с восстановлением гнета помещиков и капиталистов и упорно сопротивлялись чужеземным поработителям и их прислушникам (док. № 38, 40, 42 и др.).

В октябре—ноябре 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии вспыхнула революция. Австро-венгерские войска покинули север Бессарабии, но их место заняли войска королевской Румынии, которые установили еще более жестокий режим. Положение народных масс продолжало ухудшаться. Неприкритый грабеж, избиения и расстрелы непокорных вызвали глубокое недовольство рабочих, крестьян, представителей интел-

лигенции. Участились столкновения крестьян с оккупационными войсками (док. № 44, 46—48, 50, 52, 54, 57).

В январе 1919 г. нарастающая волна недовольства вылилась в мощное народное движение против румынских захватчиков, вошедшее в историю под названием Хотинского восстания. В ночь на 19 января вооруженный отряд бессарабских партизан, находившийся на левом берегу Днестра, под руководством Г. И. Барбуцы переправился через реку в районе Могилева-Подольского, напал на части оккупационных войск в местечке Атаки Сорокского уезда и разгромил их. Это послужило сигналом для восстания трудящихся масс, которые не могли мириться с ликвидацией завоеваний Великого Октября и установлением жестокого оккупационного режима.

Пламя восстания перекинулось на Окницю, Наславчу, Каларашовку, Арионешты и другие населенные пункты. 20 января партизанские отряды во главе с Н. Ф. Скутельником и В. Г. Штеплюком подняли население с Сокиряны. 22 января восстание охватило с. Рукшин. В ночь на 23 января повстанческие отряды под руководством И. Волошенко-Мардарьева, Н. Адажия, Л. Токана, В. Кандыбы и др. изгнали оккупантов из Хотина, отогнав их на 30 километров от города. Власть перешла к временному революционному органу — Директории, которая обратилась к населению Бессарабии с горячим призывом изгнать румынских оккупантов. «Довольно насилья над нами! Прочь насильников! Да здравствует свободная демократическая Бессарабия! За волю и землю — все к оружию!» — говорилось в этом обращении (док. № 61).

Временный орган власти повстанцев заявил о передаче крестьянам земли, провозгласил восстановление демократических свобод. Приказом от 23 января 1919 г. Директория установила на освобожденной территории революционный порядок (док. № 62). Были приняты меры по созданию повстанческой армии — Бессарабской народной армии (док. № 73, 77, 78, 84—86, 92).

Восстание ширилось. Оно распространилось на Климауцкую, Сталинештскую, Рукшинскую, Данкоуцкую, Кельменецкую и другие волости, охватило около сотни населенных пунктов, расположенных на территории общей площадью около 10 тыс. кв. км. Число повстанцев достигло 30 тыс.

Документы свидетельствуют о том, что восставшие, руководимые местными большевистскими организациями и ревкомом во главе с И. Волошенко-Мардарьевым, Н. Адажием, В. Долганюком, В. Раренко, Л. Руснаком, В. Чебаном в течение двух недель мужественно сражались с войсками оккупантов, вынуждая их отступать с большими потерями. Отдельные группы румынских солдат переходили на сторону восставших.

Хотинское восстание нашло горячий отклик в среде трудящихся других районов Бессарабии, Буковины и Подолии (док. № 63, 72, 79, 80, 82, 91, 109).

Широкая панорама массового народного движения воссоздается в воспоминаниях участников Хотинского восстания (док. № 202—282). Перед читателем предстает галерея подлинных лиц — героев освободительной борьбы. Их рассказы — это настоящие репортажи из героического прошлого. Воспоминания проливают свет на те моменты восстания, которые по архивным документам трудно проследить (способы получения повстанцами оружия и продуктов питания, разоблачение предательской роли петлюровских агентов Лискуна и Лысака, пробравшихся в орган власти восставших — в Хотинскую Директорию).

Однако столь успешно начатое восстание вскоре было подавлено превосходящими силами регулярных оккупационных войск. Сказались недостаточная подготовленность и организованность восставших, слабое руководство народными массами со стороны местных подпольных большевистских организаций, находящихся в стадии становления (док. № 120 и др.). «...Больше всего нам не хватало налаженной военной организации, правильного политического руководства. Директория, состоявшая из представителей различных слоев населения, не смогла придать восстанию резко выявленного классового характера, — так описывал положение, создавшееся в повстанческом районе, один из участников восстания Ф. И. Дубковецкий (док. № 223).

Решающую роль сыграло то обстоятельство, что Красная Армия, ведущая тяжелые бои против петлюровцев, не смогла пробиться в Бессарабию и оказать восставшим необходимую помощь. Повстанцы оказались одни перед объединенным фронтом внутренней и внешней контрреволюции. Для подавления восставших народных масс оккупанты воспользовались не только услугами молдавских, украинских и других буржуазных националистов; но и помощью Антанты. Вступили в сговор с румынскими помещиками и капиталистами и петлюровцы, которые свирепствовали в это время на части территории Украины. Помещенные в сборнике документы убедительно разоблачают петлюровцев, которые помогали карателям расправиться с повстанцами (док. № 74, 93, 98—100, 103, 104). Читатель найдет в книге большое количество документов, рисующих ужасную картину расправы с восставшими (док. № 64—70, 87, 89, 90, 114—119, 121, 124, 125, 127, 164 и др.).

В сборнике широко представлены также документы, раскрывающие интернациональный характер Хотинского восстания, участие в нем украинцев, молдаван, русских и представителей трудящихся других национальностей (док. № 116, 118, 163, 197, 199, 201, 212, 219, 220, 222, 252). Они приобретают особую актуальность, если учесть, что буржуазные фальсификаторы истории сегодня продолжают извращать историю Хотинского восстания и замалчивать его интернациональный характер.

Большую ценность представляют корреспонденции, статьи и сообщения «Правды», «Известий» и других газет за 1919 г., свидетельствующие о том, что советская печать достаточно полно отразила Хотинское восстание и отнеслась с симпатией и сочувствием к повстанцам (док. № 44, 107, 130). О международном резонансе Хотинского восстания говорят помещенные в сборнике сообщения зарубежной прессы, выдержка из книги французского писателя-коммуниста Анри Барбюса «Палачи» (с. 389). Ее следовало бы дать в основном тексте, а не в примечаниях. Тем более, что во введении к книге специально оговаривается значимость этого документа для настоящего издания (с. 14).

В сборник включена и часть документов и материалов из буржуазных источников, которые, несмотря на свою тенденциозность, отчасти разоблачают сговор оккупантов с белогвардейской и буржуазно-националистической контрреволюцией, беспощадность карателей, подавивших восстание с невероятной жестокостью (док. № 64—70, 87—90).

Составители сборника подобрали для публикации наиболее характерные документы, отражающие подлинные события, одновременно сообщая в комментариях об аналогичных источниках. Большинство документов впервые вводится в научный оборот. Вполне оправданно приводятся и некоторые документы других изданий, имеющие большое значение для освещения хода восстания. На наш взгляд следовало бы включить и такие важные источники, как статьи-воспоминания С. Бантке (Рубана)⁶, опубликованные в 1929 г. и ставшие ныне библиографической редкостью, и «Нота Хотинской Директории» от 21 января 1919 г.⁷

К достоинствам книги относятся тщательная археографическая обработка документов и материалов, составленные на высоком уровне примечания и развернутые комментарии, именной и географической указатели, список использованных источников, иллюстрации.

Несомненный интерес представили бы для читателя карта северной части Бессарабии, охваченной восстанием, и схема важнейших боев повстанцев с румынской оккупационной армией, которые, к сожалению, отсутствуют в книге. Следовало бы, на наш взгляд, снабдить воспоминания участников Хотинского восстания более подробными биографическими сведениями.

Однако все замечания касаются частных вопросов. В целом книга соответствует требованиям, предъявляемым к документальным публикациям. Сборник «Хотинское восстание» запечатлел в документах и материалах одну из самых ярких страниц совместной борьбы трудящихся Молдавии и Украины за счастливое будущее. Знакомство с достоверными фактами, о которых рассказывают на страницах книги участники и свидетели героического прошлого, имеет большое научно-познавательное значение, способствует разоблачению буржуазных фальсификаторов истории нашей страны и воспитанию советских людей в духе патриотизма и интернационализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дембо В. Никогда не забыть! Кровавая летопись Бессарабии (по официальным документам). М., 1924.
- ² Александри Л. Н. Бессарабия и бессарабский вопрос. М., 1924.
- ³ Боротьба трудящих Буковини за соціальне і національне визволення і возз'єднання з Українською РСР (1917—1941). Чернівці, 1958; Героїчна Хотинщина. Львів, 1972; Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.). Кишинев, 1967.
- ⁴ Юрченко А. Хотинское восстание. Киев, 1948.
- ⁵ Хотинское восстание (Сборник документов и материалов). Кишинев, 1976.
- ⁶ Хотин в огне восстания. М., 1929, с. 7—33, 76—84.
- ⁷ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.), с. 220—221.

К. А. ПОГЛУБКО

ТРУД О БОЛГАРСКОМ ПОЭТЕ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ*

2 июня 1976 г. исполнилось 100 лет со дня героической гибели выдающегося поэта-революционера, социалиста-утописта, активного участника национально-освободительного движения Болгарии Христо Ботева. К этой дате в Народной Республике Болгарии и за ее пределами были изданы статьи, брошюры, сборники, монографии, посвященные великому сыну болгарского народа. Среди них и рецензируемая нами работа. Она написана известным историком, профессором Ив. Унджиевым и кандидатом наук критиком-литературоведом Цв. Унджиевой.

Перед авторами стояла сложная задача — проследить жизненный путь, революционную деятельность и творчество Христо Ботева, о котором за истекшие сто лет было издано очень много работ. Казалось, исследованы все известные факты жизни и деятельности поэта-революционера, изложены различные концепции относительно его идейно-политического мировоззрения. Однако, основываясь на марксистско-ленинской методологии, используя все ценное, что содержалось в опубликованных прежде работах, изучив многочисленные литературные и архивные источники, Ив. Унджиев и Цв. Унджиева по-новому подошли к интерпретации ряда уже известных фактов из биографии поэта.

В книге подробно описаны юношеские годы Хр. Ботева, показано, что у поэта рано пробудился интерес к трагической судьбе болгарского народа, стоящего под османским игом. На формирование его мировоззрения большое влияние оказало трехлетнее пребывание в России, знакомство с сочинениями русских революционеров-демократов, с деятельностью нелегальных одесских кружков. В России Ботев начал свою поэтическую биографию; здесь он создал одно из самых лирических стихотворений — «К матери», которое поражает своей зрелостью, высокими художественными достоинствами. Учительствуя несколько месяцев в болгарском селе Задунаевка, на юге Бессарабии, молодой болгарин широко пропагандировал среди крестьян идеи утопического социализма, воспитывал у них антиправительственные настроения.

Много внимания в книге уделено пребыванию Христо Ботева в Румынии, его участию в жизни болгарской эмиграции. Это самый большой и содержательный период жизни поэта-революционера. Бранла, Александрия, Галац, Бухарест — в этих городах Ботев работал в школах, типографиях, изучал медицину. Но не это было его главной целью в жизни. Революционная, публицистическая деятельность — вот чему отдавал он все свои силы, талант и время. В книге она показана на фоне национально-освободительной борьбы болгарского народа, тех идейных, организационных, тактических поисков, которые характеризовали эмиграцию в 60—70 годах XIX в.

Надо отметить, что авторы работы отошли от существовавших до этого в литературе односторонних трактовок связей Хр. Ботева с представителями русского народничества, преувеличения значения его общения с С. Г. Нечаевым. Они показали, что болгарский поэт-революционер поддерживал также контакты с членами одесских пропагандистских кружков, прислушивался к их советам.

Хр. Ботев и его соотечественники вместе с русским народником Н. Мелединым безоговорочно стали на сторону парижских коммунаров. За подписью Хр. Ботева и В. Попова была послана телеграмма, содержащая «братское и сердечное приветствие комитету Коммуны в Париже» (с. 234). Заслуживает внимания вывод авторов, что под влиянием «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса болгарский революционер, несмотря на отсталые общественно-экономические условия в стране, помешавшие ему проникнуть в суть основных положений марксизма, все же увидел светлый идеал коммунистического общества, общества будущего (с. 248—249).

В книге подробно освещается конфликт, возникший между лидерами болгарской эмиграции Л. Каравеловым и Хр. Ботевым. Последний выступил против либерально-просветительских устремлений бывшего председателя Болгарского революционного Центрального Комитета (БРЦК) Л. Каравелова. Следует согласиться с мнением Ив. Унджиева и Цв. Унджиевой, что различия между их мировоззрениями отражали две тенденции национально-освободительного движения. Каравелов был представителем его умеренного крыла, Ботев же являлся выразителем стремлений пролетаризированных и полупролетаризированных народных масс, для которых революция была единственным выходом из угнетенного положения (с. 467).

Деятельность поэта-революционера с весны 1875 г. рассматривается в неразрывной связи с разворачивающейся на Балканском полуострове борьбой народов против вековых поработителей. Ботев становится одним из вождей революционного движения Болгарии. Словом и делом он стремился сплотить все патриотические силы страны, ис-

* Унджиев Ив., Унджиева Цв. Христо Ботев — живот и дело. София, 1975.

пользовать помощь извне для нанесения последнего удара по Османской империи. Авторы показывают контакты поэта-трибуна с русскими народническими кругами, с общественностью России. В 1875—1876 гг. он дважды посещал Кишинев. Примечательно, что для экипировки ботевского отряда наибольшая сумма — 5000 франков — поступила через кишиневского болгарина П. Калянджи (с. 685, 692—693).

Двести болгарских патриотов во главе с Хр. Ботевым, приблизившись на австрийском пароходе «Радецкий» к болгарскому берегу у села Козлодуй, заставляют капитана сделать остановку. Отряд направляется на юг, в глубь Болгарии. Происходят неравные схватки с противником. 20 мая (по старому стилю) во Врачанских горах храбрый воевода, великий поэт и революционер Христо Ботев погибает от неприятельской пули. В книге прослеживается судьба ботевского отряда после гибели его предводителя.

В заключении авторы говорят о значении революционной деятельности, поэтического творчества выдающегося революционера: «Ботев принадлежит всему миру. Его подлинное величие можно оценить, если сопоставить его с другими крупными революционерами, мыслителями и поэтами XIX в. — с Байроном и Мицкевичем, Лермонтовым и Петефи, Герценом и Чернышевским, Гарибальди и Мадзини. Он — один из духовных титанов своей эпохи» (с. 768).

Хочется отметить также, что творческий, революционный путь Ботева рассматривается в тесной связи с жизненной судьбой поэта, с судьбами его родных и близких. Он встает перед нами как вождь революции, выдающийся художник слова, наконец, как человек со своими достоинствами и слабостями.

Ив. Унджиев и Цв. Унджиева подводят итоги многих дискуссионных проблем биографии Хр. Ботева. Они не обходят молчанием нерешенные вопросы, выдвигают новые гипотезы и предположения, очерчивая перспективу для дальнейших изысканий и поисков.

Читатель не может не восхищаться языком монографии, образным, емким и в то же время научно четким. Богатые иллюстрации дополняют содержание книги и одновременно служат ее украшением.

Профессор Ив. Унджиев и Цв. Унджиева известны как ученые, посвятившие десятки лет исследованию ботевского наследия. Их фундаментальный труд — достойный подарок всем, кто любит и почитает великого Ботева. Это еще один «нерукотворный» памятник выдающемуся поэту-революционеру Болгарии, свидетельство глубокого уважения и признательности авторов к своему гениальному соотечественнику.